

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

2023 Т. 17, № 1 (80)

MANAGEMENT ISSUES

2023, vol. 17, no. 1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Чевтаева Наталия Геннадьевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Балынская Наталья Ринатовна – Южно-Уральский институт искусств имени П.И. Чайковского (Челябинск, Россия)

Керимов Александр Алиевич – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Литвиненко Александр Николаевич – Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ростовская Тамара Керимовна – Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия);

Руденкин Василий Николаевич – Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Скоробацкий Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Атанесян Артур – Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)

Кумар Правин – Индийский институт высшего образования и исследований (Ченнаи, Индия)

Сюлейманлы Эбульфез – Университет Ускюдар (Стамбул, Турция)

Тце Серене – Университет Нинбо – Объединенный институт Университета Анже (Нинбо, Китай)

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ

Трушков Дмитрий Игоревич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.4. Финансы (экономические науки)

5.2.6. Менеджмент (экономические науки)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛА РАЗМЕЩАЮТСЯ:

- на официальном сайте;
- в научной электронной библиотеке eLibrary.ru;
- в открытой библиотеке CyberLeninka.ru;
- в ЭБС [Лань](http://Lanb.ru);
- в библиотеке [ЛитРес](http://LitRes.ru).

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Natalia G. Chevtaeva – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Anna P. Bagirova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Natalia R. Balynskaya – South Ural Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky (Chelyabinsk, Russia)

Aleksandr A. Kerimov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Aleksandr N. Litvinenko – Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Igor N. Molchanov – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Vasily N. Rudenkin – Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

Artur Atanesyan – Erevan State University (Erevan, Armenia)

Praveen Kumar – Bharath Institute of Higher Education and Research (Chennai, India)

Ebulfez Süleymanlı – Uskudar University (Istanbul, Turkey)

Serene Tze – Ningbo University – University of Angers Joint Institute (Ningbo, China)

TECHNICAL SECRETARY

Dmitriy I. Trushkov – Ural Institute of Management – branch of RANEPa

The journal is included in the list of leading peer-reviewed academic journals, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science:

5.2.1. Economic theory (Economic Sciences)

5.2.3. Regional and sectoral economy (Economic Sciences)

5.2.4. Finance (Economic Sciences)

5.2.6. Management (Economic Sciences)

5.4.4. Social structure, social institutions and processes (Sociological Sciences)

5.4.7. Sociology of management (Sociological Sciences)

5.5.2. Political institutions, processes and technologies (Political Sciences).

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-49260 dated April 2, 2012.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС: 66020

http://www.akc.ru/itm/voprosy_i-upravleniy_a/

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

Дьяконов Р. В.

Перспективы введения цифровой валюты Центрального Банка в мире и в России

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Егорышев С. В., Мигунова Ю. В.

Организация мер социальной поддержки переселенцев из Донецка и Луганска в Республике Башкортостан

Зверев А. И.

Формирование методологии социологического анализа «проектного» города (на примере исследования социальной среды г. Иннополис)

Воронина Л. И., Зайцева Е. В.

Совершенствование реализации государственной стратегии финансовой грамотности пожилых людей: региональный аспект

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Мортиков В. В.

Макроэкономические аспекты принятия решений в области управления персоналом

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Резер Т. М., Григоренко Я. А.

Государственное управление демографической ситуацией в Уральском федеральном округе

CONTENTS

ECONOMICS and MANAGEMENT

Dyakonov R. V.

5 Prospects for the CBDC introduction in the world and in Russia

SOCIAL MANAGEMENT

Egoryshev S. V., Migunova Yu. V.

20 Arranging social measures to support resettlers from Donetsk and Lugansk to the Republic of Bashkortostan

Zverev A. I.

33 Developing the sociological analysis methodology of the “project” city (using the social environment research of the city of Innopolis as an example)

Voronina L. I., Zaytseva E. V.

45 Improving the implementation of the national strategy of senior citizens’ financial awareness: regional aspect

CORPORATE MANAGEMENT

Mortikov V. V.

61 Macroeconomic aspects of decision-making in the field of personnel management

PUBLIC MANAGEMENT and PUBLIC ADMINISTRATION

Rezer T. M., Grigorenko Ya. A.

75 Public administration of demographics in the Ural Federal District

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS and MANAGEMENT

ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА В МИРЕ И В РОССИИ

Дьяконов Р. В.^а

^а Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Актуальность. В условиях глобальной цифровизации и необходимости налаживания социально-экономических, финансовых и иных связей в условиях непредвиденных внешних шоков, как, например, пандемия COVID-19, в профессиональной и научной среде все больше популярности по всему миру набирают идеи по разработке и внедрению цифровой валюты центральных банков (*Central Bank Digital Currency* – CBDC). В первую очередь, это связано с принципиальным их отличием от других форм цифровых монет – они напрямую обеспечены ответственностью регулятора. Цель исследования – оценка перспектив введения цифровой валюты центрального банка в России путем изучения особенностей цифровых валют и мировую практику их внедрения, определения основных преимуществ и недостатков и моделирования влияния безналичных платежей на экономическое развитие России в 2000–2022 гг.

Методы и методология. В исследовании приводится описание цифровых денег, анализируется их отличие от классических фиатных денег и криптовалют. На основе зарубежной литературы, а также отчетов мировых финансовых организаций выделены положительные и отрицательные стороны внедрения цифровой валюты. Далее рассмотрен мировой и отечественный опыт по разработке и внедрению CBDC. На основе регрессионного анализа дана оценка влиянию безналичных и наличных платежей на экономический рост.

Результаты. Отмечен опыт Китая и Швеции как одних из наиболее продвинутых стран по созданию и имплементации национальной цифровой валюты в действующую финансовую сферу. Проанализирован опыт России, которая активно работает над развитием цифровой платежной инфраструктуры в последние годы. Так, в конце 2022 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект в связи с внедрением цифрового рубля. На основе регрессионного моделирования получен результат о том, что в 2020–2022 гг. более сильный положительный эффект на рост реального ВВП оказали именно наличные средства.

Выводы. Полная цифровизация и полный переход на цифровую валюту не представляются реализуемыми в России в краткосрочной перспективе. Тестирование иных гипотез и анализ финансовых и социально-экономических факторов, обосновывающих целесообразность введения цифровой валюты, как и поиск эффектов от введения цифровой валюты, могут стать предметом дальнейшего исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровая валюта центрального банка, CBDC, цифровизация, финансовая стабильность, безналичные платежи, криптовалюта, фиатные деньги.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дьяконов Р. В. Перспективы введения цифровой валюты Центрального Банка в мире и в России // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 1. С. 5-18. EDN CZFTPX.

■ ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что наличные являются наиболее используемым платежным средством в мире, технологические инновации и новые потребительские предпочтения решительно меняют то, как потребители платят и управляют деньгами. Сегодня последствия цифровизации проявляются практически во всех областях хозяйствования. В дополнение к технологическим достижениям последних десятилетий пандемия коронавируса COVID-19 стала катализатором изменений в сфере цифровой экономики и побудила активно инвестировать в цифровизацию как на государственном, так и на уровне отдельных экономических агентов [1].

Ключевой элемент данного процесса – электронные платежи – был повсеместно интегрирован в нашу жизнь по мере того, как банковский сектор перенес свою деятельность в электронную среду. Таким образом, начался процесс перевода денег между физическими лицами без необходимости в финансовых учреждениях. Однако в современных условиях центральные банки начали прорабатывать вопрос целесообразности внедрения цифровой валюты центрального банка (*Central bank digital currency, CBDC*) (далее – цифровая валюта)¹.

Цифровая валюта – это цифровые форматы валют, которые не существуют в физической форме и в основном управляются, хранятся и обмениваются в цифровых компьютерных системах.

В нынешних условиях возможно создать цифровую валюту, которая сочетает в себе лучшие характеристики как физических, так и виртуальных валют. Эти характеристики обладают огромным потенциалом для повышения конкурентоспособности и стабильности торговых и ресурсодобывающих экономик [2].

Тем не менее существует необходимость изучения последствий с точки зрения рисков, выгод и потенциальных затрат, связанных с внедрением цифровых валют. Начиная с соображений конфиденциальности и заканчивая макроэкономическими последствиями, эти последствия размыывают границы платежных и финансовых систем, бросая вызов основным функциям экономики и общества.

Целью исследования является изучение особенностей цифровых валют, мировой практики их внедрения, включая опыт России, определение преимуществ и недостатков введения цифровых валют и оценка влияния безналичных платежей на экономическое развитие России.

■ МЕТОДЫ И ДАННЫЕ

Объектом исследования является цифровая валюта Центрального банка. Предмет исследования – оценка влияния безналичных платежей на экономическое развитие Российской Федерации и целесообразности перехода страны на цифровую валюту.

Методологическая и теоретическая база работы включает в себя исследования зарубежных ученых в области цифровых валют [1–5 и др.].

Информационными базами послужили данные Банка России, Росстата, а также международная статистическая база данных *Bank for International Settlements* (BIS) за период 2000–2022 гг.

Научная новизна работы состоит в оценке целесообразности внедрения Центральным банком нового формата денег и перспектив его введения в ближайшее время.

Обозначенная цель достигнута путем определения основных отличительных характеристик цифровых валют через её сравнение с классическими деньгами и криптовалютой, изучения спроса на цифровизацию на основе данных центральных банков различных стран, анализа практики зарубежных стран и России по внедрению цифровой валюты на современном этапе, выделения положительных и отрицательных аспектов внедрения цифровых валют на основе исследований зарубежных ученых, оценки влияния безналичных и наличных платежей на экономическое развитие России через построение регрессионной модели.

Репрезентативность данных обеспечена публичными статистическими данными центральных банков и Росстата.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Деньги имеют решающее значение для экономической деятельности, поскольку они обеспечивают эффективный обмен товарами и услугами. Без общепринятого средства обмена транзакции ограничиваются бартерными и кредитными соглашениями, которые могут сорваться по разным причинам.

¹ Auer, R., Cornelli, G., Frost, J. (2020). Covid-19, Cash, and the Future of Payments. BIS Bulletin, (3), 1-7. URL: <https://www.bis.org/publ/bisbull03.pdf> (дата обращения 20.01.2023).

Таблица 1 – Сравнение цифровых валют с классическими деньгами и криптовалютой
Table 1 – Comparison of digital currencies with classic money and cryptocurrency

Характеристика	Фиатные деньги	Криптовалюта	Цифровые валюты
Выпуск	централизован, регулируется Центральным банком	децентрализован, регулируется базовым алгоритмом	централизован, регулируется Центральным банком
Ответственность	ответственность эмитента	отсутствует	ответственность эмитента
Форма	материальная	нематериальная	нематериальная
Ликвидность	абсолютная	волатильна, не гарантирована	абсолютная
Стабильность	высокая, за исключением случаев гиперинфляции	низкая	высокая
Приемлемость как платежного средства	универсальная в рамках страны	ограничена	универсальная в рамках страны
Конфиденциальность личности пользователя	анонимность при использовании наличных, для счетов в коммерческих банках требуется идентификация	анонимность, отсутствие связи между адресами и физическими лицами	требуется идентификация
Конфиденциальность транзакций	видима для финансовых и правоохранительных органов	конфиденциальны	неконфиденциальны
Географический охват	в рамках страны	глобально	в рамках распространения национальной валюты

Источник: составлено автором на основе [4, 6–7].

Для эффективного функционирования цифровой экономики требуются цифровые деньги. Поскольку всё больше хозяйственной деятельности происходит онлайн, наличные деньги начали терять свою привлекательность как эффективное платежное средство.

Цифровые валюты основаны на инфраструктуре, которая сочетает в себе современные разработки в области блокчейна, технологии распределенных реестров, криптографии и безопасных многопользовательских вычислений. Согласно исследованиям, цифровые валюты, которые не предусматривают никаких прав интеллектуальной собственности, быстры, масштабируемы и безвредны для окружающей среды, в отличие от криптовалют. Кроме того, если оценивать их как инструмент финансовых инвестиций, они являются удобным для инвесторов инструментом из-за их низкой волатильности как по отношению к криптовалютам, так и к фиатным валютам [2].

Некоторые отличия цифровых денег от классической формы денег и от криптовалют приведены в таблице 1.

В некоторых исследованиях замечено, что если Центральный банк будет выпускать цифровую валюту, то государства могут отказаться от физических денег в пользу их электронного эквивалента и, таким образом, погасить большую сумму государственного долга. Цифровая валюта Центрального банка может зна-

чительно повысить стабильность финансовой системы в целом за счет устранения необходимости в частичном банковском обслуживании. Кроме того, в этом случае способность банковского сектора создавать деньги путем кредитования будет ограничена и передана центральным банкам [2].

Современные технологии позволяют отказаться от традиционных бумажных денег и заменить их цифровой валютой. Её можно использовать для облегчения некоторых социальных неудобств и устранения физических затрат на обработку наличных. Это может положительно повлиять на общество в целом, помогая небанковским инвесторам участвовать в цифровой экономике. Несмотря на все эти положительные аспекты, в качестве отрицательного аспекта можно выразить то, что они могут дать центральным властям слишком большую власть, которой потенциально можно злоупотреблять в отношении экономики и частной жизни.

Экспертами выделяются следующие основные функции цифровой валюты, определяющие базовую систему и более широкие институциональные рамки, в которых они должны существовать (см. таблицу 2).

В целом, широкое внедрение цифровых валют несет в себе как преимущества, так и значительные риски. В научной литературе выделяются следующие положительные аспекты.

Таблица 2 – Ключевые функции цифровых валют
Table 2 – Key functions of digital currencies

Функциональные характеристики	
Конвертируемость	Для поддержания единства валюты в стране цифровая валюта должна быть конвертируема по номиналу с наличными деньгами
Удобство	Платежи цифровыми валютами должны быть такими же простыми, как использование наличных, банковских карт или сканирование мобильного телефона для осуществления оплаты
Эксплуатационная доступность	Цифровой валютой должно быть удобно пользоваться во многих из тех же типов транзакций, что и наличными, включая личные расчеты
Низкие издержки	Платежи цифровой валютой должны осуществляться с очень низкими затратами или вообще без них для конечных пользователей
Системные характеристики	
Безопасность	Как инфраструктура, так и участники системы цифровой валюты должны быть чрезвычайно устойчивы к кибератакам и другим угрозам
Быстрота операций	Мгновенный или почти мгновенный окончательный расчет должен быть доступен конечным пользователям системы
Устойчивость	Система цифровых валют должна быть чрезвычайно устойчивой к сбоям в работе, стихийным бедствиям, отключениям электроэнергии и другим проблемам, конечные пользователи должны иметь возможность совершать платежи в автономном режиме, если сетевые подключения недоступны
Доступность	Конечные пользователи системы должны иметь возможность осуществлять платежи в любое время
Производительность	Система цифровых валют должна быть способна обрабатывать очень большое количество транзакций
Масштабируемость	Система цифровых валют должна быть способна масштабироваться и расширяться, чтобы учесть потенциал будущих объемов транзакций
Совместимость	Система цифровых валют должна предлагать достаточные механизмы взаимодействия с иными цифровыми платежными системами
Гибкость и адаптивность	Система цифровых валют должна быть гибкой и адаптируемой к меняющимся условиям, включая политические аспекты изменений
Институциональные характеристики	
Законодательная база	Центральный банк должен обладать четкими законодательно установленными полномочиями, подкрепляющими его выпуск цифровых валют
Соответствие стандартам	Система цифровых валют (инфраструктура и участвующие организации) должна соответствовать общепринятым нормативным стандартам

Источник: составлено автором на основе [8–9].

1. Более эффективные и безопасные платежные и расчетные системы. Растущая небанковская конкуренция в финансовой сфере с увеличением объема платежей, осуществляемых сторонними организациями, не регулируемые напрямую центральными банками, может угрожать контролю и создавать риски для безопасности транзакций. Поскольку предпочтения потребителей в отношении более быстрых и дешевых платежных систем отчасти стимулируют это изменение, введение цифровой валюты могло бы обеспечить адекватную инфраструктуру для поддержки таких транзакций².

² Bank of England. (2020). Central Bank Digital Currency: Opportunities, Challenges and Design. Bank of England, Discussion Paper. March 2020. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/paper/2020/central-bank-digital-currency-opportunities-challenges-and-design-discussion-paper> (retrieved 02.02.2023).

2. Повышение наглядности и прозрачности денежно-кредитной политики. Внедрение цифровых денег может дать центральным банкам лучшее знание транзакций, происходящих в режиме реального времени, что позволит более эффективно отслеживать важные финансовые данные, а также предоставит возможность повысить прозрачность основы денежно-кредитной политики Центрального банка, в том числе его номинальный якорь, его инструменты и операции, а также его политическую стратегию [5].

3. Сложнее для теневой экономики в части отмывания денег и уклонения от уплаты налогов. Многие незаконные действия, как правило, полагаются на анонимность физических денег. Технологии использования цифровых денег могут улучшить применение правил, направленных на борьбу с отмыванием денег и

противодействие финансированию терроризма и, возможно, помочь сократить неформальную экономическую деятельность³.

4. Положительный общий макроэкономический эффект. Широкое внедрение цифровых валют снизит затраты на эксплуатацию платежной системы (а именно, за счет уменьшения разногласий и затрат, связанных с хранением, транспортировкой и управлением наличными) повысит ее устойчивость к операционным рискам (кибератакам, операционным сбоям и аппаратным недостаткам), уменьшит уклонение от уплаты налогов, коррупцию и незаконную деятельность, повысит финансовую стабильность, снизит издержки частного монополистического контроля, особенно в ситуации структурного снижения использования наличных денег, и увеличит финансовую доступность, особенно в странах с недостаточной банковской экономикой [10].

К негативным аспектам внедрения цифровых валют относят следующие явления.

1. Риски для бизнес-моделей коммерческих банков. Если центральные банки начнут конкурировать с частным банковским сектором за депозиты, предлагая розничным вкладчикам безрисковую альтернативу банковским депозитам в случае дефолта, тогда значительные остатки депозитов могут переместиться в центральные банки со счетов коммерческих банков, что будет иметь последствия в виде снижения объема кредитования хозяйствующих субъектов⁴.

2. Увеличение системного риска частного банковского сектора. Если центральные банки начнут напрямую конкурировать с частным банковским сектором, то из-за их превосходства по риску дефолта произойдет увеличение риска ликвидности коммерческих банков, что, в свою очередь, может увеличить вероятность серьезных эпизодов финансовой нестабильности. Отрицательный шок доверия к конкретному коммерческому банку может привести к тому, что его клиенты будут конвертировать банковские депозиты в форму цифровых валют и спровоцировать уход от услуг коммерческих банков. Банковское бегство может по-

дурвать общее доверие к частному банковскому сектору и увеличить скорость замещения депозитов коммерческих банков цифровой валютой, а также скорость и интенсивность эффекта «заражения»⁵.

3. Риски конфиденциальности. Текущие способы оплаты обеспечивают различные уровни конфиденциальности, от почти полной анонимности транзакций с наличными деньгами до полной отслеживаемости и документальной проверки и мониторинга регулируемых банковских счетов⁶. Дизайн цифровых денег должен обеспечивать адекватный баланс между общественными интересами и индивидуальными правами, включая неприкосновенность частной жизни [11].

В целях практической оценки эффекта от цифровых валют центральные банки различных стран уделяют им особое внимание в соответствии с увеличением числа безналичных транзакций, как, например, в Китае или в России (см. рисунок 1).

Рис. 1. Объем безналичных платежей к ВВП страны, %

В случае ряда европейских стран, таких как Великобритания, Франция, а также азиатских, как Южная Корея, наличным средствам также отдают предпочтение, что больше связано с их привычками и менталитетом, которые меняются достаточно долго, а также с демографической структурой.

Цифровая валюта относится к оцифрованному инструменту обязательств, подлежащих оплате центральными банками. Хотя центральные банки используют цифровые валюты на своих депозитах, они пока не могут быть использованы в отдельных транзакциях. По этой причине центральные банки работают над тем, чтобы цифровые валюты могли использоваться и частными лицами [12].

Китай, Швеция, Индия, Таиланд, Уругвай и Южная Корея – это страны, которые проводят пилотное производство и использование своих собственных национальных цифровых ва-

³ CPMI-MC. (2018). Central Bank Digital Currencies. Bank of International Settlements, 174, 1-34. URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d174.htm> (retrieved 04.02.2023).

⁴ См. ².

⁵ Tolle, M. (2016). Central Bank Digital Currency: the End of Monetary Policy as We Know It? Bank Underground. URL: <https://bankunderground.co.uk/2016/07/25/central-bank-digital-currency-the-end-of-monetary-policy-as-we-know-it/> (retrieved 10.02.2023).

⁶ European Central Bank. (2020). Report on a Digital Euro. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/Report_on_a_digital_euro~4d7268b458.en.pdf (retrieved 10.02.2023).

лют⁷. США, Австралия, Германия, Россия, Англия и Турция продолжают свои исследования по этому вопросу. Процесс разрабатывается в Канаде, Бразилии, Франции, Венесуэле, Южной Африке и Камбодже. Дания, Италия, Индия, Финляндия, Марокко и Египет придерживаются в этом отношении выжидательной политики⁸.

Народный банк Китая, один из «пионеров» цифровой валюты Центрального банка, выпустил свою собственную цифровую валюту и запустил пилотное приложение в Шэньчжэне, Сучжоу, Чэнду и Сюнаньгуниче⁹. Китайский цифровой юань был первой цифровой валютой, выпущенной Центральным банком в мире [3, 13]. В 2021 году Китай присоединился к ряду других стран в изучении возможностей использования цифровых валют для трансграничных транзакций, что соответствует долгосрочной цели страны по стимулированию более высокого уровня использования юаня за пределами внутреннего рынка Китая. На долю юаня приходится около 3 % международных платежей, что резко и непропорционально контрастирует с долей Китая, занимающего 1 место в мировом ВВП (18,5% против 13,5% в США)¹⁰.

⁷ Yanagawa, N. & Yamaoka, H. (2019). Digital Innovation, Data Revolution and Central Bank Digital Currency. URL: http://www.boj.or.jp/en/research/wps_rev/wps_2019/data/wp19e02.pdf (retrieved 20.01.2023).

⁸ Kumar, A., Ney, J., Lee, E. & Ji, V. (2020). National digital currencies: the future of money? URL: <https://www.belfercenter.org/publication/national-digital-currencies-future-money> (retrieved 21.01.2023).

⁹ Bank for International Settlements (2018). Central bank digital currencies. URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d174.pdf> (retrieved 10.02.2023).

¹⁰ World Economics. URL: <https://www.worldeconomics.com/Share-of-Global-GDP/China.aspx> (retrieved 26.02.2023).

Между тем внутри страны китайское правительство уже давно четко заявило о своем намерении ограничить власть и долю рынка как коммерческих банков, так и корпораций цифровых платежей, которые работают независимо от государства, особенно *Alipay* (принадлежит *Alibaba*) и *WeChat Pay* (принадлежит *Tencent*). Представляется, что в подобной ситуации централизованная цифровая валюта позволила бы Китаю более эффективно следить как за отдельными транзакциями, так и за мощным китайским частным сектором финансовых технологий.

Швеция также является одной из стран, запустивших первую пилотную цифровую валюту Центрального банка для общественного использования. В скандинавских странах, таких как Швеция, объем наличных значительно сократился отчасти из-за развития частных мобильных платежных инструментов. В этом направлении они со временем разработали проект цифровых денег, известный как *E-krona* [14]. По состоянию на 2022 год *e-krona* находится на 2 фазе пилотного внедрения. В качестве общего результата тестов, проведенных на этом этапе, было объявлено, что электронная крона может быть принята в качестве электронной формы наличных денег¹¹.

В середине 2022 года Резервный банк Индии (RBI) объявил о поэтапной имплементации цифрового рупия, начиная с 2023 года. Это было мотивировано растущей популярностью частных цифровых валют, особенно биткойна.

¹¹ Sveriges Riksbank. E-krona. URL: <https://www.riksbank.se/en-gb/payments--cash/e-krona/> (retrieved 13.02.2023).

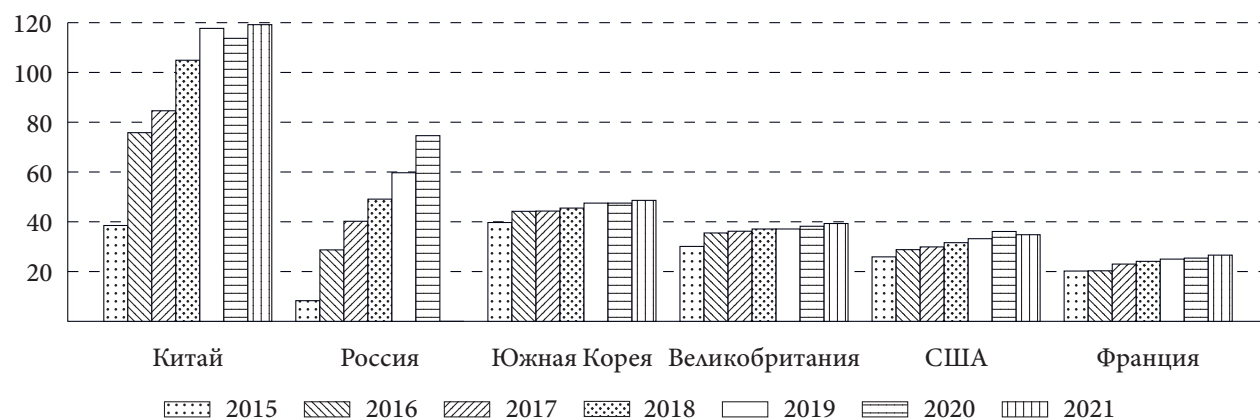

Рис. 1. Объем безналичных платежей к ВВП страны, %

Fig. 1. Volume of non-cash payments to GDP, %

Соединенные Штаты изучают потенциальные риски и преимущества цифровых валют центральных банков посредством технологических исследований и экспериментов¹². В начале 2022 года был подписан Указ Президента США «Об обеспечении ответственного развития цифровых активов», согласно которому CBDC будет представлять собой цифровую форму доллара США, выпущенную Федеральной резервной системой (ФРС), и будет аналогичен криптовалютам, но будет кардинально отличаться от нее тем, что будет иметь полную поддержку ФРС и повсеместно функционировать в качестве законного платежного средства.

Международные усилия, связанные с проектами по внедрению цифровых валют, вероятно, приведут к цифровизации экономики и внедрению инноваций во всех платежных и денежно-кредитных системах. С одной стороны, это может обеспечить более эффективные, быстрые и безопасные трансграничные платежи, обеспечивающие беспрепятственный приток капитала на международном уровне. Широкомасштабное внедрение цифровых валют странами с формирующимся рынком может способствовать расширению доступа к финансовым услугам, особенно для населения, не имеющего доступа к банкам. Однако успех цифровой валюты в значительной степени зависит от ее функциональности как лучшего и более стабильного средства обмена. Это потребует инфраструктуры, социального и политического признания, экологической устойчивости, решения проблем конфиденциальности и др. На сегодняшний день понимание того, как цифро-

вые валюты будут решать эти проблемы и каковы их последствия, остается ограниченным.

Наряду с остальными странами Россия также предпринимает активные меры по внедрению цифрового рубля. Наличные деньги остаются важным элементом банковской системы, однако их роль эволюционирует с учетом процесса цифровизации [15]. Если в начале 2000-х годов доля наличных денег в обращении составляла около 40 %, спустя 20 лет она снизилась почти в 2 раза – до 19 % (см. рисунок 2). Одновременно прослеживается рост популярности безналичных платежей (см. рисунок 1).

В связи со сложившейся ситуацией вопрос внедрения цифровой валюты только усиливает свою актуальность.

В конце 2022 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект в связи с внедрением цифрового рубля, разработанный в рамках реализации Стратегии развития национальной платежной системы на 2021–2023 годы, утвержденной Банком России.

Целью законопроекта является развитие платежной инфраструктуры в части расширения применения цифровых технологий гражданами, бизнесом и государством, повышения доступности, скорости, удобства и безопасности расчетов при снижении издержек посредством законодательного закрепления подходов к осуществлению перевода цифровых рублей (далее – перевод цифровых рублей), в том числе установление основ правового регулирования порядка осуществления перевода цифровых рублей.

Цифровой рубль планируется сделать дополнительной формой российской национальной валюты наравне с наличными и безналич-

¹² Federal Reserve System (2022). Central Bank Digital Currency (CBDC). URL: <https://www.federalreserve.gov/central-bank-digital-currency.htm> (retrieved 15.02.2023).

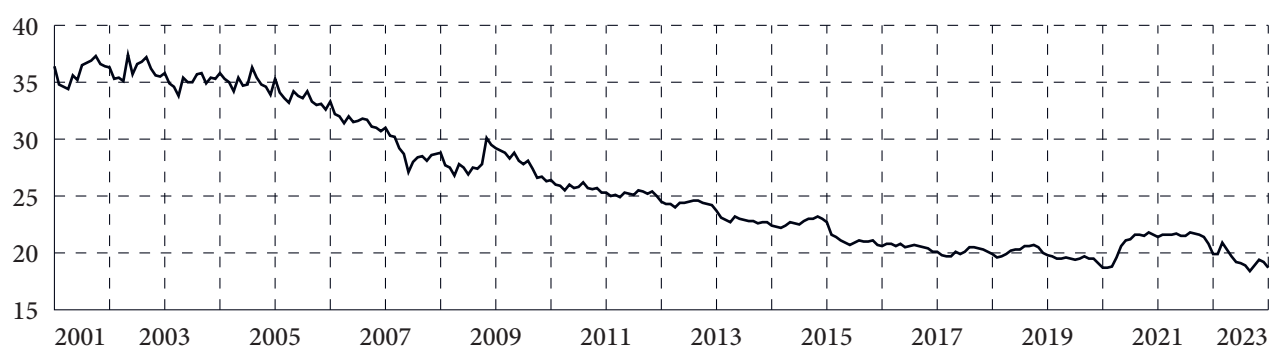

Рис. 2. Доля наличных денег в M2, %

Fig. 2. Share of cash in M2, %

ными деньгами. Она будет эмитироваться Банком России [16–17].

В части реализации фискальной политики Минфин России уже начал обсуждать с Банком России варианты использования цифрового рубля, планируется участие в пилотировании новой формы национальной валюты в 2023 году. Данный переход позволит государству повысить уровень контроля за целевым расходованием денег из бюджета, проводить адресные выплаты, а также оптимизировать процесс возврата неизрасходованных средств.

В части денежно-кредитной политики Банк России анонсировал, что с 01.04.2023 запустит пилот с 13 банками по реальным операциям физических лиц с цифровым рублем – переводам и оплате товаров услуг.

В связи с увеличивающейся популярностью идеи по внедрению цифровых валют среди финансистов и представителей научной среды представляется важным проанализировать, как использование безналичных платежей влияет на экономическое развитие в целом.

Была оценена модель линейной регрессии по методу наименьших квадратов, где зависи-

мой переменной выбран показатель реального ВВП GDP_{real} (млрд руб.), а независимые переменные представлены через объем безналичных средств, составляющих денежную массу $M2$ (*Noncash*) (млрд руб.), и через фиктивную переменную *Covid19*, которая принимает значение «0» в годы без пандемии (2000–2019 гг.) и «1» в 2020–2022 гг.:

$$GPD_{real} = \beta_0 + \beta_1 \cdot Noncash + \beta_2 \cdot Covid19 + u$$

Период анализа охватывает 23 года (2000–2022 гг.). Реальный ВВП скорректирован на ИПЦ и представлен в ценах базового 2000 года для контроля в модели инфляционных тенденций. Для оценки влияния глобальных вызовов и поведения экономики в период внешних шоков в модель была включена фиктивная переменная *Covid-19*. Именно пандемия коронавируса стала серьезным фундаментом для всего мира в вопросе смещения фокуса от традиционных платежных систем и валют к разработке и внедрению цифровых валют.

Результаты оценки приведены на рисунке 3. Значение коэффициента при переменной *Noncash* положительно и значимо на однопроцентном уровне. Это означает, что при прочих равных условиях на каждый рубль безналичного платежа отечественный ВВП увеличивается в среднем на 30 копеек.

В свою очередь, коэффициент при переменной *Covid-19* отрицателен и значим на пятипроцентном уровне. Интерпретируем полученный результат: при прочих равных условиях суммарно в 2000–2022 гг. из-за пандемии коронавируса реальный ВВП страны потерял в среднем 0,5 трлн. рублей (в базовых ценах).

R^2 равен 81,2 %, указывает на довольно высокую положительную линейную зависимость между переменными.

Положительное влияние безналичных платежей на ВВП страны можно объяснить быстротой, упрощенностью подобных платежей и сниженной стоимостью операционных расходов.

Во второй аналогичной модели было оценено влияние наличного оборота (*Cash*) и пандемии коронавируса на рост реального ВВП:

$$GPD_{real} = \beta_0 + \beta_1 \cdot Cash + \beta_2 \cdot Covid19 + u$$

Результаты показали, что при прочих равных условиях на каждый рубль наличных денег в обращении ВВП России увеличивается в сред-

Модель 1: МНК, использованы наблюдения 2000–2022 ($T = 23$)

Зависимая переменная: GDP_{Real}
Стандартные ошибки НАС, полоса пропуска
ния 2, Ядро Бартлетта (Bartlett)

	<i>const</i>	<i>Noncash</i>	<i>Covid19</i>
Коэффициент	10051.6	0.288238	-513.74
Стат. ошибка	1113.53	0.0481388	2119.66
<i>t</i> -статистика	9.027	5.988	-2.424
<i>p</i> -значение	<0.0001	<0.0001	0.0250
	***	***	**

Среднее завис. перемен	15508.36
Сумма кв. остатков	92882426
R-квадрат	0.811589
E(2, 20)	36.24137
Лог. правдоподобие	-207.5661
Крит. Шварца	424.5387
параметр rho	0.682389
Ст. откл. завис. перем	4733.711
Ст. ошибка модели	2155.022
Исправ. R-квадрат	0.792747
P-значение (F)	2.24e-07
Крит. Аканке	421.1322
Крит. Хеннана-Кхишна	421.9890
Стат. Дарбина-Уотсона	0.562468

Рис. 3. Влияние безналичных платежей в России на реальный ВВП

Fig. 3. The impact of non-cash payments in Russia on real GDP

нем на 1,4 рубля (см. рисунок 4). Значение коэффициента при переменной *Cash* также положительно и значимо на однопроцентном уровне.

В случае второго уравнения коэффициент при переменной *Covid-19* отрицателен и значим на однопроцентном уровне. Таким образом, при оценке влияния наличных платежей на экономику страны в 2000–2022 гг. из-за пандемии коронавируса реальный ВВП страны снизился в среднем на 0,6 трлн. рублей (в базовых ценах).

R^2 равен 91,3%, что также указывает на высокую положительную линейную зависимость между переменными.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что, несмотря на увеличивающееся количество безналичных транзакций, на данный момент наличные средства имеют больший положительный эффект на экономическое развитие, что может быть связано с большей ликвидностью наличных денег. Однако, если включать в анализ фиктивные переменные в виде пандемии коронавируса, результаты показывают, что в условиях глобальных вызовов негативный эффект от внешних шоков абсорбируется лучше и быстрее в случае безналичных тран-

закций. В случае COVID-19 это может быть объяснено санитарно-эпидемиологическими условиями, которые привели к снижению наличных и увеличению безналичных расчетов через продвижение бесконтактных способов оплат по всей стране.

Таким образом, цифровая валюта действительно может повысить доступность и эффективность денежного обращения, однако для этого потребуются серьезная законодательная и технологическая база. В нынешних условиях развития внедрение цифровой валюты в России в краткосрочной перспективе не позволит реализовать все ее преимущества, что отразится на ее конкурентоспособности на фоне фиатных денег, в том числе в вопросе безопасности для населения и бизнеса, а также в отношении рисков и выгод от эмиссии для Центрального банка Российской Федерации [18–20].

■ ВЫВОДЫ

На данный момент цифровые валюты центральных банков являются одним из самых актуальных вопросов, обсуждаемых не только учеными из различных областей знаний, таких как экономика, финансы, информатика, аналитика данных и право, но и регулирующими органами, органами денежно-кредитного регулирования и практиками из различных областей по всему миру. Признанные достоинства блокчейна, как прорывной технологии, а также успех биткойна и других криптовалют позволили центральным банкам переосмыслить новые способы выпуска и управления фиатными деньгами. Для многих криптовалюты не претендуют на замещение ключевой роли центральных банков в существующих платежных системах, поскольку они концептуализируются, скорее, как рыночный спекулятивный актив, чем новый вид денег. Однако происходят и другие структурные изменения, такие как значительное сокращение спроса на наличные деньги в некоторых странах.

Спрос на цифровизацию неуклонно растет не только во многих аспектах повседневной жизни людей, но и в том, как организации ведут свой бизнес, а государства управляют национальными делами. Следовательно, запуск цифровых валют напрямую удовлетворит потребность в цифровизации, укрепив при этом отношения между гражданами и центральными банками.

Модель 1: МНК, использованы наблюдения 2000–2022 ($T = 23$)

Зависимая переменная: *GDP_Real*

Стандартные ошибки HAC, полоса пропускания 2, Ядро Бартлетта (Bartlett)

	<i>const</i>	<i>Cash</i>	<i>Covid19</i>
Коэффициент	8141.07	1.38496	–626.65
Стат. ошибка	749.164	0.148564	1564.47
<i>t</i> -статистика	10.87	9.322	–4.006
<i>p</i> -значение	<0.0001	<0.0001	0.0007
	***	***	***

Среднее завис. перемен	15508.36
Сумма кв. остатков	42843150
R-квадрат	0.913093
E(2, 20)	117.6868
Лог. правдоподобие	–198.6676
Крит. Шварца	406.7416
параметр rho	0.592481
Ст. откл. завис. перемен	4733.711
Ст. ошибка модели	1463.611
Исправ. R-квадрат	0.904402
P-значение (F)	8.68e-12
Крит. Аканке	403.3351
Крит. Хеннана-Кхишна	404.1918
Стат. Дарбина-Уотсона	0.776401

Рис. 4. Влияние наличных платежей в России на реальный ВВП

Fig. 4. The impact of cash payments in Russia on real GDP

Хотя эксперименты центральных банков с цифровыми валютами до 2016 года почти не проводились, за исключением Банка Китая, согласно последнему опросу BIS от января 2021 года, более 85 % банки признали, что изучали преимущества и недостатки цифровых валют¹³.

В экономической литературе подчеркивается несколько преимуществ и рисков, связанных с их внедрением. Этот новый тип денег Центрального банка может сделать платежные и расчетные системы более эффективными и безопасными, обеспечить лучшую прозрачность и прозрачность денежно-кредитной политики, создать дополнительные инструменты денежно-кредитной политики, препятствовать теневой экономике, отмыванию денег и уклонению от уплаты налогов и т.д. Все эти преимущества в конечном итоге окажут общее положительное макроэкономическое влияние. И наоборот, цифровые валюты создают новые риски для бизнес-моделей коммерческих банков, могут увеличить системный риск частного банковского сектора и могут поставить под угрозу права личности, в первую очередь, неприкосновенность частной жизни. Хотя в большинстве исследований утверждается, что преимущества перевешивают риски, они также предполагают, что баланс зависит от того, как и с какой скоростью цифровые валюты будут заменять классические фиатные средства¹⁴.

Внедрению цифровых валют зачастую препятствуют технологические, экономические, социальные, политические, экологические и этические проблемы. Это потребует инфраструктуры, социального и политического признания, экологической устойчивости и решения проблем конфиденциальности. Однако на сегодняшний день понимание того, как цифровые валюты будут решать эти проблемы и каковы их последствия, остается ограниченным. Возможно, из-за опасений многие центральные банки, включая Банк Англии, Банк Японии, Европейский центральный банк, Федеральную резервную систему США и Народный банк

Китая осторожно продвигаются к их внедрению. Проведение ответственной денежно-кредитной политики, надежное функционирование банковского и финансового секторов, стабильность цен, рынка труда – это различные проблемы, которые в первую очередь следует принять во внимание, прежде чем переходить к внедрению цифровых валют.

В дополнение, оценка на основе регрессионной модели показала, что наличные деньги, в отличие от безналичных расчетов, имеют больший вклад в ВВП страны. Однако в условиях глобальных вызовов безналичные транзакции позволяют быстрее абсорбировать шоки. Тестирование иных гипотез и анализ финансовых и социально-экономических факторов, обосновывающих целесообразность введения цифровой валюты, как и поиск эффектов от введения цифровой валюты могут стать предметом дальнейшего исследования.

В целом, тренд на полную цифровизацию и полный переход на цифровую валюту не представляется реализуемой в краткосрочной перспективе. Тем не менее Банком России принимаются концептуальные шаги в данном направлении. В связи с тем что внедрение цифровой валюты прямо затронет интересы физических лиц и бизнеса, представляется важным создание Координационного совета при Правительстве Российской Федерации по цифровой валюте при участии Банка России, Минфина России, представителей коммерческих банков и финтех-компаний, а также иных заинтересованных участников. Данный Координационный совет должен стать инициатором законодательных изменений, необходимых для эффективного внедрения и функционирования цифровой валюты в стране.

В свете озвученных с 2023 года пилотов с коммерческими банками и с Минфином России по внедрению цифровой валюты в деятельность и отсутствия единых подходов и стандартов к созданию цифровых валют (каждая страна проходит свой уникальный опыт) Банку России следует окончательно определиться с дизайн-моделью цифрового рубля и со сроками перехода к его выпуску и внедрению в отечественную финансовую систему.

Внедрение цифровой валюты потребует фундаментальных изменений в статусе коммерческих банков в финансовой системе страны из-

¹³ Boar, C., Wehrli, A. (2021). Ready, Steady, Go? - Results of the Third BIS Survey on Central Bank Digital Currency. Bank of International Settlements, 114. URL: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bisap114.htm> (retrieved 10.02.2023).

¹⁴ Ahya, C., Kam, D., Richers, J., Stanley, M. (2021). Digital Disruption: The Inevitable Rise of CBDC. SUERF, SUERF Policy Note, 241. URL: https://www.suerf.org/docx/f_86a9d09856a0f9f7a762ddce0af753ce_25525_suerf.pdf (retrieved 20.02.2023).

за потенциальной конкуренции между центральным и коммерческими банками. Данные сценарии были подробно описаны в негативных аспектах введения цифровой валюты ранее в исследовании. Банку России необходимо эффективно проработать вопрос перехода двухуровневой банковской системы в одноуровневую, основные постулаты которого уже заложены Банком России в концепцию цифрового рубля¹⁵.

Ключевым аспектом успешного внедрения цифровой валюты в экономический оборот является осведомленность населения и бизнеса о развитии инструмента цифровой валюты. Результаты опроса, проведенного Финансовым

университетом при Правительстве Российской Федерации в конце 2022 года, показали, что на данный момент россияне не воспринимают цифровой рубль как альтернативу фиатным деньгам и не готовы использовать его в своих расчетных операциях¹⁶. Банку России совместно с Минфином России следует организовать открытые лекции, семинары, онлайн-конференции с участием профильных специалистов, которые смогут наиболее подробно осветить данную тему и выделить преимущества использования цифровой валюты для той или иной категории потенциальных пользователей. ●

¹⁵ Концепция цифрового рубля Банка России. 2021. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 28.02.2023).

¹⁶ Россияне и цифровые валюты: готовы ли граждане к ЦФА и цифровому рублю? URL: <https://indicator.ru/mathematics/rossiyane-i-cifrovyie-valyuty-gotovy-li-grazhdane-k-cfa-i-cifrovomu-rublyu.htm> (дата обращения: 28.02.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. OZTURKAN, S., SENEL, I., & OZDINC, M. (2022). Framing the Central Bank Digital Currency (CBDC) revolution. *Technology Analysis and Strategic Management*, 1-18. <https://doi.org/10.1080/09537325.2022.2099261>.
2. LIPTON, A., HARDJONO, T., & PENTLAND, A. (2018). Digital trade coin: towards a more stable digital currency. *Royal Society Open Science*, 5(7), 1-15. <https://doi.org/10.1098/rsos.180155>.
3. PETERS, M. A., GREEN, B., & YANG, H. (2020). Cryptocurrencies, China's sovereign digital currency (DCEP) and the US dollar system. *Educational Philosophy and Theory*, 54(3), 1-7. <https://doi.org/10.1080/00131857.2020.1801146>.
4. TORAMAN, Y. (2019). Funding by e-money and tokens (digital turkish coin): A study on digital turkish lira. *Bilge International Journal of Social Studies*, 5(2), 124-134. <https://doi.org/10.47257/busad.1020347>.
5. BORDO, M.D., & LEVIN, A.T. (2017). *Central bank digital currency and the future of monetary policy*. National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w23711>.
6. KEES, H., & JACOB, W. (2021). A new digital currency system. *The Central European Review of Economics and Management*, 5, 33-60. <https://doi.org/10.29015/cerem.929>.
7. RUPINO, C., PAULO, M., & HELDER, S. (2021). From bitcoin to Central Bank digital currencies: Making sense of the digital money revolution. *Future Internet*, 13, 1-20. <https://doi.org/10.3390/fi13070165>.
8. ZHANG, T., & HUANG, Z. (2022). Blockchain and central bank digital currency. *ICT Express*, 8(2), 264-270. <https://doi.org/10.1016/j.icte.2021.09.014>.
9. КОЧЕРГИН Д. А., ЯНГИРОВА А. И. Центробанковские цифровые валюты: ключевые характеристики и направления влияния на денежно-кредитную и платежную системы // **Финансы: теория и практика**. 2019. Т. 23, № 4 (112). С. 80-98. EDN NGXWZB.
10. BARRDEAR, J., & KUMHOF, M. (2016). The Macroeconomics of Central Bank Issued Digital Currencies. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2811208>.
11. JABBAR, A., GEEBREN, A., HUSSAIN, Z., DANI, S., & UL-DURAR, S. (2023). Investigating individual privacy within CBDC: A privacy calculus perspective. *Research in International Business and Finance*, 64, Article 101826. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2022.101826>.
12. HUBER, J. (2023). Central banks and monetary policy under conditions of CBDC. In *The Monetary Turning Point* (pp. 151-158). https://doi.org/10.1007/978-3-031-23957-1_8.
13. CHUEN, D., YAN, L., & WANG, Y. (2021). A global perspective on central bank digital currency. *China Economic Journal*, 14, 1-16. <https://doi.org/10.1080/17538963.2020.1870279>.
14. КОЧЕРГИН Д. А. Цифровые валюты центральных банков: мировой опыт // **Мировая экономика и международные отношения**. 2021. Т. 65, № 5. С. 68-77. EDN CUETEZ.
15. ЧЕКАНОВ П. Е. Перспективы и риски эмис-

сии цифрового рубля Банком России // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2021. Т. 10, № 2 (35). С. 383-388. EDN ZJMUAK.

16. Ситник А. А. Цифровые валюты центральных банков // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2020. № 9 (73). С. 180-186. EDN OSLXOR.

17. Андрюшин С. А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2021. Т. 15, № 1. С. 54-76. EDN MCEDZR.

18. Маслов А. В., Швандар К. В., Макако-

ва Ю. А. Цифровые валюты центральных банков и место цифрового рубля // *Финансы и кредит*. 2021. Т. 27, № 5 (809). С. 1058-1073. EDN QCSSNY.

19. Лебедева Н. Ю., Назаренко Г. В., Седрян Л. К. Цифровая валюта центрального банка: перспективы и риски эмиссии // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2020. № 2. С. 147-153. EDN GPVTYT.

20. Синельникова-Мурылева Е. В. Цифровые валюты центральных банков: потенциальные риски и выгоды // *Вопросы экономики*. 2020. № 4. С. 147-159. EDN VWZMIF.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Дьяконов Руслан Владимирович – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Россия, Москва, пр-кт Вернадского, 84); dyakonoff.ruslan@mail.ru.

Статья получена: 23.02.2023. Заключение рецензента: 28.02.2023. Принята к печати: 28.02.2023.

PROSPECTS FOR THE CBDC INTRODUCTION IN THE WORLD AND IN RUSSIA

Dyakonov R. V.^a

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

Research relevance. In the context of global digitalization and the need to establish socio-economic, financial and other ties in the face of unforeseen external shocks, such as the COVID-19 pandemic, ideas for the development and implementation of Central Bank Digital Currency (CBDC) gain more popularity in the professional and scientific environment around the world. First of all, this is due to their fundamental difference from other forms of digital coins – CBDC are directly provided with the responsibility of the regulator. The purpose of the study is to assess the prospects for the introduction of the central bank's digital currency in Russia by studying the features of digital currencies and the world practice of their implementation, determining the main advantages and disadvantages and modeling the impact of non-cash payments on the economic development of Russia in 2000-2022.

Methods and methodology. The research describes digital money, analyzes their difference from classical fiat money and cryptocurrencies. On the basis of foreign literature, as well as reports of the world financial organizations, pros and cons of digital currency introduction are highlighted. Next, the world and domestic experience in the development and implementation of CBDC is considered. Based on regression analysis the impact of non-cash and cash payments on economic growth of Russia is estimated.

Results. The experience of China and Sweden as one of the most advanced countries in the creation and implementation of the national digital currency in the current financial sector was noted. The experience of Russia, which has been actively working on the development of digital payment infrastructure in recent years, is analyzed. So, at the end of 2022 a special bill on the digital ruble was introduced to the RF State Duma. Based on regression modeling, the following result was obtained: cash transactions had a stronger positive effect on real GDP growth in 2020 – 2022 rather than non-cash payments.

Conclusions. Full digitalization and full transition to a digital currency do not seem feasible in Russia in the short-term. Testing of other hypotheses and analysis of financial and socio-economic factors justifying the feasibility of introducing a digital currency, as well as the search for effects from the introduction of a digital currency can be the subject of further research.

KEYWORDS: Central Bank digital currency, CBDC, digitalization, financial stability, non-cash payments, cryptocurrency, fiat money.

FOR CITATION: Dyakonov, R. V. (2023). Prospects for the CBDC introduction in the world and in Russia. *Management Issues*, 17(1), 5–18. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-1-5-18>.

REFERENCES

1. OZTURKAN, S., SENEL, I., & OZDINC, M. (2022). Framing the Central Bank Digital Currency (CBDC) revolution. *Technology Analysis and Strategic Management*, 1-18. <https://doi.org/10.1080/09537325.2022.2099261>.
2. LIPTON, A., HARDJONO, T., & PENTLAND, A. (2018). Digital trade coin: towards a more stable digital currency. *Royal Society Open Science*, 5(7), 1-15. <https://doi.org/10.1098/rsos.180155>.
3. PETERS, M. A., GREEN, B., & YANG, H. (2020). Cryptocurrencies, China's sovereign digital currency (DCEP) and the US dollar system. *Educational Philosophy and Theory*, 54(3), 1-7. <https://doi.org/10.1080/00131857.2020.1801146>.
4. TORAMAN, Y. (2019). Funding by e-money and tokens (digital turkish coin): A study on digital turkish lira. *Bilge International Journal of Social Studies*, 5(2), 124-134. <https://doi.org/10.47257/busad.1020347>.
5. BORDO, M.D., & LEVIN, A.T. (2017). *Central bank digital currency and the future of monetary policy*. National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w23711>.
6. KEES, H., & JACOB, W. (2021). A new digital currency system. *The Central European Review of Economics and Management*, 5, 33-60. <https://doi.org/10.29015/cerem.929>.
7. RUPINO, C., PAULO, M., & HELDER, S. (2021). From bitcoin to Central Bank digital currencies: Making sense of the digital money revolution. *Future Internet*, 13, 1-20. <https://doi.org/10.3390/fi13070165>.
8. ZHANG, T., & HUANG, Z. (2022). Blockchain and central bank digital currency. *ICT Express*, 8(2), 264-270. <https://doi.org/10.1016/j.icte.2021.09.014>.
9. KOCHERGIN, D. A., & YANGIROVA, A. I. (2019). Central bank digital currencies: key characteristics and directions of influence on monetary and credit and payment systems. *Finance: Theory and Practice*, 23(4), 80-98. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-4-80-98>.
10. BARRDEAR, J., & KUMHOF, M. (2016). The Macroeconomics of Central Bank Issued Digital Currencies. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2811208>.
11. JABBAR, A., GEEBREN, A., HUSSAIN, Z., DANI, S., & UL-DURAR, S. (2023). Investigating individual privacy within CBDC: A privacy calculus perspective. *Research in International Business and Finance*, 64, Article 101826. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2022.101826>.
12. HUBER, J. (2023). Central banks and monetary policy under conditions of CBDC. In *The Monetary Turning Point* (pp. 151-158). https://doi.org/10.1007/978-3-031-23957-1_8.
13. CHUEN, D., YAN, L., & WANG, Y. (2021). A global perspective on central bank digital currency. *China Economic Journal*, 14, 1-16. <https://doi.org/10.1080/17538963.2020.1870279>.
14. KOCHERGIN, D. A. (2021). Central banks digital currencies: world experience. *World Economy and International Relations*, 65(5), 68-77. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-5-68-77>.
15. CHEKANOV, P. E. (2021). Prospects and risks of issuing the digital ruble by the bank of Russia. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 10(2), 383-388. <https://doi.org/10.26140/anie-2021-1002-0084>.
16. SITNIK, A. A. (2020). Digital currencies of central banks. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, (9), 180-186. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.73.9.180-186>.
17. ANDRYUSHIN, S. A. (2021). Digital currency of the central bank as the third form of money of the state. *Actual Problems of Economics and Law*, 15(1), 54-76. <https://doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.54-76>.

18. MASLOV, A. V., SHVANDAR, K. V., & MAKLA-KOVA, YU. A. (2021). Digital currencies of central banks and the position of the digital ruble. *Finance and Credit*, 27(5), 1058-1073. <https://doi.org/10.24891/fc.27.5.1058>.

19. LEBEDEVA, N. YU., NAZARENKO, G. V., & SEDRAKYAN, L. K. (2020). Central bank digital currency:

prospects and risks of emission. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, (2), 147-153. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-2-147-153>.

20. SINELNIKOVA-MURYLEVA, E. V. (2020). Central bank digital currencies: potential risks and benefits. *Voprosy Ekonomiki*, (4), 147-159. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-4-147-159>.

AUTHORS' INFORMATION:

Ruslan V. Dyakonov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, Vernadsky Av., Moscow, 119571, Russia); dyakonoff.ruslan@mail.ru.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ ДОНЕЦКА И ЛУГАНСКА В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Егорышев С.В.^а, Мигунова Ю.В.^а

^а Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан

АННОТАЦИЯ:

Введение. В статье отражены результаты социологического исследования, проведенного в ноябре 2022 г. среди жителей республик Донбасса, которые, в связи с ведущимися на этих территориях боевыми действиями и угрозой их жизни, временно переехали в Республику Башкортостан и находятся в пунктах временного размещения. Исследование проводилось социологами Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан. Цель проведенного исследования состояла в выявлении характера оценок этой категорией респондентов условий, предоставленных им в республике для проживания, трудоустройства и обучения их детей. Эта цель достигалась решением следующих задач: 1) сформировать социально-демографический портрет переселенцев, выступивших участниками опроса; 2) определить характер оценок предоставленных условий для проживания, оказываемых видов помощи и сохраняющихся нужд; 3) выяснить характер трудоустройства и меру удовлетворенности им; 4) оценить планы переселенцев на будущее; 5) предложить практические рекомендации, направленные на улучшение социальной поддержки переселенцев.

Материалы и методы. Информационную базу статьи составили официальные статистические данные, а также результаты социологического опроса, проведенного методами стандартизированного и свободного интервью среди 375 переселенцев, что составило 57,3 % от общего числа лиц, проживающих в регионе в пунктах временного размещения. Структура статьи построена в соответствии с решаемыми в ходе исследования задачами и содержит новый социологический материал, иллюстрирующий каждую из этих задач.

Результаты. Это позволило поставить и проанализировать проблему управленческого воздействия со стороны органов власти на процессы социальной адаптации и интеграции переселенцев из Донецкой и Луганской народных республик. В рамках данной статьи под управленческим воздействием на миграционные процессы понимаются технологии социальной работы с переселенцами, их социальное сопровождение и поддержка, осуществляемые органами государственной власти на уровне региона. Анализ работы органов государственной власти, общественных структур и волонтеров, призванных оказывать помощь переселенцам, показал, что актуальность проблемы социальной незащищенности мигрантов-переселенцев и совершенствование социальной работы с ними сохраняется. Это, прежде всего, касается оказания им социально-психологической помощи, обеспечения занятости, решения вопроса с жильем, предоставления возможности получения образования и т.д. Наиболее актуальной для переселенцев является проблема их будущего и возможностей ее решения в ближайшей и среднесрочной перспективе самостоятельно или с помощью структур, оказывающих им поддержку. Материалы статьи могут быть использованы в работе заинтересованных служб, занимающихся вопросами адаптации и интеграции переселенцев в новом для них социальном сообществе. Представленные результаты составят основу для изучения и сопоставления формирующихся региональных практик работы с переселенцами и другими категориями мигрантов, а также исследований по данной тематике, которые только начинают проводиться.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: переселенцы, Народные республики Донбасса, миграция, управление миграционными процессами, социальная незащищенность переселенцев, социальная поддержка мигрантов, социальная адаптация и реабилитация, Республика Башкортостан, новая социальная среда.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИСИ АН РБ «Организация и проведение фундаментальных и прикладных научных исследований, включая экспериментальные разработки, для реализации Стратегии социально-экономического развития РБ».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Егорышев С. В., Мигунова Ю. В. Организация мер социальной поддержки переселенцев из Донецка и Луганска в Республике Башкортостан // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 1. С. 20-32. EDN ETXBSV.

■ ВВЕДЕНИЕ

Миграция населения представляет собой сложный социальный феномен, являющейся частью демографического развития и включающий все виды горизонтальной мобильности. Исследователи понимают миграцию как территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внутренних, так и внешних границ административно-территориальных образований с целью изменения места жительства или временного пребывания для осуществления учебной или трудовой деятельности вне зависимости от воздействия факторов притяжения и выталкивания [1, с. 247]. Кроме того, миграция приводит к количественному и качественному изменению населения региона или государства в целом, также она оказывает существенное воздействие на различные сферы жизни общества [2, с. 28; 3, с. 88].

На миграционное поведение индивидов, в первую очередь, воздействует комплекс политических и социально-экономических отношений, влекущих за собой серьезные изменения не только в настроениях самих мигрантов, но и в мировоззрении местных жителей, принимающей стороны. Во времени эти отношения видоизменяются, определяя характер миграции. В конечном счете образ жизни мигрантов и социальное настроение местного населения определяют, насколько последовательно и успешно переселенцы смогут войти и адаптироваться в принимающем их обществе [4, с. 5–6].

В качестве методологической основы статьи использована управленческая теория, позволяющая рассматривать миграционные процессы в качестве особого объекта в системе стратегического управления социальными процессами. Следовательно, сама миграция, как сложное многофакторное явление, может быть осмысле-

на как социальный процесс, требующий регулирования.

Необходимо понимать, что деятельность по управлению миграционными процессами, прежде всего, нацелена на разработку, принятие и практическую реализацию решений, главным образом, в сфере миграционной политики, на корректировку состояния и течения социальных процессов, в данном случае миграционных, степени использования ресурсов общества, а в конечном счете – общественного сознания и поведения людей [5, с. 51–52].

Особую категорию мигрантов составляют переселенцы, добровольно или вынужденно меняющие место своего жительства. Они и составили объект рассмотрения в данной статье.

С целью наиболее полного исследования организационных основ работы с переселенцами необходимо обратиться к теоретико-методологическому анализу современных научных исследований по данной проблематике.

Так, например, по мнению Е. А. Ковтун и В. П. Милецкого, практики социальной работы с мигрантами включают в себя четыре организационных уровня: локальный, местный, региональный и федеральный. Адресная помощь и социальная работа с отдельными категориями мигрантов – прерогатива локального уровня. Социальная работа с переселенцами на уровне муниципальной власти должна включать в себя сотрудничество с образовательными и медицинскими учреждениями. Региональный уровень, по мысли авторов, связан с разработкой мер по адаптации мигрантов, формированию толерантности по отношению к ним. Федеральный уровень характеризуется разработкой стратегии миграционной политики, включающей весь комплекс ее мер, направленный на адаптацию не только переселенцев в новой со-

циальной среде, но и местного населения к мигрантам [6, с. 84].

Разработка управленческих решений в сфере миграции может быть направлена не на все категории переселенцев в целом, а на их определенные группы. Именно в таком аспекте их рассматривают Д. В. Полетаев, Ж. А. Зайончковская и Д. А. Михайлов [7, с. 52]. Исследование этих авторов включает изучение степени доступности детей мигрантов к здравоохранению. Особое внимание уделено детям переселенцев из стран, где ведутся боевые действия. В качестве управленческих и организационных мер социальной работы предлагается предусмотреть особый порядок предоставления бесплатной медицинской помощи детям мигрантов в первые шесть месяцев их пребывания в России. Характерной чертой данного подхода является то, что рекомендации по управлению социальным сопровождением детей переселенцев нацелены на исполнение в определенных министерствах. Следовательно, авторы придерживаются точечной стратегии в организации социальной работы с мигрантами, т.е. когда каждое министерство, департамент или другой государственный орган ответственен за определенный круг вопросов, касающихся социальной адаптации мигрантов [8, с. 534–535].

В опубликованных исследованиях Института социологии РАН анализируются процессы адаптации и интеграции переселенцев, утверждается, что одним из важных направлений организации работы с ними должно стать формирование доброжелательной атмосферы со стороны так называемого принимающего социума. Большая роль в этом вопросе отведена благоприятной информационной среде, просвещению как мигрантов, в орбиту ценностей которых должны быть включены представления о культурных традициях и нормах поведения принимающего общества, так и самих местных жителей [9, с. 60–66].

Важность вопроса о позитивной, толерантной информационной политике заключается в переосмыслении некоторых бытовых стереотипов, касающихся именно переселенцев с Украины. В ряде случаев со стороны представителей принимающего общества сложилось мнение, что переселенцы с Украины, в отличие от мигрантов из ближнего зарубежья или из других стран, предъявляют необоснованно более высокие требования к принимающей стороне.

Как раз с целью того чтобы нивелировать это негативное отношение, необходимо наряду с мерами социальной защиты, воздействовать на общественное сознание как самих переселенцев, так и местных жителей, создавая благоприятную, просветительскую информационную среду, где нет места проявлению ксенофобии [10, с. 448].

Исследования, в которых просматривается стратегический подход к решению управленческих задач в миграционной сфере, представлены в предложениях к миграционной стратегии России до 2035 г. Характерной особенностью этого подхода является поиск баланса между экономическим развитием страны и социальной безопасностью государства и общества. В связи с этим появляются инновационные методики управления миграционными процессами, в том числе заключающиеся в возможном участии институтов гражданского общества в реализации государственной миграционной политики [11].

По мнению исследователей, эффективность управления миграционными процессами определяется учетом интересов представителей принимающего общества и самих переселенцев. В данной ситуации ключевыми структурами в регулировании миграции становятся МВД, Министерство труда и социальной защиты и Федеральное агентство по делам национальностей. Что касается деятельности институтов гражданского общества, то в их задачи входит налаживание партнерских взаимоотношений между органами власти и национальными общественными организациями [12, с. 46]. Между тем вопросы социальной адаптации и интеграции мигрантов, по мысли исследователей [13, с. 6], носят первостепенный характер, поскольку системная работа в этом направлении, наряду с нормативно-правовой и организационно-методической деятельностью государственных структур, занимающихся реализацией миграционной политики, способна решать задачи социально-экономического, пространственного и демографического развития России¹.

Здесь речь не идет о социальной работе с переселенцами. Исследователи, анализируя сложившуюся в России ситуацию с мигрантами, раз-

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 27.12.2022).

рабатывают комплекс мероприятий миграционной политики государственного уровня. Так, например, предлагается совершенствовать и развивать государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, придав таким образом данной программе репатриационный статус. Опыт реализации подобных программ существует в Германии и Израиле. Для его успешной реализации необходимо минимизировать административные барьеры на пути к получению участниками госпрограммы и членами их семей легального статуса, их трудоустройства и расселения на территории Российской Федерации [14, с. 30].

Итак, анализ отечественных исследований по управленческой проблематике, касающейся миграционных процессов, показал не только большую степень изучения данной темы, но и возможные варианты решения миграционных проблем.

Миграция, как социальный процесс, проявляется в различных видах. Традиционно мигранты прибывали в Россию из стран ближнего зарубежья (Республика Беларусь, Молдова, Украина), Средней Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан), республики Закавказья (Азербайджан, Армения) [15, с. 63]. Зачастую данный тип миграции носит добровольный, невынужденный характер, как правило, цель отъезда мигрантов в большинстве случаев обусловлена поиском высокого заработка [16].

Применительно к теме данного исследования, в первую очередь, вызывает интерес вынужденная миграция, представляющая собой территориальные перемещения людей, покинувших место жительства либо вследствие совершенного в отношении них или членов их семей насилия или преследования, либо вследствие реальной возможности подвергнуться насилию или преследованию, либо вследствие чрезвычайных обстоятельств экономического, природного, техногенного характера [17].

С одной стороны, вынужденная миграция из республик Донбасса носит стихийный характер, так как беженцы, прибывающие в Россию из этого региона, без помощи соответствующих властных структур и общественных организаций пытаются самостоятельно обустроиться и адаптироваться на новом месте. С другой стороны, существует организованная миграция

переселенцев, инициируемая органами власти, общественно-политическими объединениями, волонтерами, которые стремятся помочь беженцам, спасающимся от военных действий, обрести новое место жительства. При этом специфика организованной вынужденной миграции в том, что она оформилась только в отношении переселенцев из Донецкой и Луганской народных республик [18, с. 211].

При изменении местожительства у мигрантов появляется ряд проблем, связанных с их незащищенным социальным положением, которые могут быть решены благодаря продуманной социальной политике. Для того чтобы понять трудности, с которыми сталкиваются переселенцы на новом месте, их социальные настраивания, насколько защищенными они себя чувствуют у принимающей стороны, а также что конкретно необходимо переселенцам для полноценной социальной адаптации и интеграции в обществе приема, необходимо изучить их социальное положение.

В данном случае речь идет о мигрантах, этнически и духовно связанных с Россией. По сути дела, это люди, выросшие в культуре советского, постсоветского пространства, являющиеся не только носителями русского языка, но и тех ценностных установок и культурных традиций, которые характерны для населения России в целом. Поэтому предполагаем, что культурная и социальная адаптация переселенцев с Донбасса может быть успешной в силу культурно-этнических факторов. В то же время нельзя забывать, что переход в другую, непривычную социокультурную среду проходит болезненно на фоне перенесенного стресса, связанного с пережитым, с переездом и с неопределенностью будущего.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для исследования организационных основ работы с вынужденными переселенцами были проанализированы официальные статистические данные Росстата по РФ в целом и результаты социологического исследования, проведенного в Башкортостане среди вынужденных переселенцев, проживающих в регионе в пунктах временного размещения. Исследование было проведено по заказу и при поддержке фракции «ЕДИНАЯ РОССИЯ» Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан.

Согласно данным Росстата, в период 2011–2018 гг. в России наблюдался значительный прирост показателя миграционной активности: он вырос на 58,6 % по отношению к 2011 г. (с 356 535 чел., прибывших в РФ в 2011 г., до 565 685 чел. в 2018 г.). Однако в период 2019–2020 гг. произошло существенное снижение исследуемого индикатора – на 15,3 % (с 701 234 чел., прибывших в РФ в 2019 г., до 594 146 в 2020 г.)².

Такой спад миграционной активности в РФ в том числе объясняется влиянием пандемии COVID-19 на миграционные процессы. Эта тенденция характерна не только для России. В этот период многие страны начали закрывать свои государственные границы, в результате международная мобильность резко сократилась [19, с. 52].

Если исследовать показатель миграционной активности прибывших в Россию граждан из Украины, то обнаруживается значительный прирост этого показателя. Так, в период 2011–2015 гг. миграционная активность граждан Украины, прибывших в Россию, возросла с 30 073 чел. в 2011 г. до 139 735 чел. в 2015 г. Несмотря на это, в период с 2016–2020 гг. показатель снизился на 62,2 % (с 115 043 чел., прибывших в Россию в 2016 г., до 43 542 чел. в 2020 г.) (рис. 1)².

Поскольку снижение миграционной активности украинцев началось уже с 2016 г., то мож-

² Демографический ежегодник России – 2017 // Международная миграция по странам. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm (дата обращения: 09.12.2022)

Демографический ежегодник России – 2021 // Гражданство международных мигрантов. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm (дата обращения: 09.12.2022).

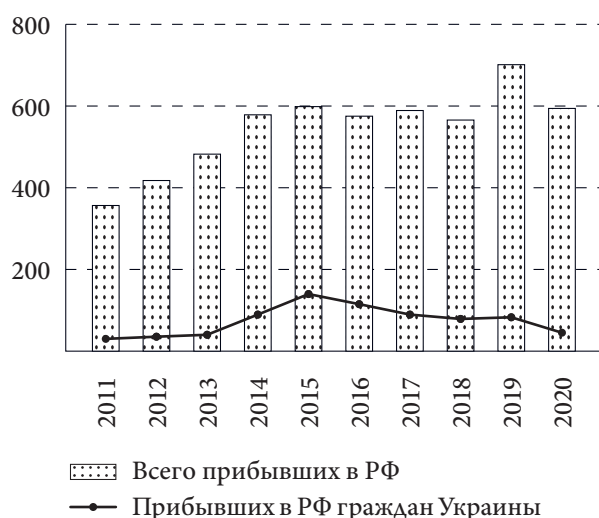

Рис. 1. Динамика прибывших в Российскую Федерацию мигрантов за период 2011–2020 гг., тыс. чел.
Fig. 1. Dynamics of migrants who arrived in the Russian Federation for the period 2011–2020, thousand people

но предположить, что данный тренд связан не только с влиянием пандемии COVID-19 на миграционные потоки, но и с обостряющейся политической обстановкой, сложившейся на Украине в этот период [20, с. 301].

В рамках исследования проблемы переселенцев из Донецкой и Луганской народных республик необходимо отметить, что вопрос официальных статистических данных об их численности пока остается открытым. Наиболее четкую картину по численности выбывших с территории ДНР и ЛНР и прибывших в РФ могут дать новостные ленты. Так, например, по данным новостного портала РБК, с апреля по июнь 2022 г. в Россию прибыли более полумиллиона человек из Донецкой и Луганской народных республик. Если говорить наиболее точно, то во втором квартале 2022 г. в РФ прибыли 507 тыс. граждан, являющихся жителями этих территорий (соответственно 214 тыс. чел. и 293 тыс. чел.)³.

Если говорить о переселенцах из Донецкой и Луганской народных республик, прибывших в Башкортостан, то их общее число, включая стихийно приехавших, составило 800 чел. В пунктах временного размещения на момент исследования проживало 656 чел. Эти пункты, всего их 5, организованы в городах Уфе, Стерлитамаке, Салавате и Туймазинском районе республики.

Упомянутое социологическое исследование было проведено в ноябре 2022 г. сотрудниками Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан среди переселенцев, проживающих в пунктах временного размещения на территории республики. Методом стандартизированного интервью было опрошено 375 чел. (57,3 % от общего числа переселенцев, проживающих в данных пунктах), из которых 42,9 % – мужчины и 57,1 % – женщины.

В социологическом исследовании принимали участие переселенцы в возрастном диапазоне от 15 до 70 лет и старше. Оценки семейного положения большинства опрошенных характеризовали их как женатых или замужних (43,7 %), причем в эту же категорию были отнесены и те, кто состоял в гражданском браке. Тем не менее, несмотря на то что значительная часть респондентов состояла в браке, у 63,7 % опрошенных детей нет.

³ ФСБ раскрыла количество приехавших из ДНР и ЛНР // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/17/08/2022/62fcca2f9a79473c83a92d7a> (дата обращения: 27.12.2022).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «Какая помощь Вам была уже оказана?», в % от числа опрошенных

Table 1 – Distribution of answers to the question: «What kind of assistance has already been provided to you?», in % of the number of respondents

Варианты ответа	Доля
Одежда, обувь, средства личной гигиены	89,9
Денежные выплаты	77,9
Предоставлено место для проживания	76,8
Медицинская помощь, обследование	50,9
Связь, интернет	45,9
Работа, заработок	11,7
Другое	4,0

89,9 % респондентов имеют общее среднее и более высокого уровня образование, 36,0 % до переезда в Башкортостан работали на частных и 18,7 % – на бюджетных предприятиях, 18,9 % – пенсионеры, 11,5 % – безработные, 14,9 % – инвалиды, студенты и школьники.

Некоторые респонденты приехали в республику вместе с родными и близкими, а каждый пятый (20,8 %) переселился без них. У 63,7 % опрошенных в Донбассе остались родственники. 87,7 % опрошенных переселенцев не имеют в Башкортостане родных, поэтому они и проживают в пунктах временного размещения сроком от 1 до 6 месяцев (71,8 %) и более 6 месяцев (28,2 %).

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Подавляющее большинство переселенцев – 81,4 % (по сумме ответов «полностью удовлетворен» и «скорее, удовлетворен») – положительно охарактеризовали условия проживания в пунктах временного размещения. Это связано с тем, что пункты временного размещения организованы на базе профилакториев крупных промышленных предприятий. Если рассматривать конкретные условия и обстоятельства их пребывания по значению показателя «все устраивает», респонденты отметили отношение к ним сотрудников (70,1 %), организацию досуга и отдыха (56,3 %), отношение со стороны местного населения (56,3 %), месторасположения пункта размещения (47,7 %), юридическое сопровождение (41,1 %), решение социальных проблем (38,7 %). Примечательно, что более половины респондентов (55,2 %) указали на волонтеров как на основных субъектов, оказывающих помощь; 42,9 % заявили, что им оказывает поддержку администрация города (района), 37,6 % – пар-

тия «ЕДИНАЯ РОССИЯ», 26,1 % – работники социальных служб. Такое распределение ответов указывает на общественно значимый характер проблемы вынужденных переселенцев из Донецкой и Луганской народных республик. Особое внимание обращает на себя заинтересованность разнообразных добровольческих, волонтерских объединений и государственных органов вопросами социальной поддержки переселенцев с Донбасса [21, с. 30–31].

В таблице 1 представлены социологические данные, показывающие, какая помощь уже была предоставлена опрошенным переселенцам.

Анализ данных, представленных в таблице 1, показал, что большинство переселенцев, находящихся в республике в пунктах временного размещения, обеспечены всем необходимым. Им предоставлена одежда, обувь, средства личной гигиены (89,9 %), назначены соответствующие денежные выплаты⁴ (77,9 %), а также предоставлено место для проживания (76,8 %). В то же время помощь в поиске работы, трудоустройстве отметили только 11,7 % респондентов. Этому есть объективные и субъективные причины, о которых речь пойдет далее.

Таким образом, переселенцам предоставлено все необходимое для того, чтобы они не так остро переживали ту трудную жизненную ситуацию, в которой оказались. Тем не менее проблемы и трудности сохраняются.

О том, в чем нуждаются переселенцы, свидетельствуют полученные в ходе социологического опроса данные, представленные в таблице 2. При этом мера нуждаемости по сравнению со средними значениями показателей выше у тех, кто пребывает в пунктах временного размещения 1–2 месяца и более 6 месяцев.

В перечне ожидаемых мер социальной поддержки на первом месте стоит потребность в расширении рациона питания (45,6 %). Несмотря на то что денежные выплаты предоставляются, нуждающихся в деньгах оказалось 37,6 %. Практически треть опрошенных (30,9 %) нуждается в медицинском обслуживании, высо-

⁴ Указ Президента РФ от 27.08.2022 № 586 «О выплатах гражданам Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Украины и лицам без гражданства, вынужденно покинувшим территории гражданам Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Украины и прибывшим на территорию Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202208270001> (дата обращения: 27.12.2022).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: «В чем из перечисленного Вы нуждаетесь в настоящее время?», в % от числа опрошенных**Table 2** – Distribution of answers to the question: «Which of the following do you currently need?», in % of the number of respondents

Варианты ответа	В целом	В зависимости от периода проживания в пунктах временного размещения		
		1–2 месяца	До 6 месяцев	Более 6 мес.
В предоставлении денежных выплат	37,6	58,8	28,5	50,9
В улучшении условий проживания	27,5	26,5	19,6	45,3
В расширении рациона питания	45,6	17,6	56,6	30,2
В одежде, обуви, средствах личной гигиены	25,6	38,2	26,4	19,8
В предоставлении работы, возможности зарабатывать	22,4	29,4	22,1	20,8
В медицинской помощи, обследовании	30,9	35,3	27,7	36,8
В средствах мобильной связи, Интернете	17,1	23,5	16,2	17,0
В детских садах, школах, вузах	1,6	0,0	0,9	3,8
В подробной информации о ситуации на Донбассе	8,0	8,8	6,0	12,3
Другое	13,3	5,9	14,5	13,2

котехнологичной медицинской помощи и диагностики. Важно отметить, что в каждом пункте временного размещения организовано дежурство медицинских работников; 27,5 % высказались за улучшение условий проживания. Интересно, что нуждаемость в работе и возможность зарабатывать стоит в рейтинге потребностей переселенцев только на шестом месте (22,4 %). Наиболее низкая нуждаемость отмечается в детских садах, школах и вузах – 1,6 %. Это связано с тем, что у большинства опрошенных нет детей, а также с тем, что все нуждающиеся обеспечены дошкольными и школьными образовательными услугами. Более того, дошкольные группы функционируют непосредственно в пунктах временного размещения.

Наблюдается интересное противоречие. С одной стороны, государство и общественно-политические организации заботятся о том, чтобы вынужденные переселенцы были обеспечены всем необходимым. С другой стороны, сами переселенцы не проявляют высокой активности для самостоятельного дополнительного обеспечения своих потребностей. Нуждаемость переселенцев в расширении рациона питания, денежных выплатах, улучшении условий проживания указывает на избыточность некоторых ожиданий. В силу определенных социально-экономических причин государство не может постоянно поддерживать приемлемый уровень и качество жизни переселенцев. Первоочередной задачей для молодежи и остального трудоспособного населения из числа вынужденных мигрантов с Донбасса становится получение обра-

зования либо переобучение и переквалификация, а впоследствии дальнейшее трудоустройство в том случае, если они планируют остаться в России. Эти ожидания в той или иной мере могут быть оправданы посредством труда и получения заработной платы.

Но, как показало исследование, нуждаемость в трудоустройстве проявляется не столь заметно. В определенной мере это зависит от места труда и заработной платы среди источников дохода или средств существования. Только четвертая часть респондентов указала на заработную плату (25,1 %), больше среди переселенцев тех, кто живет за счет социальных выплат (45,3 %), 25,3 % имеют собственные сбережения, 11,7 % и 10,9 % соответственно помогают спонсоры и родственники. Вместе с тем проблема трудоустройства переселенцев весьма существенна. Ее решение, помимо желания их самих найти работу в соответствии с имеющимся образованием и квалификацией, зависит от существующего предложения рабочих мест на рынке труда. К тому же 44,0 % респондентов указали на наличие среднего профессионального, а 24,0 % – высшего и незаконченного высшего образования.

Среди сфер трудовой деятельности, в которых хотели бы работать респонденты, преобладают торговля, сфера услуг (24,8 %), промышленность (20,6 %), строительство (14,3 %), связь и транспорт (12,2 %).

Респонденты трудоспособного возраста составили 74,6 % опрошенных переселенцев, что указывает на то, что в дальнейшем их трудовой потенциал может быть успешно реализован.

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос: «Каковы Ваши планы на будущее?», в % от числа опрошенных
Table 3 – Distribution of answers to the question: «What are your plans for the future?», in % of the number of respondents

Варианты ответа	В целом	В зависимости от периода проживания в пунктах временного размещения		
		1–2 месяца	До 6 месяцев	Более 6 мес.
Планирую вернуться домой в Донбасс	2,9	13,6	28,3	50,9
Планирую остаться в республике	38,2	36,6	23,6	45,3
Планирую переехать в другой регион РФ	6,0	10,6	8,5	30,2
Затрудняюсь ответить, т.к. будущее мне видится неопределенным	52,9	39,2	39,6	19,8

В то же время всего 12,1 % опрошенных трудоустроены официально, большинство приехавших не работает (58,0 %). Хотя необходимо отметить, что 29,0 % респондентов все же имеют неофициальную (14,5 %) или временную работу (14,5 %) (рис. 2).

Из представленных на рисунке 2 данных видно, что большинство переселенцев не работает. Следовательно, можно предположить, что в их среде имеют место иждивенческие настроения.

Исследование показало, что большинство опрошенных (55,0 %) не может пояснить, какие трудности помешали их трудоустройству, что еще раз подчеркивает неопределенность и нестабильность положения переселенцев на рынке труда, невозможность внятно охарактеризовать свою позицию в вопросах занятости. Напротив, в числе тех, кто смог сформулировать причины своей незанятости, треть (31,4 %) указала на сложности с оформлением документов, необходимых для трудоустройства. Далее следует объяснение, что предложения, имеющиеся на рынке труда, не соответствуют уровню образования или квалификации респондентов (13,6 %); 10,0 % переселенцев указали на отсутствие или недостаток информации о возможности трудоустройства.

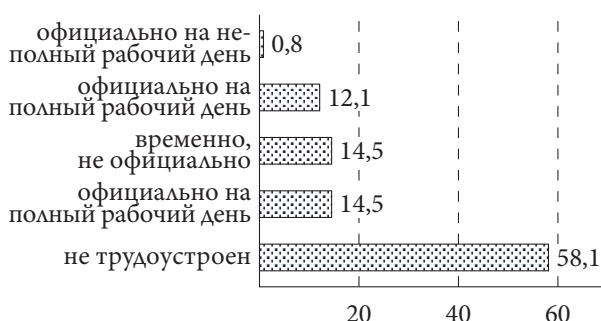

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Трудоустроены ли Вы в настоящее время?», в % от числа опрошенных

Fig. 2. Distribution of answers to the question «Are you currently employed?», in % of the number of respondents

Проведенное исследование показало, что в силу сложившихся сложных, а нередко трагических жизненных обстоятельств переселенцы в большинстве своем испытывают тревогу из-за неопределенности своего положения (61,3 %). Оптимистически настроены только 17,9 %, наименьшее значение заняла позиция «чему быть, того не миновать», характеризующая безразличное отношение к происходящему – 2,7 %.

Между тем 33,1 % респондентов планируют остаться в Башкортостане, а 16,8 % желали бы вернуться домой. Однако 40,5 % не определились со своими планами на будущее.

Интересно, что срок пребывания в пунктах временного размещения влияет на то, как респонденты определяют с такими планами. По мере увеличения срока затруднившихся с ответом становится меньше. Но все же их число достаточно большое (табл. 3).

Те респонденты, которые планируют остаться жить в Башкортостане, хотят трудоустроиться (37,3 %), решить вопрос с жильем (43,8 %), получить образование или переобучиться (14,9 %).

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Итак, полученные на основе социологического исследования научные результаты позволяют судить о достаточно нестабильном социальном положении переселенцев из республик Донбасса, проживающих в пунктах временного размещения. Тем не менее остается открытым вопрос о росте эффективности управленческого воздействия со стороны органов государственной власти на переселенцев с целью их успешной социальной адаптации и интеграции. Для решения многих социальных и экономических проблем переселенцев с Донбасса, прежде всего, необходима глубокая целенаправленная работа, включающая в себя межведомственное взаимодействие, в том числе на уровне таких государственных структур, как Министерство семьи, труда и социальной защиты населения

Республики Башкортостан, в полномочия которого входит организационная работа с вынужденными переселенцами в пунктах их временного размещения.

При этом важно понимание того, насколько будет увеличиваться или, наоборот, сокращаться приток переселенцев, какое по продолжительности время они будут находиться в пунктах временного размещения, когда и в каких формах начинать перемещение их из этих пунктов в обычную социальную среду, какие формы поддержки будут продолжаться оказываться, а от каких можно будет отказаться, как организовать возвращение в Донбасс тех, кто планирует это сделать.

Неуверенность в завтрашнем дне у переселенцев наглядно проявляется в том, что 38,9 %, отвечая о своих планах на будущее, не собираются покидать пункты временного размещения, и столько же затруднились с ответом. Желание переехать до конца 2023 г. выразили 23,0 % опрошенных.

В завершение проведенного анализа можно с определенной долей вероятности сделать некоторые предположения. Во-первых, по мере увеличения срока проживания переселенцев в пунктах временного размещения у них все больше будут актуализироваться желания по улучшению условий пребывания в республике. Это, прежде всего, будет касаться денежных выплат, предоставления жилья на условиях социального найма, льготной ипотеки или жилищного сертификата. Во-вторых, может продолжиться рост

проявлений иждивенчества. В-третьих, сохранится в ближайшей перспективе (до конца 2023 г. – первой половины 2024 г.) у значительной части переселенцев чувство неопределенности своего положения и неуверенности в завтрашнем дне. В-четвертых, потребуются корректировка содержания и организационных форм социально-экономической и морально-психологической поддержки как тех переселенцев, которые возьмутся в новую социальную среду, так и тех, кто быстро не решится это сделать.

Для решения проблемы социальной интеграции вынужденных переселенцев в принимающее общество, при условии их дальнейшего пребывания в республике, необходима разработка долгосрочной Программы по их социальной интеграции в принимающем обществе Республики Башкортостан. Эта Программа, как механизм управленческого воздействия на миграционные процессы в республике, могла быть разработана и усовершенствована в рамках межведомственного взаимодействия различных министерств, занимающихся вопросами переселенцев.

Таким образом, организация мер социальной поддержки беженцев с Донбасса имеет большое значение не только для этой категории, но и для России в целом, так как переселенцы представляют собой социальную группу, благодаря которой возможно решить проблемы как демографического развития страны, так и ее трудового потенциала, в особенности это касается отраслей, испытывающих серьезный недостаток кадров. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хроленко Т. С., Воробьева О. Д., Гущина К. С. Анализ миграционных связей России и Украины через призму экономической социологии // **Социолог: образование и профессиональные траектории** : материалы Всероссийской научной конференции «XV Ковалевские чтения» (Санкт-Петербург, 25-27 ноября 2021 г.) / под ред. Н. Г. Скворцова, Ю. В. Асочакова. Санкт-Петербург : ООО «Скифия-принт», 2021. С. 247-248. EDN ZHXIDQ.

2. Егорышев С. В. Миграционная преступность в Республике Башкортостан: особенности и тенденции // **Siberian Socium**. 2021. Т. 5, № 3 (17). С. 27-38. EDN VXQJDB.

3. Хилажева Г. Ф. Тренды разных потоков ми-

грации // Демографический доклад Республики Башкортостан : монография / под ред. А. Н. Дегтярева, А. Р. Кузнецовой, Г. Ф. Ахметовой. Уфа : ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан», 2020. С. 87-101. EDN MYMYVX.

4. Рыбаковский А. А., Маевский Д. П., Кожевникова Н. И. Миграционная подвижность населения и её измерение // **Народонаселение**. 2019. № 2. С. 4-14. EDN CWWYR.

5. Дмитриева Ю. В., Кожевникова Н. И. Алгоритм реализации миграционной политики России в рамках ЕАЭС // **Народонаселение**. 2018. Т. 21, № 4. С. 50-57. EDN VTABBW.

6. Ковтун Е. А., Милецкий В. П. Практики соци-

альной работы с мигрантами в России: экспертные оценки // *Дискурс*. 2020. Т. 6, № 6. С. 75-86. EDN QTRMER.

7. **Полетаев Д. В., Зайончковская Ж. А., Михайлов Д. А.** Доступ детей мигрантов к здравоохранению (на примере г. Москвы) // *Социальная политика и социология*. 2019. Т. 18, № 3 (132). С. 44-54. EDN IANGME.

8. **Полетаев Д. В.** Здоровье трудовых мигрантов из ЕАЭС в России (на примере мигрантов из Киргизии) // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2020. № 18. С. 521-541. EDN SZHLGU.

9. **Черныш М. Ф., Григорьева К. С., Епихина Ю. Б., Злобина Е. К., Кузнецов И. М., Масикова Н. С., Мукомель В. И., Фадеев П. В., Голенцова М. С.** Межэтническая напряженность в меняющемся социальном контексте: результаты исследования // *Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН*. 2017. № 1. С. 1-133. EDN FDUPDY.

10. **Мукомель В. И.** Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // *Россия реформирующаяся*. 2016. № 14. С. 411-467. EDN WBLZPF.

11. **Герасимова И. В.** Совершенствование системы государственного управления процессами адаптации и интеграции мигрантов в современной России // *Гражданское общество в России и за рубежом*. 2019. № 4. С. 30-33. EDN WFNHKE.

12. **Зорин В. Ю.** Миграционная обстановка в Российской Федерации: проблемы и решения // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019. Т. 9, № 3 (39). С. 40-50. EDN MNIZWI.

13. **Волох В. А., Герасимова И. В.** Управление миграционными процессами в Российской Федерации: анализ и перспективы // *Управление*.

2019. Т. 7, № 1. С. 5-12. EDN OSTDRW.

14. **Ивахнюк И. В.** Предложения к миграционной стратегии России до 2035 года : монография. Москва : Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», 2017. 82 с. EDN UWNBHC.

15. **Головастова Т. И.** Особенности миграционных процессов в многонациональном сообществе // *Проблемы региональной экономики*. 2019. № 3-4. С. 63-74. EDN AGAKNE.

16. **Абашин С. Н.** Постсоветская трудовая миграция из стран Средней Азии в Россию // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность : сборник статей / под ред. О. Е. Бредниковой, С. Н. Абашина. Москва : Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2021. С. 30-43. EDN KMCLBM.

17. **Олийник И. А.** Вынужденная миграция: особенности статуса переселенцев Донбасса // *Миграционное право*. 2019. № 3. С. 10-13. EDN HMDQBG.

18. **Воронин Г. А., Лакомова А. А.** Роль государственных учреждений и некоммерческих организаций в социальной адаптации трудовых мигрантов (на примере Нижегородской области) // *Философия хозяйства*. 2020. № 6 (132). С. 207-229. EDN VHDPVO.

19. **Рязанцев С. В., Вазиров З. К., Гарибова Ф. М.** «Зависшие на границах» между Россией и Родиной: мигранты из стран Центральной Азии во время пандемии COVID-19 // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. 2020. № 3. С. 45-58. EDN DXLLPY.

20. **Тан В.** Политическая обстановка на Украине. Философский взгляд китайских экспертов // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2015. № 5. С. 301-304. EDN UUWWCX.

21. **Кононов И. Ф.** Донбасс в региональной системе Украины // *Регион и мир*. 2021. Т. 12, № 3. С. 21-33. EDN WJDOKE.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Егорышев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор; Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан (450008, Россия, Респ. Башкортостан, Уфа, ул. Кирова, 15); sv_egoryshev@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 317567, ORCID: 0000-0002-0111-5497.

Мигунова Юлия Владимировна – кандидат социологических наук; Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан (450008, Россия, Респ. Башкортостан, Уфа, ул. Кирова, 15); migunovayuv@isi-rb.ru. AuthorID РИНЦ: 721017, ORCID: 0000-0003-0634-2135, ScopusID: 57202739254, ResearcherID: O-4538-2015.

Статья получена: 08.02.2023. Заключение рецензента: 10.02.2023. Принята к печати: 13.02.2023.

ARRANGING SOCIAL MEASURES TO SUPPORT RESETTLERS FROM DONETSK AND LUGANSK TO THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Egoryshev S. V., Migunova Yu. V.^a

^a Institute for Strategic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan

ABSTRACT:

Introduction. The article reflects the results of a sociological study conducted in November 2022 among residents of the Donbass republics, who, due to the ongoing hostilities in these territories and the threat to their lives, temporarily moved to the Republic of Bashkortostan and are in temporary accommodation centers. The research was conducted by sociologists of the Institute for Strategic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. The purpose of the study was to identify the nature of assessments by this category of respondents of the conditions provided to them in the republic for living, employment and education for their children. This purpose was achieved by solving the following tasks: 1) to form a socio-demographic portrait of the migrants who participated in the survey; 2) to determine the nature of the assessments of the living conditions provided, the types of assistance provided and the remaining needs; 3) to find out the employment nature and the degree of satisfaction with it; 4) to assess the resettlers' plans for the future; 5) to offer practical recommendations aimed at improving social support of migrants.

Materials and methods. The information base of the article was made up of official statistics, as well as the results of a sociological survey conducted by the methods of standardized and free interviews among 375 migrants, which accounted for 57.3% of the total number of people living in the region in temporary accommodation. The structure of the article is built in accordance with the tasks solved in the course of the study and contains new sociological material illustrating each of these tasks.

Results. This made it possible to set and analyze the problem of managerial influence on the part of the authorities on the processes of social adaptation and integration of immigrants from the Donetsk and Lugansk People's Republics. Within the framework of this article, the management impact on migration processes is understood as the technologies of social work with migrants, their social support and support, carried out by state authorities at the regional level. An analysis of the practice of work of state authorities, public structures and volunteers designed to provide assistance to migrants showed that the relevance of the problem of social insecurity of migrant migrants and the improvement of social work with them remains. This, first of all, concerns the provision of social and psychological assistance to them, employment, resolving the issue of housing, providing opportunities for education, etc. The most urgent problem for migrants is the problem of their future and the possibilities of solving it in the short and medium term on their own or with the help of structures that provide them with support. The materials of the article can be used in the work of interested services dealing with the issues of adaptation and integration of migrants in a new social community for them. The presented results will form the basis for studying and comparing the emerging regional practices of working with migrants and other categories of migrants, as well as research on this topic, which is just beginning to be conducted.

KEYWORDS: resettlers, People's Republics of Donbass, migration, migration process management, social insecurity of resettlers, social support to migrants, social adaptation and rehabilitation, the Republic of Bashkortostan, new social environment.

FUNDING: The article was prepared within the framework of the state task of the Institute of Strategic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan «Organization and conduct of fundamental and applied scientific research, including experimental development, for the implementation of the Strategy for the socio-economic development of the Republic of Bashkortostan».

FOR CITATION: Egoryshev, S. V., & Migunova, Yu. V. (2023). Arranging social measures to support resettlers from Donetsk and Lugansk to the Republic of Bashkortostan. *Management Issues*, 17(1), 20–32. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-1-20-32>.

REFERENCES

1. KHROLENKO, T. S., VOROBEOVA, O. D., & GUSHCHINA, K. S. (2021). Analysis of migration relations between Russia and Ukraine through the prism of economic sociology. In N. G. Skvortsov, & Yu. V. Aschakov (Ed.), *Sociologist: education and professional trajectories* (pp. 247–248). Skifia-Print Ltd. <https://elibrary.ru/zhxidq>.
2. EGORYSHEV, S. V. (2021). Migration crime in the Republic of Bashkortostan: features and trends. *Siberian Socium*, 5(3), pp. 27–38. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2021-5-3-27-38>.
3. KHILAZHEVA, G. F. (2020). Trends in different migration flows. In A. N. Degtyarev, A. R. Kuznetsova, & G. F. Akhmetova (Eds.), *Demographic report of the Republic of Bashkortostan* (pp. 87–101). <https://elibrary.ru/mymyvx>.
4. RYBAKOVSKY, L. L., MAEVSKY, D. P., & KOZHEVNIKOVA, N. I. (2019). Migration mobility of population and its measurement. *Population*, (2), pp. 4–14. <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00011>.
5. DMITRIEVA, YU. V., & KOZHEVNIKOVA, N. I. (2018). The algorithm of implementation of the migration policy of Russia within the framework of EAEU. *Population*, 21(4), pp. 50–57. <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-4-05>.
6. KOVTUN, E. A., & MILETSKY, V. P. (2020). Practices of social work with migrants in Russia: expert assessments. *Discourse*, 6(6), pp. 75–86. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-6-75-86>.
7. POLETAEV, D. V., ZAYONCHKOVSKAYA, ZH. A., & MIKHAILOV, D. A. (2019). Access of migrant children to healthcare (on the example of Moscow). *Social Policy and Sociology*, 18(3), pp. 44–54. <https://doi.org/10.17922/2071-2019-18-3-44-54>.
8. POLETAEV, D. V. (2020). The health of labor migrants from the EAEU in Russia (on the example of migrants from Kyrgyzstan). *Scientific works: RAS Institute of Economic Forecasting*, (18), pp. 521–541. <https://doi.org/10.47711/2076-318-2020-521-541>.
9. CHERNYSH, M. F., GRIGOREVA, K. S., EPIKHINA, YU. B., ZLOBINA, E. K., KUZNETSOV, I. M., MASTIKOVA, N. S., MUKOMEL, V. I., FADEEV, P. V., & GOLENTSOVA, M. S. (2017). Interethnic tensions in a changing social context: research findings. *Information and Analytical Bulletin of the Institute of Sociology of FCTAS RAS*, (1), pp. 1–133. <https://doi.org/10.19181/inab.2017.1>.
10. MUKOMEL, V. I. (2016). Adaptation and integration of migrants: methodological approaches towards assessment of policy effectiveness and the role of the receiving society. *Russia in Reform*, (14), pp. 411–467. <https://elibrary.ru/wblzpf>.
11. GERASIMOVA, I. V. (2019). Improvement of the system of public administration of migrant adaptation and integration processes in the modern Russia. *Civil Society in Russia and Abroad*, (4), pp. 30–33. <https://elibrary.ru/wfhxke>.
12. ZORIN, V. YU. (2019). The migration situation in the Russian Federation: problems and solutions. *Humanitarian Sciences. Financial University Bulletin*, 9(3), pp. 40–50. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-3-40-50>.
13. VOLOKH, V. A., & GERASIMOVA, I. V. (2019). Management of migration processes in the Russian Federation: analysis and prospects. *Upravlenie*, 7(1), pp. 5–12. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-1-5-12>.
14. IVAKHNYUK, I. V. (2017). *Proposals for Russia's Migration Strategy until 2035*. Non-profit partnership “Russian International Affairs Council”. <https://elibrary.ru/uwnbhc>.
15. GOLOVASTOVA, T. I. (2019). Features of migration processes in a multinational community. *Problems of the Regional Economy*, (3–4), pp. 63–74. <https://elibrary.ru/agakne>.
16. ABASHIN, S. N. (2021). Post-Soviet labor migration from Central Asia to Russia. In O. E. Brednikova, & S. N. Abashin (Eds.), *“Living in two worlds”: rethinking transnationalism and translocality* (pp. 30–43). Journal “New Literary Review”. <https://elibrary.ru/kmclbm>.
17. OLIYNYK, I. L. (2019). Forced migration: peculiarities of the Donbass relocatees status. *Migration Law*, (3), pp. 10–13. <https://elibrary.ru/hmdqbg>.
18. VORONIN, G. L., & LAKOMOVA, A. A. (2020). The role of state institutions and non-profit organizations in the social adaptation of labor migrants (on the example of the Nizhny Novgorod region). *Philosophy of Economy*, (6), pp. 207–229. <https://elibrary.ru/vhdpvo>.
19. RYAZANTSEV, S. V., VAZIROV, Z. K., & GARI-

BOVA, F. M. (2020). "Stranded on the borders" between Russia and the Homeland: migrants from Central Asia countries during the COVID-19 pandemic. *Scientific Review. Series 1: Economics and Law*, (3), pp. 45-58. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-04>.

20. ТАН, В. (2015). Political situation in Ukraine. Philosophical view of Chinese experts. *Education*.

Science. Scientific Staff, (5), pp. 301-304. <https://elibrary.ru/uuwwcx>.

21. KONONOV, I. F. (2021). Donbass in the regional system of Ukraine. *Region and World*, 12(3), pp. 21-33. <https://elibrary.ru/wjdoke>.

AUTHORS' INFORMATION:

Sergey V. Egoryshev – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Institute for Strategic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (15, Kirov St., Ufa, Bashkortostan, 450008, Russia); sv_egoryshev@mail.ru. RSCI AuthorID: 317567, ORCID: 0000-0002-0111-5497.

Yuliya V. Migunova – Ph.D. of Sociological Sciences; Institute for Strategic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (15, Kirov St., Ufa, Bashkortostan, 450008, Russia); migunovayuv@isi-rb.ru. RSCI AuthorID: 721017, ORCID: 0000-0003-0634-2135, ScopusID: 57202739254, ResearcherID: O-4538-2015.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА «ПРОЕКТНОГО» ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ Г. ИННОПОЛИС)

Зверев А. И.^а

^а Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Введение. Статья посвящена попытке выделения нового типа социологической классификации городов – проектных городов (на примере опыта проектирования наукограда). Обосновывается, что г. Иннополис (Республика Татарстан), будучи площадкой размещения российского проекта наукоградов, обладает рядом черт, характерных для проектных городов.

Методология. В качестве методологии исследования использован авторский подход к социологическому анализу «проектного» города. Основу концепции «проектного города» составляют теория социального обмена Дж. Хоманса, теория социального проектирования В. Костина, теория общественных взаимодействий Г. Е. Зборовского, авторские концепции этапов развития «проектного» города, а также ценностного ядра вовлеченности.

Результаты исследования. В социологической классификации «проектный город» может быть представлен и изучен как самостоятельный тип городов. С позиции социологии управления, «проектный город» можно определить как социальное пространство размещения («площадку присутствия») ключевого объекта масштабного государственного проекта. Под масштабным понимается государственный проект, целью которого является качественное изменение той или иной национальной научной или производственной отрасли, изменение роли или позиции государства на мировой арене, решение глобального вызова, защиту или возвращение утраченного суверенитета. Г. Иннополис является спутником г. Казани и располагается на расстоянии 40 км от него. На сегодняшний день этот город имеет статус наукограда, наряду с гг. Сколково и Кольцово (Новосибирская область). Иннополис обладает всеми признаками проектного города: наличие комплексной проектной разработки создания и развития города; наличие стадий/этапов реализации города как проекта; особый режим функционирования; наличие особого ценностного ядра; высокий интеллектуальный и профессиональный уровень основной массы населения. Сильными сторонами г. Иннополиса являются защищенность, отсутствие перенаселения и стрессов, характерных для большого города, качественно иной уровень развития социальной инфраструктуры для малого города, экология, отсутствие загрязнений, компактность, отсутствие перенаселения, высокая степень комфорта проживания, высокий уровень социальной сплоченности населения и контакта с органами государственной власти.

Обсуждение и выводы. В качестве итогов автор представляет ряд выводов относительно перспектив развития г. Иннополиса как одного из проектных городов России. Комплексное подключение г. Иннополиса, по примеру атомных ЗАТО, к масштабной государственной задаче существенно усилило бы мотивацию его жителей на реализацию поставленной цели, сплотило вокруг нее, дополнило бы мотивацию нематериальными ценностями. На сегодняшний день мотивация жителей г. Иннополиса чаще всего статусно-меркантильная: заработная плата, отдых, блага цивилизации, высокое положение в обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: наукоград, Иннополис, проектирование, социальная среда города, проектный город, проектный подход, ЗАТО.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зверев А. И. Формирование методологии социологического анализа «проектного» города (на примере исследования социальной среды г. Иннополис) // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 1. С. 33-44. EDN LBPELA.

■ ВВЕДЕНИЕ

В мировой практике градостроительства выделяется отдельная группа городов, которые можно назвать «проектными» городами. Однако в нашей стране до настоящего времени данный феномен не исследован комплексно:

- понятийный аппарат исследования не определен;
- не выделены ключевые характеристики проектных городов;
- не составлена типология;
- не выделены эмпирические маркеры и т.д.

Между тем анализ «проектных» городов составляет самостоятельное направление для междисциплинарного научного исследования (на стыке социологии города и социологии управления) как объект социальной инженерии с характерными чертами города. Здесь значительную роль играет выработка методологии исследования, а также последующий анализ возможностей применения «проектного» подхода в социологии города, социологии управления [1]. Это позволит в дальнейшем выделить характерные признаки проектных городов, обобщить опыт социального проектирования и управления городом, проанализировать его характер, типологизировать многочисленные «пробы и ошибки».

С практической точки зрения, с учетом распространенности в России различного рода городов «особого назначения», созданных «под конкретную цель», разработка методологии их исследования будет широко востребована в современных условиях геополитических, социокультурных вызовов, поставленных перед РФ и россиянами.

В вопросе «проектного» города социология, в том числе социология города, позволяет интерпретировать логику «жизни города» через анализ:

- специфической городской общности;
- взаимодействия ключевых групповых акторов;
- городской среды и идентичности;
- ценностного ядра и пр.

Социология управления, в свою очередь, способна зафиксировать особую проектную логи-

ку создания и управления развитием «проектных» городов, конкретизировать суть проекта и проектирования применительно к городу. Здесь мы говорим не о том, что проектная методология и технология используются в структуре управления как одни из наиболее обсуждаемых, перспективных и востребованных на сегодняшний день. Речь идет о том, что в основе создания и развития вышеуказанного города лежит проект, и в таком случае уже сам город выступает его неотъемлемой частью, пронизан проектной логикой. Соответственно, завершение проектной цели не приводит к завершению жизни города, прекращению его существования. Проектный город лишь переходит из проектного в постпроектный этап своего развития, переживает кризис: пойти по пути проектной «перезагрузки» и реализации новой цели, либо «депроектироваться», то есть выйти из проектной логики и постепенно, по возможности, наиболее результативно и безболезненно обрести самостоятельность. И здесь, как показывает практика, большинство проблем проектного города будет связано именно с отсутствием своевременной подготовки города и его кураторов (взять в качестве примера ЗАТО и ГК «Росатом» [2, 3]) к такому этапу, а также с попытками решить «этапные» проблемы не подходящими для этого методами, применяемыми к типичному российскому малому городу, либо в корпоративной логике «реструктуризации активов» и пр.

■ МЕТОДОЛОГИЯ

Методологическая концепция применительно к анализу проектных городов базируется на выделении основных свойств города, которые затем позволяют отнести его к разряду «проектных». Проектная логика раскрывается в ряде работ по теории и социологии управления [4, 5, 6]. Ключевыми понятиями данного подхода являются категории теории управления: «управляющий и управляемый субъекты», «цель» как сложный образ изменений, «проект» как средство организации человеческой детальности через ее про-

граммирование, мотивацию, вовлечение, операционализацию, функционализацию, структуризацию, конкретизацию и т.д. «Городская» специфика изучаемых отношений и социальных процессов концептуализируется в понятиях социологии («городская общность» [7], «групповые акторы», «ценностное ядро», «общностные взаимоотношения обмена» [8]) и социологии города («городская экосистема», «городская среда», «локальная идентичность» горожан [9]) и пр.

По задумке автора, проектный характер города может быть проявлен в:

- логике создания и характере управления развитием города как площадки реализации того или иного крупного государственного или корпоративного проекта;
- специфике городской среды и общности горожан, территориальной (локальной) идентичности, сформированной участием в кардинальных преобразованиях в той или иной сфере социальных отношений;
- особенностях содержания ценностного ядра, которое мы называем применительно к проектным городам «ценностным ядром вовлеченности».

Проектная площадка. Логика создания и развития города как площадки присутствия крупного проекта накладывает на город особую специфику. Например, необходимо четко выделять предпроектный, проектный и постпроектный этапы развития с границами и задачами. Также управление носит централизованный характер: у города есть масштабная и четко обозначенная цель, например, участие в обеспечении промышленного роста в конкретном направлении [10], реиндустриализации [11]; соответственно имеется куратор [12], выделяются особенности ведомственного управления [13], он отличается от других городов в части характера бюджетирования, уровня развития инфраструктуры, динамики застройки и пр, часто объявляется особой зоной (закрытый город [14], особая экономическая зона, наукоград, федеральная территория и пр.).

«Проектная» городская среда. На примерах атомных закрытых административно территориальных образований (далее – ЗАТО), Иннополиса, «северных» городов, Уралмаша – крупного промышленного района г. Екатеринбурга как «города в городе» – можно наблюдать формирование особой социальной среды. На сегод-

няшний день в литературе уже выделяются различные «маркеры идентичности» в таких «проектных» городах, как ЗАТО: семиотические [15], ценностные [16], иные. Также, например, в ходе анализа аспектов особой городской среды Уралмаша отмечается, что «каждый из подобного рода районов индустриальной застройки некогда являлся составной частью единого идеологического, культурного, градостроительного эксперимента, направленного на кардинальные социальные преобразования» [17].

Ценностное ядро составляет одну из фундаментальных основ «проектного» города. Это связано с потребностью обеспечения необходимого уровня организации сплоченности различных общностей, вовлеченных в реализацию проекта и являющихся одновременно и жителями города, и проектными акторами. В данном случае вовлеченность обеспечивается, если следовать постулатам социологической теории обмена Дж. Хоманса, посредством конструирования актором – субъектом управления (куратором проекта) – «ситуаций успеха» [18]. В контексте «проектного» города ситуация успеха увязывается с вовлеченностью горожанина в реализацию важной государственной задачи [19], обеспечивается более высоким и особым социально-профессиональным статусом как самих горожан (например, в ЗАТО – это высокие зарплаты, награды, уровень допуска, подписка о невыезде и связанность с государственной тайной), так и городской территории («тепличные» города, развитая инфраструктура столичного уровня [20]) и пр. Далее, следуя логике Дж. Хоманса, наличие ситуации успеха активно вовлекает акторов в межгрупповое взаимодействие, поскольку таким образом обеспечивается социальный обмен – основной драйвер социальных взаимоотношений [18]. Необходимость изменения качественных характеристик различных общностей детерминируют готовность акторов к организованному взаимодействию в соответствии с общими целями. В нашем случае это проявляется в вовлечении в проект, обретении опыта, статуса, возможностей социальной мобильности для участников и пр. Здесь появляется место для управляющего субъекта, способного выработать проект как сложный целевой образ изменений, который и приведет к желаемым ситуациям успеха.

В результате представители групповых акторов организуются в различные проектные группы, разрабатывают и реализуют «проектную» программу. Таким образом, с позиции методологии Дж. Хоманса, постановка и реализация субъектом управления проектной цели обеспечивает «выигрыш» всем вовлеченным групповым акторам. Такой механизм применительно к «проектным городам», как площадкам реализации проекта, имеет в своей основе соответствующим образом скомпонованную матрицу ценностей, которую мы называем «ценностным ядром вовлеченности», и может пониматься в контексте «стейкхолдерского», то есть как предполагающий и обеспечивающий всем участникам реализацию собственных общественных/групповых интересов. В этой связи выявление, диагностика и управление «степенью активности» корпоративного ядра (уровень «заряженности жителей» идей реализации важной общественной, государственной задачи, высокий статус жителя, вовлеченного в проект и пр.) обеспечивает управление развитием «проектного города» в той же мере, что и решение «типичных городских» вопросов бюджетирования, миграции, инфраструктуры и пр. Отдельно уточним, что, согласно проведенным в 2012–2020 гг. эмпирическим авторским исследованиям, ценностное ядро вовлеченности составляют:

- причастность к реализации важной государственной задачи;
- сплоченность и взаимовыручка;
- готовность терпеть лишения, отсутствие комфорта, сложные условия работы и проживания и пр. ради реализации высших целей;
- сознание собственной значимости, большой ответственности, которая возложена Родиной;
- готовность приложить максимум усилий, отдать всего себя в деле, посвященном важной цели [16].

Эмпирическую базу данного исследования с учетом обозначенного в заглавии предмета, маркирующую ключевые особенности формирования социальной среды г. Иннополиса, как одного из типичных примеров «проектного» города, составили данные анализа социальных сетей в части прямых высказываний жителей города в профильных форумах, а также комментариев, оставленных ими к публикациям в блогах об Иннополисе.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В социологии традиционно считается, что города возникают и развиваются ситуативно, в процессе взаимодействия акторов городского управления (государственных деятелей и местных властей, предпринимателей, общественных деятелей, представителей социально активных групп и пр.). Их можно определить также в контексте «стейкхолдерского» подхода как заинтересованных лиц, то есть рассматривать процесс взаимодействия как попытку организации для взаимного удовлетворения групповых, общественных интересов. Также считается, что город расширяет свою территорию во многом произвольно и в различных направлениях, нередко представляя тем самым серьезную проблему для экологов, экономистов, урбанистов [21]. С другой стороны, накоплен значительный опыт создания, если можно так выразиться, «целевых» городов, то есть городов на проектной основе. То есть когда сначала создается видение города, прорабатывается программа и план по его созданию и развитию, и это предшествует возникновению городского поселения. В таком случае городское поселение является площадкой реализации крупного проекта, сконфигурированной по городскому типу. Закладка поселения городского (а не, например, вахтового) типа обусловлена необходимостью компактного поселения для постоянного проживания большого числа акторов проекта вместе с семьями.

Например, успешными городами-проектами следует признать города присутствия Атомного проекта СССР – ЗАТО СССР. Проектный характер четко проявляется в логике создания и «этапном» характере развития, присутствует специфическая «проектная» городская среда (инфраструктура, контингент, закрытость и пр.), четко проявляется ценностное ядро вовлеченности. На практике города прошли два основных этапа – предпроектный и проектный – и находятся на постпроектном этапе своего развития. Успешность четко проявлена в результативности Атомного проекта СССР, когда был в сжатые сроки создан паритет в Холодной войне с США. В рамках проекта, вопреки целому ряду технологических, политических ограничений, Советскому Союзу удалось создать комплекс действенных мер по ядерному сдерживанию Америки, продемонстрировавшей решимость в применении ядерного оружия, готовность развязать новую

войну и подвергнувшей атомной бомбардировке крупные города Японии. Необходимо отметить, что в США также был создан атомный проект с соответствующими закрытыми городами-площадками размещения ключевых «объектов»: г. Оакридж, г. Лос-Аламос и др.

Вторым показательным примером успешного создания проектных городов в России является опыт развития наукоградов: гг. Сколково, Иннополис, Кольцово (Новосибирская обл.). Они также укладываются в «проектную» логику создания и развития, исходя из анализа среды, ценностного ядра.

Понятие проектного города. Исходя из городской практики, в социологической классификации «проектный город» может быть представлен и изучен как самостоятельный тип городов наряду с уже общепринятыми.

С позиции социологии управления «проектный город» можно определить как социальное пространство размещения («площадку присутствия») ключевого объекта масштабного государственного проекта. Под масштабным мы понимаем такой государственный проект, целью которого является качественное изменение той или иной национальной научной или производственной отрасли, изменение роли или позиции государства на мировой арене, решение глобального вызова, защиту или возвращение утраченного суверенитета.

Портрет г. Иннополиса. Г. Иннополис является спутником г. Казани и располагается на расстоянии 40 км от него. На сегодняшний день этот город имеет статус наукограда, наряду с гг. Сколково и Кольцово (Новосибирская область). Здесь важно отметить, что размеры, емкость социальной инфраструктуры, функциональный профиль, условия для «резидентов» и пр. заложены еще на стадии планирования.

Так, по данным Википедии, в 2010 году проект с рабочим названием «ИТ-деревня» предполагал строительство населённого пункта с офисными зданиями, жилыми домами, спортивной, рекреационной и образовательной инфраструктурой, рассматривался как опыт создания крупнейшего в Восточной Европе технопарка в сфере высоких технологий¹.

Разработка мастер-плана (генплана) осуществлена RSP Architects Planners & Engineers

(Сингапур). Состав проектной группы определили Министерство земельных и имущественных отношений Республики Татарстан, а также ОАО «Центральный депозитарий Республики Татарстан» и ООО «Управляющая Компания «ПромИнвест». Озвучена также «расчетная» емкость города – 150 тыс. жителей, из которых по плану субъекта управления 60 тыс. являются ИТ-специалистами высокой квалификации.

Кроме того, легко увидеть наличие стадий проектной реализации г. Иннополиса. «Проект реализуется в несколько стадий. На первой (в 2012–2015 гг.) планируется создание инфраструктуры на 10 тыс. рабочих мест для ИТ-специалистов и около 15 тыс. рабочих мест в сфере обслуживания инфраструктуры нового города. Для них будут построены технопарки, жилые дома, предполагается создание университета совместно с институтом Carnegie Mellon (США)»².

На сегодняшний день, по данным официального сайта города, в г. Иннополисе по факту проживает почти 4 тыс. человек³. По заявлению ТАСС, «численность дневного населения города Иннополис за 2020 год по сравнению с показателем 2019 года выросла на 17,6 %, до 5,2 тыс. человек. Из них 3,7 тыс. человек проживают в Иннополисе постоянно»⁴.

Г. Иннополис, по мнению автора, является по своей сути проектным городом, поскольку соответствует выделяемым нами на основе анализа ЗАТО признакам [16].

К числу таковых можно отнести следующие.

1. Наличие комплексной проектной разработки создания и развития города, начиная от выбора места постройки, заканчивая программой реализации в рамках основного проекта, реализованного в детально проработанных планах: градостроительном, социально-инфраструктурном, демографическом (кадровом) и иных. «Проектировщик» г. Иннополиса – RSP Architects Planners & Engineers.

2. Выраженная формализация и программирование процесса создания и развития проект-

² Создана управляющая компания для руководства проектом города-спутника Казани – «Иннополис» // Бизнес-газета от 24.07.12 <https://www.business-gazeta.ru/news/65167> (дата обращения: 04.01.2022).

³ О городе. Информационная справка // Официальный сайт г. Иннополис // URL: <http://innopolis.ru/city/> (дата обращения: 04.01.2022).

⁴ Дневное население Иннополиса за 2020 год выросло на 17,6 % и превысило 5,2 тыс. человек // ТАСС. 2020. 10 марта. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10866231> (дата обращения: 04.01.2022).

¹ Иннополис // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Иннополис> (дата обращения: 13.10.2021).

ной структуры, наличие стадий/этапов реализации города как проекта. Город возводится либо по районам, либо «от ядра» (для г. Иннополиса таким ядром является Университет), либо формируются 1-а, 2-ая и т.п. очередь «ввода в эксплуатацию, сдачи».

3. Связанность проектного города с основным проектом, так как город является площадкой проектного присутствия объекта (научно-производственного, военно-стратегического, исследовательского, иного) и персонала. Для г. Иннополиса – наукограды, особые экономические зоны.

4. Особый режим функционирования, поскольку чаще всего деятельность проектного объекта связана с реализацией масштабной (прорывной) государственной задачи и охраняется, является государственной тайной и пр. Система досмотра и охраны в г. Иннополис.

5. Наличие особого ценностного ядра, которое обеспечивает ту или иную степень сплочённости, вовлеченности, мотивированности населения-персонала, напрямую или косвенно обслуживающего проектный объект на площадке присутствия. Такого рода ценностный комплекс имеет корпоративный характер формирования ценностных ориентаций и социальных взаимоотношений и потому был назван нами корпоративностью. Характер отношений управления, в ходе которых формируется особая (корпоративная) модель управления локальным социумом, определяется корпоративным. Ценностное ядро г. Иннополис формируется в контексте общей парадигмы неотвратимости технического прогресса, развития инноваций в XXI веке, если говорить более предметно, то оно концептуализируется через необходимость обеспечения прорывного развития российской IT-сферы и инновационных технологий.

6. Высокий интеллектуальный и профессиональный уровень основной массы населения, занятых на проектом объекте, в организациях, обеспечивающих необходимый уровень развития инфраструктуры и сферы услуг. Например, в СССР состав населения ЗАТО «комплектовался» централизованно и планомерно из состава лучших выпускников и специалистов различных отраслей науки и народного хозяйства, собранных со всей страны. Отсутствие «случайных людей» на объекте обеспечивалось органами госбезопасности. В г. Иннополисе состав населения также формируется в процессе кадрово-

го обеспечения основных игроков IT-рынка города. Уже сейчас на несколько тысяч жителей города в городе присутствуют более 100 IT-компаний, «укомплектованных» высококлассными и узкоспециализированными специалистами сферы информационных технологий.

7. Наличие социальных инструментов для поддержания ценностного ядра на минимальном уровне обеспечения и воспроизводства, иначе проектная эффективность может быть поставлена под вопрос. Мотивация персонала-жителей должна подпитываться наличием карьерных перспектив развития в рамках проектного города (образование, трудоустройство, возможность обеспеченности жизненными благами). В г. Иннополисе ценностное ядро вовлеченности не так сильно связано с конкретным государственным проектом. Однако, как показывает анализ высказываний жителей, они вовлечены идеей инновационного развития в нашей стране, формируют собой общность интересов в данном направлении, заинтересованы участвовать в жизни Иннополиса как некоем позитивном высокотехнологичном социальном эксперименте (городе будущего из фантастических книг и фильмов) и пр.

Особенности социальной среды города и локальная идентичность его жителей в зеркале мнений. В общественном мнении активно формируется городской образ Иннополиса. В качестве примера можно привести публичные высказывания мэра Р. Шагалеева: «У нас 90 % населения занято той работой, которая привычна большому городу. Поэтому мы все-таки город»⁵.

Таким образом, складывается особого рода городская идентичность, в рамках которой формируется фундамент ценностного ядра вовлеченности («город айтишников», «город для айтишников»). По словам одного из жителей, «среднестатистический житель города (г. Иннополиса) – это либо одинокий айтишник, либо айтишник с женой в декрете»⁶. Подобный характер создания города детерминирует наличие

⁵ «Город будущего возводился строителями настоящего. Есть проблемы...». Интервью с мэром г. Иннополис // Бизнес-газета. 2018. 31 июля. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/390425> (дата обращения: 04.01.2022).

⁶ Здесь и далее курсивом выделены цитаты из следующих источников: 1) Переезд в Иннополис // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/post/505932>; 2) Иннополис глазами жителя Москвы // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/company/infowatch/blog/344610> (дата обращения: 04.01.2022).

сплоченности населения, интенсивность и близость коммуникации, отсутствие разобщения.

Сильные и слабые стороны; преимущества и проблемные зоны по итогам анализа комментариев жителей, которые взяты нами с профильных форумов, блогов.

Социальная инфраструктура г. Иннополиса в расчете на душу населения развита на порядок лучше, чем в любом среднестатистическом российском малом и среднем городе. Однако по сравнению с крупными российскими мегаполисами (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск и пр.), если брать в общем, а не в расчете на душу населения, Иннополис все же проигрывает (отсутствие полноценной торгово-развлекательной инфраструктуры, собственной полноценной медицинской сферы и пр.): *«В Иннополис, уверен, отлично отправиться молодежи из соседних городов (Казань, Чебоксары, Йошка (Йошкар-Ола) та же, ехать далеко и из крупных – не факт что стоит... не думаю, что Иннополис – хорошее место для семей».*

Иннополис способен привлечь в основном специалистов из небольших городов (низкий уровень статусных предпочтений и зарплатных ожиданий), которые находятся на старте карьеры. Город не способен предложить сопоставимый с мегаполисом уровень инфраструктуры: *«Если вы – житель большого города и привыкли к его инфраструктуре, то не стоит переезжать в Иннополис. Неплохие зарплаты, но гораздо ниже, чем в Москве или в Питере».*

В сравнении с зарубежными наукоградами и мегаполисами Европы (городами Германии, Польши, Франции, Чехии) Иннополис не выдерживает конкуренции по уровню инфраструктуры и социальных показателей: *«Я достаточно давно слежу за Иннополисом, он действительно хорош по российским меркам, но в мировом масштабе это далеко не топ».*

Сильными сторонами Иннополиса являются:

- защищенность, отсутствие перенаселения и стрессов, характерных для большого города: *«В здании Технопарка работает пропускная система и осуществляется досмотр вещей через сканер. Такая система установлена во многих зданиях города: в Технопарке, Университете Иннополис, студенческих кампусах, спорткомплексе, школе, садиках».*

- качественно иной уровень развития социальной инфраструктуры для малого города (сей-

час проживает 5 тыс. жителей, проектная емкость – до 150 тыс. жителей). Данная особенность делает г. Иннополис похожим на советские ЗАТО периода своего расцвета. Небольшое, компактное, тихое, защищенное (режимное) поселение с уровнем развития инфраструктуры, по возможности приближенное к крупным городам. Иннополис, как и ЗАТО, особенно привлекателен для молодых и перспективных кадров высокой квалификации – на старте своей карьеры, с максимумом мобильности и профессиональной активности: *«Большинство приезжих – как раз молодые семьи. Тут (в Иннополисе) хороший садик, спорткомплекс, многие дружат семьями, ходят в гости. Очень много детей»*, *«Иннополис – хороший вариант для старта».*

- экология, отсутствие загрязнений, компактность, отсутствие перенаселения (нет производств, мало автомобилей, строительство осуществляется планомерно и районированно, инженерные сети не перегружены и не изношены, что характерно для большинства российских городов): *«Основной плюс по сравнению с большим городом – экология, но в отличие от загородного жилья вся базовая инфраструктура будет в шаговой доступности».*

- высокая степень комфорта проживания, которая связана с тем, что Иннополис построен в соответствии с современными нормами и стандартами градостроительства и не нуждается в перестройке, реновации и пр., как это принято в большинстве крупных российских городов: *«Администрация и жилье, а также чистота – да, на высоте».*

- достаточно высокий относительно иных городов РФ уровень социальной сплоченности населения и контакта с органами государственной власти и местного самоуправления, с управляющей компанией и с другими операторами социальных услуг: *«Такое ощущение, будто живешь в хорошем загородном пансионате в экологически чистом месте, а соседи – друзья и единомышленники. Здесь прямо в чате, в котором находятся жители дома, можно написать: «Ребята, у кого есть анальгин, масло, дрель?» – да все, что угодно, и тебе скажут зайти в какую-либо квартиру и взять это».*

При этом коммуникация организована на современном уровне с использованием актуальных возможностей популярных мессендже-

ров и социальных сетей: «Обратила внимание, что в Иннополисе очень многие вопросы горожан решаются местными властями и различными службами в Telegram-чатах».

Подобный уровень развития сплоченности во многом обусловлен гомогенностью социально-профессиональной среды г. Иннополиса (как и в ЗАТО): «Жители города – это студенты и сотрудники Университета, специалисты компаний-резидентов, мэрия, сотрудники спорт-комплекса и персонал компаний, обеспечивающих порядок в городе».

■ ДИСКУССИЯ И ВЫВОДЫ

С методологической точки зрения существующую социологическую типологию городов необходимо дополнить «проектным» городом как отдельным видом. Проектный город подразумевает ряд типовых критериев выделения его среди остальных типов городов: характер создания и наличие четких этапов развития, наличие специфически организованной социальной среды города, а также ценностного ядра вовлеченности в той или иной степени его активности (зависит от этапа развития). Важность выделения «проектных» городов связана, во-первых, их значительным количеством в современной России (ЗАТО, наукограды, северные города, иные проектные начинания типа Электрограда и пр.) и необходимостью выработки специального методологического подхода к пониманию логики и направлений развития в целях результативного социального управления. Во-вторых, с научной точки зрения, проблематика проектного города является междисциплинарной и способна обобщить целый ряд фактов, явлений и процессов на стыке социологии, социологии управления, социологии города, урбанистики, экономики, менеджмента. В-третьих, в настоящее время возрастает актуальность выработки особой методологии изучения и управления «проектным» городом, поскольку перед страной поставлен целый ряд глобальных экономических, культурно-идеологических, геополитических, кадровых вызовов. Мы предлагаем актуализировать исследовательскую работу в данном направлении и начать формировать методологию социологического анализа «проектного» города, в частности, на примере г. Иннополиса, исследования его социальной среды и пр. И здесь анализ показал, что

комплексное подключение г. Иннополиса, по примеру атомных ЗАТО, к реализации масштабной государственной задачи существенно усилило бы мотивацию его жителей на реализацию поставленной цели, сплотило вокруг нее, дополнило бы мотивацию нематериальными ценностями. Актуальной задачей в контексте беспрецедентных санкций и обострения внешней напряженности вокруг РФ является обретение экономической целостности, импортозамещение, выстраивание новых технологических цепочек (например, налаживание производства компонентов микроэлектроники, размещение баз данных на территории РФ, создание отечественных программных комплексов, операционных систем и пр.).

На сегодняшний день мотивация жителей г. Иннополиса чаще всего статусно-меркантильная: заработная плата, отдых, блага цивилизации, высокое положение в обществе. Кроме того, жители г. Иннополиса фактически продают городу свои услуги, а не участвуют в масштабном государственном проекте. И в этом заключается основное противоречие, социальная проблема. Для её решения необходимо дополнить господствующий в ценностном ядре г. Иннополисом принцип рыночной конкуренции принципом корпоративности. Ощущение сопричастности существенно повышает включенность населения в реализацию масштабной проектной цели. Рыночный характер далеко не всегда помогает реализации масштабного государственного проекта. В случае с г. Иннополисом, такой масштабной целью могло бы быть обеспечение развития России как государства – мирового лидера, способного самостоятельно задавать технологические и геополитические, цивилизационные тренды, создавать и развивать собственные конкурентоспособные наукоемкие производства и пр. Здесь, как нам кажется, помимо идеи создания свободного рынка необходимо развивать здоровый патриотизм. Хотя свободный рынок не противоречит патриотизму, последний в Иннополисе развит недостаточно для создания ценностного ядра, отвечающего поставленным задачам. Жители в таком случае не будут оценивать г. Иннополис только со стороны, как одну из возможных альтернатив собственного развития, а ощущать свою причастность к проекту и стараться сделать его лучше. То есть в случае г. Иннополиса

(по примеру г. Новоуральска как типичного города Атомного проекта) необходимо сменить парадигму социального потребления на парадигму корпоративного государственного строительства и соучастия в масштабном государственном проекте на благо всего общества. Личностное развитие должно осуществляться в рамках этого важного дела и соучастия в нем, формирования коллективности. Необходимо не допустить атомизации населения как г. Инополиса, так и иных проектных городов.

С учетом опыта ЗАТО необходимо предусмотреть возможности постпроектного развития. Значит, необходимо уже сейчас закладывать возможности диверсификации, обеспечить городу гибкость в новых изменившихся условиях. Как показывает практика, односторонние проекты типа атомного ЗАТО оказались не готовы к качественным изменениям среды. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Сухова О. А.** «Зона» советской повседневности: «закрытый» город как объект социальной инженерии (на примере ЗАТО Заречный Пензенской области) // *Казанский педагогический журнал*. 2015. № 5-1 (112). С. 208-212. EDN **UNEXYZ**.
2. **Рябцун О. А.** Управление эффективностью реструктуризации непрофильных подразделений предприятий ГК «Росатом» в закрытых городах : автореф. дис. ... кандидата экономических наук : 08.00.05 / Рябцун Ольга Алексеевна ; Национальный исследовательский ядерный университет. Москва, 2013. 27 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/rsl01005050245>.
3. **Сергеева Н. В.** Проблемы и перспективы социально-экономического развития городов присутствия и ЗАТО корпорации «Росатом» // *Тенденции и перспективы государственного управления социально-экономическим развитием регионов и территорий* : Материалы 2-й Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 17 ноября 2017 г.) / под ред. Л. Н. Косовой. Москва : Российский государственный университет правосудия, 2018. С. 141-150. EDN **YXWHID**.
4. **Зерчанинова Т. Е., Костин В. А., Ростовцев С. А.** Социальное проектирование организации: методология и практика : монография. Екатеринбург : УрАГС, 2009. 155 с. EDN **QOKJSR**.
5. **Костин В. А.** Онтологические законы как свойства социальной деятельности : монография. Екатеринбург : УрИ РАНХИГС, 2012. 135 с. EDN **QXEVRD**.
6. **Дуран Т. В., Костин В. А.** Информационно-управленческая концепция социальных институтов // *Социология*. 2010. № 2. С. 17-36. EDN **NCHPTN**.
7. **Зворовский Г. Е.** Общностный подход как методология социологического исследования // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2016. № 1 (41). С. 71-79. EDN **VYURNJ**.
8. **Шульгина Т. А.** Современные подходы реализации теории социального обмена // *Коллекция гуманитарных исследований*. 2022. № 1 (30). С. 6-11. EDN **CZQQGS**.
9. **Полухина Е. В., Ваньке А. В.** Идентичность заводского рабочего в постсоветском контексте: этнографическое кейс-стади района Уралмаш // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. Т. 17, № 2. С. 237-252. EDN **QXQNPL**.
10. **Фадеев А. В.** ЗАТО как колыбель зарождения новых наукоёмких отраслей ОПК (на примере ЗАТО Саров) // *Социально-экономические и технические проблемы оборонно-промышленного комплекса России: история, реальность, инновации* : Сборник статей по материалам VIII Всероссийской научно-практической конференции (Арзамас, 12-13 апреля 2022 г.) / под ред. Е. Г. Моисеевой. Нижний Новгород : Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2022. С. 41-46. EDN **BQDKJB**.
11. **Фесенко Д. Е.** Проект «Русский ковчег» как стартовая точка Возрождения расселения в России // *Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института*. 2021. № 2. С. 5-12. EDN **WGVJQY**.
12. **Карачков С. М.** Корпоративная модель социального управления закрытым «атомным» городом : автореф. дис. ... кандидата социологических наук : 22.00.08 / Карачков Сергей Михайлович ; Московский педагогический государственный университет. Москва, 2014. 26 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/rsl01005552772>.
13. **Живаев С. М.** Особенности ведомственного управления в закрытых городах России //

Современный город: власть, управление, экономика. 2020. Т. 1. С. 379-389. EDN NNRKYF.

14. ЗВЕРЕВ А. И., КАРАЧКОВ С. М. Атомный ЗАТО как особый тип моногорода: перспективы и проблемы развития // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2021. Т. 21, № 2. С. 156-161. EDN MNIIDP.

15. ШУВ М. А., ЗАГУЛЯЕВА З. А. Семиотическая среда закрытого атомного города как маркер локальной идентичности // *Вестник культуры и искусств*. 2022. № 1 (69). С. 48-53. EDN WVVEUN.

16. ЗВЕРЕВ А. И. Особенности закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) в контексте социологии города // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*. 2022. Т. 8, № 1 (74). С. 3-9. EDN VKOFBU.

17. ИЛЬЧЕНКО М. С., ПЕТРОВА А. Е., ПРОНИН А. А. Проект «Уралмаш»: культурное будущее [пост]индустриальных городов // *Известия высших учеб-*

ных заведений. Уральский регион. 2017. № 2. С. 141-143. EDN ZPDBUF.

18. НИКОЛАЕВ В. Г. Хоманс Дж. К. Социальное поведение: его элементарные формы (главы из книги) (перевод) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*. 2001. № 2. С. 88-132. EDN BAZJIB.

19. ЗВЕРЕВ А. И. Проектирование развития ЗАТО на основе эмпирического анализа социальной идентичности // *Вопросы управления*. 2022. № 4 (77). С. 75-87. EDN ZUWLWU.

20. БЕЛОПОЛЬСКАЯ С. В. Повседневная жизнь в закрытых городах СССР в 1940-х гг. На примере города Челябинск-40, т.н. «сороковки» // *Международный студенческий научный вестник*. 2021. № 1. С. 65. EDN PYATSH.

21. ПИРС Н. «Развитие вместо роста»: задумываясь о пределах расширения американских городов // *Эра городов*. 1998. С. 24-25. EDN ESDDIL.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Зверев Алексей Игоревич – кандидат социологических наук, доцент; Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); zvereff@ya.ru. AuthorID РИНЦ: 828235, ORCID: 0000-0001-5586-6985.

Статья получена: 20.12.2022. Заключение рецензента: 08.02.2023. Принята к печати: 08.02.2023.

DEVELOPING THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS METHODOLOGY OF THE "PROJECT" CITY (USING THE SOCIAL ENVIRONMENT RESEARCH OF THE CITY OF INNOPOLIS AS AN EXAMPLE)

Zverev A. I.^a

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

Introduction. The article is devoted to the attempt to identify a new type of sociological classification of cities - project cities (using the experience of designing a science city as an example). Innopolis (the Republic of Tatarstan), as the site for the Russian science cities project, is justified to have a number of features typical for project cities.

Methodology. The author's approach to sociological analysis of the "project" city was used as a research methodology. G. Homans' theory of social exchange, V. Kostin's theory of social design, G. Zborovsky's theory of community interactions, the author's concepts of the "project" city development stages and of the value core of involvement form the basis of the "project" city concept.

Research results. In the sociological classification, a "project city" can be presented and studied as an independent type of the city. From the point of view of sociology of management, a "project" city can be defined as social space ("site of presence") to locate the key object of a large-scale national project. A large-scale project is understood as a national project aimed at a high-quality change of a particular national scientific or industrial sector, a change in the role or position of the state in the world arena, a global challenge solution, protection or restoration of lost sovereignty. Innopolis is a satellite city of Kazan, which is located 40 km away from it. Currently, the city has the status of a science city, along with Skolkovo and Koltsovo (Novosibirsk region). Innopolis has all the features of a project city: the presence of a comprehensive design development for the city creation and development; the presence of stages / phases of developing the city as a project; special operation mode; the presence of a special value core; high intellectual and professional level of the bulk of the population. Innopolis' strengths are security, absence of overpopulation and stresses typical for a big city, fundamentally different for a small city level of social infrastructure development, ecology, no pollution or overpopulation, compactness, a high degree of living comfort, a high level of social cohesion of the population and contact with public authorities.

Discussion and conclusions. As a conclusion, the author presents a number of ideas on the development prospects of Innopolis, as one of the project cities in Russia. Comprehensive involvement of the city of Innopolis, following the example of nuclear closed administrative-territorial units, into a large-scale national task would significantly increase the motivation of its residents to achieve the goal, rally round it, and supplement motivation with intangible values. Presently, Innopolis' residents' motivation is most often status-mercantile: wages, rest, benefits of civilization, high position in society..

KEYWORDS: science city, Innopolis, designing, urban social environment, project city, project approach, closed administrative-territorial unit.

FOR CITATION: Zverev, A. I. (2023). Developing the sociological analysis methodology of the "project" city (using the social environment research of the city of Innopolis as an example). *Management Issues*, 17(1), 33-44. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-1-33-44>.

REFERENCES

1. SUHOVA, O. A. (2015). "Zone" of Soviet everyday life: "closed" cities as object of social engineering (on the example of ZATO Zarechny of the Penza region). *Kazan Pedagogical Journal*, (5-1), 208-212. <https://elibrary.ru/unexyz>.
2. RYABTSUN, O. A. (2013). Efficiency management of restructuring of non-core divisions of Rosatom State Corporation enterprises in closed cities (Publication No. 01005050245) [Abstract of Ph.D. thesis, National Research Nuclear University]. Russian State Library. <https://viewer.rsl.ru/rsl01005050245>.
3. SERGEEVA, N. V. (2018). Problems and prospects of socio-economic development of the cities of presence and ZATOs of Rosatom corporation. In L. N. Kosova (Ed.), *Trends and prospects of state management of socio-economic development of regions and territories* (pp. 141-150). Russian State University of Justice. <https://elibrary.ru/yxwhid>.
4. ZERCHANINOVA, T. E., KOSTIN, V. A., & ROSTOVTSSEV, S. A. (2009). *Social design of the organization: methodology and practice*. Ural Academy of Public Administration. <https://elibrary.ru/qokjsr>.
5. KOSTIN, V. A. (2012). *Ontological laws as properties of social activity*. Ural Institute of Management – branch of RANEPa. <https://elibrary.ru/qxebrd>.
6. DURAN, T. V., & KOSTIN, V. A. (2010). The information-administrative concept of the social institutes. *Sociology*, (2), 17-36. <https://elibrary.ru/nchptn>.
7. ZBOROVSKY, G. E. (2016). Community approach as a methodology for social research. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, (1), 71-79. <https://elibrary.ru/vyurnj>.
8. SHULGINA, T. A. (2022). Modern approaches to the implementation of the theory of social exchange. *The Collection of Humanitarian Studies*, (1), 6-11. [https://doi.org/10.21626/j-chr/2022-1\(30\)/1](https://doi.org/10.21626/j-chr/2022-1(30)/1).
9. POLUKHINA, E. V., & VANKE, A. V. (2019). The identity of the industrial worker in a post-soviet context: an ethnographic case study of the Uralmash district. *The Journal Of Social Policy Studies*, 17(2), 237-252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-237-252>.

10. FADEEV, A. V. (2022). ZATO as a cradle for the emergence of new science-intensive defense industries (on the example of Sarov ZATO). In E. G. Moiseeva (Ed.), *Socio-economic and technical problems of the Russian military-industrial complex: history, reality, innovations* (pp. 41-46). <https://elibrary.ru/bqdkjb>.
11. FESENKO, D. E. (2021). The project "Russkij Kovcheg" as the starting point of resettlement revival in Russia. *Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute*, (2), 5-12. https://doi.org/10.52470/2619046X_2020_2_5.
12. KARACHKOV, S. M. (2014). Corporate model of social management of a closed "nuclear" city (Publication No. 01005552772) [Abstract of Ph.D. thesis, Moscow Pedagogical State University]. Russian State Library. <https://viewer.rsl.ru/rsl01005552772>.
13. ZHIVAIEV, S. M. (2020). Special features of departmental management in closed cities of Russia. *Modern City: Power, Management, Economy*, 1, 379-389. <https://doi.org/10.15593/65.049-66/2020.36>.
14. ZVEREV, A. I., & KARACHKOV, S. M. (2021). Atomic CATF as a special type of monotown: prospects and problems of development. *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 21(2), 156-161. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-156-161>.
15. SHUB, M. L., & ZAGULYAeva, Z. A. (2022). Semi-otic environment of a closed nuclear city as a marker of local identity. *Culture and Arts Herald*, (1), 48-53. <https://elibrary.ru/wvveun>.
16. ZVEREV, A. I. (2022). Features of closed cities (ZATO) in the context of city sociology. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*, 8(1), 3-9. <https://elibrary.ru/vkofbu>.
17. ILCHENKO, M. S., PETROVA, L. E., & PRONIN, A. A. (2017). The project "Uralsmash": cultural future of [post]industrial cities. *News of Higher Educational Institutions. Ural Region*, (2), 141-143. <https://elibrary.ru/zpdbuf>.
18. NIKOLAEV, V. G. (2001). Homans G. C. Social behavior: Its elementary forms (selected chapters). *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, (2), 88-132. <https://elibrary.ru/bazjib>.
19. ZVEREV, A. I. (2022). Designing the development of a closed administrative territorial entity (CATE) based on empirical analysis of social identity. *Management Issues*, (4), 75-87. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-4-75-87>.
20. BELOPOLSKAYA, S. V. (2021). Everyday life in the closed cities of the USSR in the 1940s on the example of the city of Chelyabinsk-40. *International Student Scientific Bulletin*, (1), Article 65. <https://elibrary.ru/pyatsh>.
21. PIRS, N. (1998). "Development instead of growth": thinking about the limits of American urban expansion. *Era of Cities*, 24-25. <https://elibrary.ru/esddil>.

AUTHORS' INFORMATION:

Aleksey I. Zverev – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); zverefff@ya.ru. RSCI AuthorID: 828235, ORCID: 0000-0001-5586-6985.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Воронина А.И., Зайцева Е.В.^а

^а Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

Целью статьи является изучение направления реализации государственной стратегии финансовой грамотности пожилых людей в РФ и Свердловской области.

Методы. В основу методологии исследования, применяемой авторами статьи, взяты теории о социальном статусе, социальной роли, социальной общности. В действиях пожилых людей, их отношениях к финансовой грамотности и выборе способов повышения ее уровня проявляются характеристики таковой роли. Для подтверждения теоретических выводов применялся анализ статистических данных, вторичный анализ данных, полученных по результатам социологического исследования ($n = 5\,000$). Авторами также использовались результаты собственного репрезентативного опроса, были опрошены граждане пожилого возраста ($n = 417$), проживающих на территории Свердловской области.

Результаты и выводы. К экономическим характеристикам пожилых граждан относится финансовая грамотность, как совокупность читательской, математической и цифровой грамотности по таким предметным областям как деньги и операции с ними; планирование и управление личными финансами; риски и вознаграждения; финансовая среда. В РФ реализуется Стратегия повышения финансовой грамотности с участием органов государственной власти и местного самоуправления, банков и их ассоциаций, университетов, государственных и муниципальных учреждений. В рамках Стратегии создаются условия для повышения финансовой грамотности разных возрастных категорий, в том числе пожилых граждан. Для информирования пожилых граждан работает интернет-портал «Мои финансы», действуют центры финансовой грамотности. В регионах функционируют школы пожилого человека, университеты третьего возраста. Но несмотря на организационные усилия и затрачиваемые ресурсы, пока немногие пожилые граждане прослеживают зависимость между уровнями их финансовой грамотности и доходом. Продвинутый уровень финансовой грамотности, позволяющий получать дополнительный доход, формируется долго. В то же время многие пожилые россияне владеют только базовым уровнем финансовой грамотности, их вовлеченность в обучение минимальная. Для решения выявленных проблем авторы статьи предлагают конкретные рекомендации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: финансовая грамотность, стратегия, участники, направления, способы повышения грамотности.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Воронина А. И., Зайцева Е. В. Совершенствование реализации государственной стратегии финансовой грамотности пожилых людей: региональный аспект // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 1. С. 45-59. EDN NJKSLO.

■ ВВЕДЕНИЕ

Существуют разные подходы к определению понятия «статус пожилых граждан». Так, есть определение статуса в нормативно-правовых актах. Например, в Распоряжении Правительства РФ «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» к гражданам пожилого возраста отнесены следующие категории:

1) граждане с 60 до 64 лет – люди, достигшие пенсионного возраста, но еще достаточно экономически и социально активные, продолжающие осуществлять трудовую деятельность;

2) граждане с 65 лет до 80 лет – это, как правило, люди менее активные, в основном прекратившие активную трудовую деятельность, интенсивно пользующиеся медицинскими и социальными услугами;

3) граждане старше 80 лет – люди, имеющие множественные проблемы со здоровьем и зачастую нуждающиеся в уходе и помощи¹.

В концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года – «население старших возрастных групп», «пожилые люди». В Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года – «граждане старшего возраста». В Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года – «граждане (люди) старшего поколения». В государственной программе Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» – «граждане пожилого возраста». В материалах Росстата – «граждане пожилого возраста, население (лица) старше трудоспособного возраста».

Однозначно можно утверждать, что при принятии государственных решений и в текстах нормативно-правовых актов для определения статуса пожилых граждан применяют периодизацию возраста, установленную законодательством. Росстат исходит из нормы федерального законодательства, установившего предельный трудоспособный возраст, а далее анализирует численность граждан старшего поколения в возрасте от 60 лет и старше.

Изучение динамики численности граждан пожилого возраста в Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что с каждым годом происходит увеличение этой когорты. По данным среднего варианта прогноза Росстата, доля граждан старше трудоспособного возраста увеличится с 2018 года по 2025 год с 25,5 % до 27,4 % и составит 40,2 млн человек². Однако выводы, полученные по результатам изучения статистических данных, имеют ограниченное значение, так как не позволяют устанавливать зависимость между состоянием финансовой грамотности и влиянием факторов, например, возрастом, полом, потребностями.

В то же время в таких документах, как стратегии, государственные программы, национальные (региональные) проекты, используют результаты, полученные из различных источников: статистических, социологических. Так, в тексте Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года представлена периодизация лиц пожилого возраста в соответствии с Трудовым кодексом РФ: 60 лет – возраст выхода на пенсию для женщин и 65 лет – возраст выхода на пенсию, установленный для мужчин. Также разработчики Стратегии учли результаты исследований. Например, в тексте Стратегии отмечается, что пожилые граждане в возрасте с 60 до 64 лет достаточно активные, продолжающие осуществлять трудовую деятельность. В то же время граждане с 65 до 80 лет – это люди менее активные, многим из которых требуется медицинская помощь и социальные услуги. Пожилые граждане старше 80 лет – это люди менее активные, многим из которых требуется медицинская и социальная помощь.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Понятие «пожилые граждане» можно рассматривать, исходя из социологических позиций, используя теории социального статуса, социальной роли. Например, идеи Т. Парсонса в структуралистской теории о статусе как положении человека, которому общество предписывает соответствующие права и обязанности. В определенной мере сохраняет актуальность

¹ Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.02.2016 № 164-р. URL: <http://government.ru/docs/21692/> (дата обращения: 20.12.2022).

² Доклад о результатах комплексного мониторинга социально-экономического положения пожилых людей за 2018 г. // Официальный сайт Минтруда России. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/1340> (дата обращения: 18.05.2022).

идея классификации статусов: таковые могут быть прирождёнными в соответствии с национальностью, полом, расой. Или же статус может быть достижимым и зависеть от усилий, осуществляемых действий человека. По мнению Т. Парсонса, статус связан с социальной ролью, то есть поведением, которое окружающие ожидают от человека, обладающего определённым статусом. Роли разделяют по способам получения: приписанные и достигнутые. Роли и их реализация ограничены рамками или нормами: это могут быть формализованные, то есть установленные законами, правилами, требованиями, или неформализованные, например, сформировавшиеся как результат традиций. Разные виды ролей связаны с разными мотивами и соответственно с конкретными потребностями.

Сегодня социологи, развивая идеи Т. Парсонса и других исследователей, занимающихся проблематикой социальных статусов и ролей, развивают понятие «социальная общность». Так, Г. Е. Зборовский под социальной общностью понимает «один из основных типов социальной системы, выступающей в качестве реально существующей, эмпирически фиксируемой, относительно единой и самостоятельной совокупности (взаимосвязи) людей, объединённых по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям. Социальные общности характеризуются рядом образующих их признаков: относительной целостностью, осознанием людьми своей принадлежности к ним (идентификацией и самоидентификацией), схожими условиями жизни и деятельности, наличием определенных пространственно-временных полей бытия, реализацией функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов» [1, с. 10]. Теорию социальных общностей развивает П. А. Амбарова, однако признавая, что в современном российском обществе есть кризис социальной фрагментации [2]. При анализе проблемы акцент делается на фрагментации (и ее преодолении) в ядре общества – социальных общностях. Показано, что социологическая теория, рассматривающая феномен социальной фрагментации, в целом характеризуется апелляцией к общинному (групповому) уровню социальной реальности.

Пожилых граждан объединяют общие проблемы. Именно поэтому разработчики Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения, используя возрастную периодизацию, делают обобщения по наличию проблем, которые имеют граждане пожилого возраста, а именно:

- финансово-экономические проблемы;
- проблемы со здоровьем и медико-социальным обслуживанием;
- социально-психологические (в частности, ограниченное общение и одиночество);
- жилищно-бытовые;
- досуговые, обусловленные избытком свободного времени;
- консультативные, нуждаемость в помощи юриста, психолога.

На основании выявленных проблем предлагают способы их решения. При рассмотрении социологического понятия «социальный статус» учитываются типичные характеристики конкретных социальных групп, а также факторы, влияющие на таковые характеристики: возраст, уровень образования, география проживания, ценности и представления о чем-либо, а также экономические факторы (уровень доходов, источники доходов и т.д.).

Учитывая тематику настоящего исследования, основное внимание уделяется факторам, определяющим экономические характеристики статуса пожилых граждан: доход, его источники и структура, наличие банковских услуг. Так, Е. В. Чернышкова полагает, что доход является основой экономики пожилых людей и своеобразной гарантией их социального статуса. Владение собственностью и доходом является основой обеспечения независимости и безопасности пожилого человека [3, с. 176].

В статье для подтверждения теоретических выводов, изучения уровня и составляющих финансовой грамотности пожилых людей в Российской Федерации и Свердловской области нами применялся сбор и анализ статистических данных по таким показателям, как уровень дохода и его источники, структура расходов пожилых людей, а также использование разных способов повышения финансовой грамотности. Был применен вторичный анализ данных, полученных в результате социологического исследования – опроса пожилых граждан ($n = 5\,000$), проведенного на территории Свердловской об-

ласти в 2021 году³. Кроме того, использовались результаты собственного репрезентативного опроса, который был реализован во второй половине 2022 – начале 2023 годов, были опрошены граждане пожилого возраста от 60 лет и старше ($n = 417$), проживающие на территории Свердловской области.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

В сравнении с людьми трудоспособного возраста старшее поколение в России испытывает меньшую степень удовлетворения от уровня своих доходов, чем другие группы. Одна из причин – отсутствие такого источника дохода, как заработная плата, из-за трудовой незанятости. Так, Е. А. Фролова, В. А. Маланина, Е. И. Клемашева и другие соавторы полагают, что занятость для старшего поколения имеет критическую значимость, так как среди малоимущих граждан доля неработающих пенсионеров составляет 8,2 %, а работающих пенсионеров – 0,7 % [4, с. 271]. При этом средний размер дохода для неработающих пенсионеров сейчас составляет около 14 000 рублей, а доходы работающих пенсионеров отличаются в зависимости от квалификации, пола, возраста и отрасли.

По данным Росстата, самый высокий уровень дохода – в возрастной группе от 60 до 64 лет у специалистов высшего уровня квалификации: у мужчин – 63 815 руб., у женщин – 50 028 руб. В возрастной группе от 65 лет и старше у мужчин – 65 072 руб., у женщин – 51 560 руб. В группе неквалифицированных рабочих от 60 до 64 лет у мужчин – 22 806 руб., у женщин – 24 085 руб., в то же время в возрастной группе от 65 лет и старше у мужчин – 21 539 руб., у женщин – 22 737 рублей⁴.

В то же время по результатам исследования, проведенным СберНПФ⁵ (негосударственным пенсионным фондом), выявлено, что для ком-

Таблица 1 – Численность пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации, их официальный статус

Table 1 – Number of pensioners registered with the Pension Fund of the Russian Federation and their official status

Показатель	Год			
	2018	2019	2020	2021
Численность пенсионеров	43504	43865	43546	42977
из них получающие пенсии:				
по старости	36336	36710	36341	35747
по инвалидности	2107	2043	2088	2058
по случаю потери кормильца	1408	1403	1381	1382
пострадавшие в результате радиационных и техногенных катастроф и члены их семей	422	443	459	475
федеральные государственные гражданские служащие	74	77	78	78
социальные	3156	3188	3198	3236

Прим.: Численность пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 08.01.2022).

фортной жизни пожилым людям нужно иметь ежемесячный доход в 55,5 тыс. рублей⁶.

Следующий источник дохода пожилых граждан – это пенсия, размер которой во многом зависит от индивидуальных результатов трудовой карьеры гражданина и устанавливается государством с учетом различных жизненных ситуаций и статусов; их численность представлена в таблице 1.

Средний размер пенсии пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации, во многом зависит от статуса, например, в 2021 году пенсия по старости составляла 18 084,8 руб., для сравнения – социальная пенсия 10 195,2 руб.⁷

Но для представителей пожилого поколения источником доходов помимо пенсии и заработной платы могут быть накопления, получаемые от использования разных банковских услуг. Однако Г. В. Белехова, В. Н. Барсуков указывают на то, что только 19 % пенсионеров и предпенсионеров доверяют коммерческим банкам (по срав-

³ Проведено в 2021 году. Были опрошены граждане пожилого возраста ($n = 5\,000$), проживающих на территории Свердловской области, См.: Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Социально-экономическое положение граждан пожилого возраста в Свердловской области» // Организационно-методический центр социальной помощи.

⁴ Средняя начисленная заработная плата // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения 08.01.2022).

⁵ Серебряный стандарт: стоимость необходимых на пенсии благ россияне оценивают в 55 тыс. рублей в месяц // СберНПФ. URL: <https://npfsberbanka.ru/news/46266/> (дата обращения 08.01.2022).

⁶ Примечание: расчет сделан на основании средней стоимости вещей, продуктов, услуг, необходимых для удовлетворения потребностей пожилых граждан.

⁷ Старшее поколение: численность пенсионеров и средний размер назначенных пенсий по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров в Российской Федерации по состоянию на 1 января // Федеральное управление государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 08.01.2023).

нению с остальным населением, где доля доверяющих – 33 %) [5]. По данным нашего исследования (2023, $n = 412$), доход пенсионеров от инвестиций, сдачи жилья в аренду отсутствует у 89,9% опрошенных.

Так, специалисты Сбербанка в июне 2021 года проанализировали статистические данные некоторых финансовых компаний⁸ по использованию их клиентами – представителями различных поколений инвестиционных инструментов. Выделены следующие возрастные группы клиентов: граждане, родившиеся с 1946 по 1964 год, – пожилые; с 1965 по 1980 год – старшее поколение; с 1981 по 1996 год – средний возраст, с 1997 года и по настоящее время – молодежь.

Аналитики отметили, что в 2021 году представители всех возрастных групп увеличили размер вложений в разные виды доверительного управления на финансовом рынке:

- паевые инвестиционные фонды с готовыми стандартными стратегиями, которые управляющие предлагают клиентам;
- индивидуальные стратегии, разрабатываемые с учетом персональных предпочтений и особенностей инвесторов.

Количество инвесторов – граждан пенсионного возраста – увеличилось за год на 30 %; вложения выросли на 50 %, или на 124 млрд рублей⁹.

В то же время граждане пенсионного возраста оказались самыми прагматичными инвесторами – 75 % респондентов предпочитают покупать облигации, при этом 65 % используют индивидуальный инвестиционный счет с готовой стратегией, 13 % инвестируют в фондовый рынок через стратегии с защитой капитала и только 12 % вкладывают в акции, то есть рискуют. Примечательно, что в 2021 году граждане всех возрастных групп, включая пенсионеров, начали вкладывать средства в инвестиционное страхование жизни: средняя сумма заключённых договоров инвестиционного страхования жизни от «Сбербанк страхование жизни» выросла на 30 % – до 850 тыс. рублей¹⁰.

В. В. Подскребалина делает выводы о том, что состояние рынка банковских услуг в России за-

висит от доверия клиентов: значительная часть населения страны пользуется услугами ПАО «Сбербанк России» [6, с. 108]. Авторы статьи разделяют мнение о значимости этого фактора, но также полагают, что изменения в финансовом поведении представителей старших возрастных групп происходят под влиянием таких факторов, как здоровье и потребность в безопасности. Пенсионеры стали активно оформлять страхование жизни под влиянием перенесенного шока от последствий пандемии COVID-19. В то же время интенсивное оформление банковских карт, вкладов и счетов, потребительских кредитов и кредитных карт происходит, исходя из представления о безопасности самих услуг, ставшими традиционными за последние годы. Значительно меньшее количество пенсионеров обращается к брокерским услугам (инвестированию). Есть еще одно предположение, объясняющее, почему многие пожилые граждане пользуются традиционными банковскими услугами: они не хотят тратить свое время и энергию на освоение нового и считают, что образовательные услуги им не нужны [7, с. 132]. В противоположность пенсионерам клиенты молодого поколения активно осваивают новые для них банковские услуги, оформляют инвестиционное страхование жизни с использованием цифровых технологий, предлагаемых банками: это экономит время и приносит пользу.

Недостаточный уровень доходов пожилых граждан заставляет государство искать дополнительные способы, которые могут улучшить благосостояние этой и других возрастных категорий.

В 2017 году Правительством РФ утверждена Стратегия повышения финансовой грамотности населения в Российской Федерации на 2017–2023 годы. Задачи таковой Стратегии, конечно, шире, чем улучшение благосостояния граждан пожилого возраста, а именно:

- формирование финансового грамотного поведения граждан, включая повышение уровня финансовых знаний;
- обеспечение доступа к достоверной и надёжной информации о финансовых услугах;
- эффективная защита прав граждан как потребителей финансовых услуг.

Стратегия финансовой грамотности пожилых граждан по некоторым задачам связана с федеральным проектом «Старшее поколение» и Стратегией действий в интересах граждан стар-

⁸ «Управление благосостоянием» (СК «Сбербанк страхование жизни», НПФ Сбербанка, Сбер Управление Активами).

⁹ Зумеры стали инвестировать в 8 раз больше: Сбер изучил финансовые привычки представителей разных поколений // Сбербанк страхование жизни. URL: <https://www.insur-info.ru/pressr/77267> (дата обращения: 06.01.2023).

¹⁰ Там же.

шего поколения до 2025 года, где предусматривается повышение доходов граждан пожилого возраста с использованием разных способов, выбор которых зависит от потребностей и возможностей:

- увеличение доходов от трудовой деятельности (при условии, если люди добровольно выбирают продолжение трудовой деятельности);
- увеличение размера пособий и льгот;
- увеличение накоплений посредством использования банковских услуг и участия в инвестиционных проектах.

Значение финансовой грамотности однозначно признается исследователями. Так, Н. П. Сенченков полагает, что финансовая грамотность – это результат финансового обучения, выраженный в способности человека к рациональным действиям в экономической жизни для обеспечения собственного благополучия [8, с. 216]. По мнению М. Хромова и Е. Худько, наличие финансовых знаний позволяет потребителям финансовых услуг лучше осознавать свои обязанности, отстаивать свои права в рамках использования финансовой услуги, избегать схем финансового мошенничества и злоупотреблений [9, с. 35].

М. В. Синельников указывает, что на 2018 год в Европе реализовывало почти 200 программ по повышению финансовой грамотности населения [10, с. 79]. В нашей стране в реализацию Стратегии вовлечены различные субъекты (исполнительные органы государственной власти, финансовые институты (банки), образовательные учреждения, неправительственные, государственные организации), создающие условия для повышения финансовой грамотности населения.

Состав участников реализации Стратегии финансовой грамотности пожилых граждан в РФ представительный: это 13 государственных структур¹¹, организующих мероприятия по своим направлениям деятельности¹². Министерство финансов РФ – заказчик реализации Стратегии: взаимодействует с Правительством Российской Федерации, координирует мероприятия по по-

вышению уровня финансовой грамотности населения, продвигает концепцию формирования доверительной среды и обеспечения доступности финансовых услуг¹³. Еще один активный участник Стратегии – Центральный банк РФ, который уделяет повышенное внимание защите прав потребителей финансовых услуг и формированию в обществе основ финансового грамотного поведения. Укрепление доверия розничного потребителя и инвестора к финансовому рынку через усиление его защищенности, повышение финансовой грамотности и расширение доступности финансовых услуг обозначено в качестве цели политики по развитию финансового рынка, что влияет на вектор правотворчества и правоприменения Банка России [11, с. 229].

Центральный банк РФ проводит мониторинг исполнения финансовыми организациями рекомендаций Банка России в части доступности дистанционных каналов обслуживания, подразделений, оснащения банкоматов, повышения квалификации сотрудников. Также специалисты Центрального банка РФ оценивают трудности, возникающие при взаимодействии людей с инвалидностью, пожилых и других маломобильных групп населения с финансовыми организациями, выявляют и устраняют дискриминацию в финансовой сфере потребителей этих групп населения.

В негосударственном секторе наиболее активные участники повышения финансовой грамотности населения – коммерческие банки. Информационно-разъяснительную работу и разработку образовательных курсов осуществляют не только отделения крупных национальных кредитных учреждений¹⁴ [12, с. 80].

Активный участник процессов повышения финансовой грамотности населения – университеты. Так, партнерами проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в РФ», разработанного Министерством финансов РФ, стали Московский государствен-

¹¹ Федеральных исполнительных органов государственной власти РФ (Министерство науки и высшего образования РФ, Министерство труда и социальной защиты РФ, Федеральное агентство по делам молодежи и другие).

¹² О внесении изменений в приказ Центрального банка и Министерства финансов Российской Федерации от 04.09.2018 № ОД-2304/1797 : Приказ Центрального Банка Российской Федерации и Министерства финансов Российской Федерации от 16.12.2021 № ОД-2471/570. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/08/main/6_11_04_2022__142.pdf (дата обращения: 06.12.2022).

¹³ О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) (в ред. от 02.07.2021) : Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ.

¹⁴ ПАО «Сбербанк России», ПАО «Хоум Кредит», ПАО «Россельхозбанк», ПАО Банк «Возрождение», ПАО «Бинбанк», ПАО «БАНКУРАЛСИБ» и др.), но и региональные банки: например, в Краснодарском крае – ООО КБ «Кубань-Кредит», в Ростовской области – ПАО КБ «Центринвест», в Свердловской области – ПАО «СКБ-банк», сегодняя Синара-банк.

ный университет им. М. В. Ломоносова, Российская академия народного хозяйства и государственной службы и НИУ «ВШЭ», а также Фонд «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара» [13, с. 100]. Как правило, на базе государственных университетов созданы и действуют Центры финансовой грамотности. Существенным достижением в реализации Стратегии является разработка Единой рамки компетенций по финансовой грамотности в Российской Федерации и внедрение в практику обучающих организаций¹⁵. Разработчики предложили классификацию компетенций, а также степень владения ими и описание возможностей обладателей таковых компетенций. К первой категории «Осведомленность, знания и понимание» отнесены лица, обладающие базовой информацией, которую они могут воспроизвести самостоятельно или актуализировать путем несложного поиска. Соответственно таковые лица знают основы финансовой грамотности, понимают и имеют о них представление.

Ко второй категории «Умения, навыки и поведение» отнесены лица, обладающие компетенциями, которые позволяют лицам достичь положительных результатов, в том числе финансового благополучия. У этих лиц уже сформирована финансовая модель поведения, есть способность обращаться за советом и информацией в нужные организации, проверять полученную информацию, использовать ее и оценивать.

К третьей категории отнесены лица, у которых по результатам финансового обучения сложились устойчивые психологические механизмы и убеждения. Они могут принимать правильные решения и достигать финансового благополучия. Такие индивиды способны признавать, уважать существующие нормы и правила финансового поведения (путем накоплений, сбережений.), они стремятся получать конкретные банковские услуги, готовы применять конкретные финансовые инструменты. В регионах активно используют Единую рамку компетенций по финансовой грамотности при разработке образовательных программ и методических рекомендаций. Так, Н. Н. Калмыков и др. изучили региональный опыт и выявили основные

направления для повышения финансовой грамотности взрослого населения:

- подготовка тьюторов, в том числе из волонтеров;
- разработка и внедрение образовательных программ по финансовой грамотности для разных групп населения (школьников, воспитанников детских домов, студентов колледжей; бакалавров и магистрантов вузов, пожилых граждан);
- разработка методических материалов для обучения граждан старшего поколения, направленных на решение проблем, обусловленных недостаточным уровнем финансовой грамотности («Здоровый бюджет», «Уверенные накопления», «Посильная задолженность», «Надежная защита») [14, с. 19].

Мы разделяем мнение Н. Н. Калмыкова и его соавторов в том, что наиболее часто используемые способы финансовой грамотности – это занятия в школах пожилого человека, созданных на базе комплексных центров социального обслуживания населения во всех субъектах РФ. Заметим, что в таковые школы стали реальным элементом системы социального обслуживания, а занятия на их базе – эффективной формой просвещения пожилых граждан [15, с. 207]. На занятиях школ рассматриваются различные аспекты финансовой грамотности, но, как правило, на базовом уровне. При этом тематика занятий соответствует рекомендациям. Например, в школах третьего возраста в Калининградской области в содержание программы входят такие рекомендованные модули, как «Личное финансовое планирование», «Банковские услуги», «Общественные финансы» [16, с. 66]. Аналогичная тематика реализуется для пенсионеров Ханты-Мансийского автономного округа, благодаря работе, проведенной преподавателями Университета третьего возраста: в программы повышения финансовой грамотности граждан старшего поколения, входят пять направлений¹⁶. Также для слушателей проводятся тре-

¹⁵ Пояснительный комментарий к Единой рамке компетенций по финансовой грамотности в Российской Федерации // Мои финансы. URL: <https://app-dev.моифинансы.рф/storage/18932/metodpoyasnenie-k-edinoi-ramke.pdf> (дата обращения: 22.12.2022).

¹⁶ Университет третьего возраста: Бюджетирование: «Мудро пользуйтесь деньгами!», Сбережения и ведение бизнеса: «Вы это можете!», Обслуживание долга: «Будьте осторожны!», Банковские услуги: «Знайте все варианты!», Финансовые переговоры: «Общайтесь уверенно!»: программы обучения граждан старшего поколения // Программа повышения финансовой грамотности граждан пожилого возраста и инвалидов в условиях социально-реабилитационного отделения «Финансовая азбука» БУ «Комплексный центр социального обслуживания населения «Диалог», г. Нижневартовск. URL: http://кцснреалиос.рф/sites/default/files/utv_chast_1.pdf (дата обращения: 20.12.2022).

нинги, как часть программ обучения на базе университетов третьего возраста, но которых явно недостаточно [17, с. 364]. Хотя именно тренинги, проводимые для достижения результатов финансовой грамотности, наиболее отвечают педагогическим и психологическим особенностям обучения взрослых людей [18, с. 49].

Для просветительских мероприятий в рамках Стратегии финансовой грамотности привлекаются специалисты ПАО «Сбербанк», ПАО «Открытие», государственные и негосударственные пенсионные фонды, Центры занятости населения. При участии Центрального Банка России создан портал «Финансовая культура» с целью обучения населения финансовой культуре и финансового просвещения. Также осуществляется обучение тьютеров по тематике финансового просвещения: все желающие бесплатно проходят теоретическое обучение и тестирование, получают навыки публичных выступлений. ПАО «Сбербанк» поддерживает информационно-образовательный интернет-ресурс «Финансы просто», спонсирует проведение Всероссийских недель финансовой грамотности, сотрудники банка проводят просветительские мероприятия в школах и вузах многих регионов. Заслуживает одобрения масштабная работа по объединению на едином ресурсе Моифинансы.рф. всех методических материалов по финансовой грамотности, с 2017 г. разработанных Министерством финансов РФ. Министерство финансов РФ регулярно осуществляет информирование граждан по проблематике финансовой грамотности в формате новостных публикаций на своем официальном сайте (разделы «Новости» и «Стратегия финансовой грамотности»). Действуют региональные порталы по финансовой грамотности. По всей стране более чем в 20 тысяч точек постоянно размещается социальная реклама на финансовые темы: на билбордах, ситибордах, плакатах, в формате видеороликов в аэропортах, поездах дальнего следования, метро, МФЦ, почтовых отделениях и других организациях, оказывающих услуги гражданам. Для оценки уровня финансовой грамотности населения Российской Федерации и результативности реализации Стратегии по заказу Банка России систематически проводятся замеры уровня финансовых знаний, финансового поведения и финансовых установок россиян. Индекс финансовой

грамотности россиян медленно, но растет: в 2020 году таковой составил 54 пункта по сравнению с 2018 г. (53 пункта)¹⁷.

Как же сами россияне определяют финансовую грамотность и оценивают свой уровень этого вида грамотности? Сбербанком проведено исследование в августе 2022 года в 37 российских городах с населением свыше 500 тыс. человек с использованием метода телефонного опроса граждан. По результатам такого опроса выяснено, что финансовая грамотность для большей части россиян – это, прежде всего, умение распознавать финансовые мошенничества, грамотно вести семейный бюджет, понимать, как работает финансовый рынок, а также уметь копить. Финансово грамотными себя считают 47 % респондентов, а 39 % жителей страны хотели бы повысить уровень своих знаний. Примечательно, что только 41 % россиян считает, что уровень финансовой грамотности сказывается на доходе. В основном такого мнения придерживаются люди в таких возрастных группах, как 18–30 лет (92 %), 31–40 лет (69 %), 41–50 лет (23 % респондентов). В группе респондентов от 51 до 60 лет только 12 % прослеживает зависимость между уровнем финансовой грамотности и доходом¹⁸. На актуализацию действий в экономическом поведении людей действуют разные факторы, в том числе самооценка чего-либо, включая собственное материальное положение. Эту связь выявили И. П. Потехина и Д. В. Чижов. Собственное материальное положение пожилыми людьми оценивается достаточно высоко: 4 % оценили его как очень хорошее, 61 % – скорее, как хорошее, 22 % – скорее, как плохое, 4 % – как очень плохое, еще 9 % затруднились ответить на данный вопрос. Лучшее всего его оценивают работающие респонденты (75–76 % из них оценили его как хорошее), а также представители самой старшей возрастной группы (80+), что, по-видимому, связано как с наличием дополнительных льгот и компенсаций, так и с относительно невысокими потребностями [19, с. 6]. По данным

¹⁷ Доклад о реализации Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы (по итогам 2021 года). URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=136804doklad_o_ryealizatsii_strategii_povysheniya_finansovoi_gramotnosti_v_rossiiskoi_federatsii_na_2017-2023_gody_po_itogam_2021_goda (дата обращения: 06.12.2022).

¹⁸ Сбер выяснил, что значит для россиян финансовая грамотность // СБЕР НПФ. URL: <https://npfsberbanka.ru/news/47145/> (дата обращения: 09.01.2023).

Таблица 2 – Соотношение среднего размера назначенных пенсий со средним размером начисленной заработной платы (тыс. руб.)**Table 2** – Ratio of average size of assigned pensions to average size of accrued wages (thousand roubles)

Показатель	Год					
	2020	2017	2018	2019	2020	2021
Средний размер пенсий	27,1	40,9	39,4	37,7	38,1	35,6
в том числе:						
по старости	—	43,1	41,5	39,8	40,4	37,9
по инвалидности	—	27,4	26,2	25,1	25,3	23,7
по случаю потери кормильца (на каждого нетрудоспособного члена семьи)	—	27,9	27,2	26,1	26,4	25,1
социальные	—	27,1	25,4	23,6	23,9	21,6
федеральные государственные гражданские служащие	—	51,2	49,6	48,0	48,9	46,5
пострадавшие в результате радиационных и техногенных катастроф и члены их семей	—	43,2	40,9	38,2	38,7	35,3

Прим.: Данные рассчитаны на основе Методики расчетов основных показателей пенсионного обеспечения, утвержденной приказом Росстата от 23.06.2009 № 118. (за 2000 г. – на конец года; 2017–2021 гг. – на 1 января года, следующего за отчетным; в процентах).

нашего исследования, несмотря на то, что у 89,9 % пенсионеров отсутствует дополнительный доход от инвестиций, сдачи жилья в аренду, у 85,9 % нет дополнительных доходов от временной, сезонной занятости, у 81,1 % отсутствует такой источник дохода, как зарплата, однако при оценке своего материального положения 54,4 % считают, что у них средний уровень дохода, а 21,6 % – что высокий.

Чем отличаются финансовые характеристики пожилых граждан в Свердловской области? В настоящее время в Свердловской области проживает более 1,2 млн пожилых людей, что составляет 28,6 % от общей численности населения региона. По сравнению с 1990 годом, когда этот показатель составлял 21 %, численность пожилых людей выросла на 34,6 %: то есть в Свердловской области, как и в большинстве регионов Российской Федерации, сохраняется тенденция старения населения. В области 1,3 млн получателей пенсий, из которых 262,5 тыс. пенсионеров продолжают работать и после выхода на пенсию. 136,3 тыс. пенсионеров достигли возраста от 80 до 89 лет, 19,3 тыс. – от 90 до 99 лет. 96 человек перешагнули столетний рубеж.

Основная часть пенсионеров – 1,186 млн человек – получает страховую пенсию, 107,5 тыс. человек – социальную пенсию. Результаты анализа статистических данных по Свердловской области по численности пенсионеров и среднему размеру назначенных пенсий по видам пенсионного обеспечения позволяют сделать вывод о том, что источники доходов пенсионеров Свердловской области в основном такие же, как и в других регионах: у неработающих – пенсия,

у работающих пенсионеров – заработная плата плюс пенсия. Средний размер пенсии в Свердловской области составляет 16 334 рублей¹⁹. Если сопоставить средний размер назначенных пенсий со средним размером начисленной заработной платы, то можно сделать вывод о том, что в наиболее выгодной ситуации находятся пенсионеры, когда-то бывшие федеральными государственными гражданскими служащими (их пенсия в 2021 году составляет 46,5 % от среднего размера начисленной заработной платы). В наименее выгодной ситуации – получатели социальных пенсий (их пенсия в 2021 году составляет 21,6 % от среднего размера начисленной заработной платы) (таблица 2).

По данным нашего исследования (2023, $n = 412$), для активного образа жизни пожилые граждане в 63,6 % используют собственные средства, 12 % – средства государства, 4,4 % – средства детей, родственников. Только 31,5 % пенсионеров осваивает новые знания по информационным технологиям, иностранным языкам, финансовой и правовой грамотности. Соответственно, для результативного научения пенсионеров новым практикам необходимо не только разрабатывать образовательные продукты, но и формировать у представителей данной когорты потребность в новых знаниях.

Расходы на потребление в среднем на одного члена домашнего хозяйства в месяц превышают

¹⁹ Численность пенсионеров и средний размер назначенных пенсий по видам пенсионного обеспечения (на 1 января года, следующего за отчетным) // Управление федеральной службы государственной статистики по Свердловской и Курганской областям. URL: <https://sverdl.gks.ru/> (дата обращения: 08.01.2023).

средний размер пенсии, при этом основные затраты пенсионеров – это расходы на питание и непродовольственные товары. Таким образом, учитывая незначительный средний размер пенсий пожилых граждан в Свердловской области, а также большие расходы уральских пенсионеров на ежемесячное потребление, задача по увеличению дохода и поиску его источников остается актуальной. Насколько результативна комплексная программа «Повышение финансовой грамотности населения в Свердловской области на 2018–2023 годы»²⁰? В целом, характеристики программы аналогичны программам в других регионах РФ и Стратегии финансовой грамотности в РФ: по цели, задачам, участникам²¹. Направления и способы повышения финансовой грамотности соответствуют рекомендациям, содержащимся в Единой рамке компетенций по финансовой грамотности в РФ.

Направление «Финансовая грамотность» внедрено в деятельность Школ пожилого возраста: с 2015 по 2021 год обучение прошло свыше 13 тыс. человек (или 1,2 % от общего количества пенсионеров области). В последние годы в обучающих программах помимо темы финансовой безопасности актуализируется тема применения гражданами пожилого возраста инструментов управления собственным имуществом и денежными средствами. Финансовое просвещение граждан старшего поколения медленно, но приобретает массовый характер: увеличивается количество отделений и слушателей школ. С участием научно-педагогического сообщества, Центра финансовой грамотности, действующего на базе Уральского государственного экономического университета, разработаны и изданы учебно-методические пособия и видеofilмы для преподавателей и слушателей Школы пожилого возраста. Проект «Электронный гражданин» косвенно связан с региональ-

ной программой повышения финансовой грамотности граждан пожилого возраста: он направлен на увеличение количества граждан пожилого возраста, владеющих навыками пользования персональным компьютером и ресурсами сети Интернет. В ходе реализации проекта «Электронный гражданин» обучено компьютерной грамотности 15 745 человек на базе Школ пожилого возраста, действующих в учреждениях социального обслуживания. Одно из значимых мероприятий в этом проекте – региональный этап Всероссийского чемпионата по компьютерному многоборью среди граждан пожилого возраста, который проводится с 2015 года в Свердловской области.

Для обеспечения согласованных действий территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, исполнительных органов государственной власти Свердловской области, образовательных, финансово-кредитных, страховых и иных организаций, средств массовой информации Правительством Свердловской области создан межведомственный координационный совет по финансовой грамотности, функционирует Региональный центр финансовой грамотности как основной исполнитель Программы.

Анализ ответов респондентов (2021, $n = 5\,000$) на некоторые вопросы анкеты позволяет уточнить, какой процент пожилых граждан реально привлечен к обучению финансовой грамотности в Школах пожилого человека. Так, на вопрос: «Знают ли пожилые граждане об учреждениях социального обслуживания?» (соответственно о школах пожилого человека) – положительно ответили 44,8 % от общего количества респондентов. Соответственно пользуются услугами учреждений социального обслуживания 51,9 % респондентов (таблица 3).

Следующий вопрос был относительно источников, из которых респонденты узнали о таких учреждениях (рисунок 1). В основном респонденты узнали об учреждениях социального обслуживания от родственников, друзей или знакомых (63,3 %), а также в центрах социального обслуживания (47,3 %).

Также респондентам был задан вопрос об услугах, которые предоставляют учреждения социального обслуживания. В перечне услуг не были выделены Школы пожилого человека и обучение финансовой грамотности: таковые

²⁰ Об утверждении комплексной программы Свердловской области «Повышение финансовой грамотности населения в Свердловской области на 2018–2023 годы»: Постановление Правительства Свердловской области от 29.11.2018 № 846-пп (с изменениями на 29.12.2021) (в ред. Постановлений Правительства Свердловской области от 24.12.2020 № 977-ПП, от 23.09.2021 № 610-ПП, от 29.12.2021 № 981-ПП) // Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области. URL: <http://www.pravo.gov66.ru/19526/> (дата обращения: 08.01.2023).

²¹ Есть небольшие отличия по связи уральской комплексной программы с другими региональными проектами: Школа пожилого возраста, проект «Электронный гражданин», проект «Совершенствование деятельности социальных служб региона», Областной праздник «День пенсионера в Свердловской области».

Таблица 3 – Знают ли пожилые граждане об учреждениях социального обслуживания?

Table 3 – Do senior citizens know about social service agencies?

Варианты ответов	Кол-во, чел.	Доля, %
Да, знаю	2238	44,8
Да, пользуюсь их услугами	2593	51,9
Нет, не знаю	83	1,7
Нет ответа	86	1,7
Итого	5000	100

подразумевались как социально-правовые услуги, и с ними знакомы лишь 11,6 % опрошенных (рисунок 2). Соответственно минимальное количество респондентов (5,4 %) пользовались социально-правовыми услугами (рисунок 2).

■ **ВЫВОДЫ**

Статус пожилого человека в настоящее время противоречив. С одной стороны, он формализован, предписан конкретными нормативно-правовыми актами, с другой – предлагаются различные теории и формулировки, например, в научный дискурс входит понятие позднего зрелого возраста или серебряного возраста (общности) [20, с. 122]. В то же время в различных официальных документах (стратегиях, программах) предусматривается изменение роли пожилого человека: от беспомощного и ожидающего поддержки извне – к активному, обладающему разными знаниями и умениями, в том числе финансовой грамотностью. Для достижения задач по созданию условий, при которых пожилые граждане могут изменить некоторые характеристики своего статуса, а именно повысить уровень финансовой грамотности, улучшить

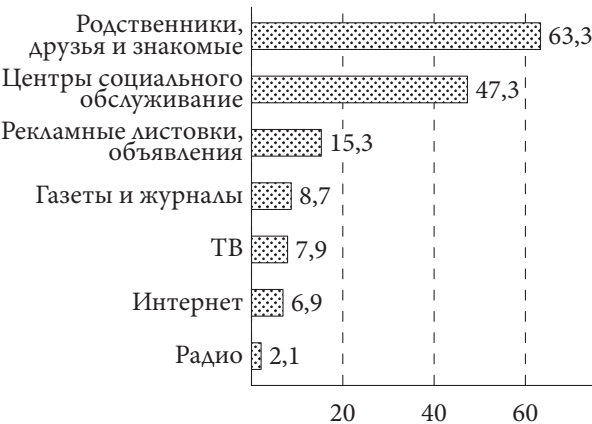

Рис. 1. Источники информации об учреждениях социального обслуживания

Fig. 1. Sources of information about social service institutions

доход и комфортность жизни, в РФ и Свердловской области реализуется Стратегия финансовой грамотности и достигнуты некоторые успехи. Но охват обучением финансовой грамотности пожилых граждан минимальный. Возникает закономерный вопрос: чем можно объяснить инертность многих пожилых граждан, в целом, в обучении и, в частности, по вопросам финансовой грамотности? Такие предположения найти причины неоднократно предпринимались исследователями. Например, Е. А. Черных, Н. В. Тонких, М. В. Клейменов, изучая группу людей предпенсионного возраста, указывают на проблему мотивации их к обучению и продолжению карьеры. Они предлагают привлекать не только государство, но и работодателей разрабатывать программы, направленные на расширение различных компетенций представителей этой группы, что позволит продлить профессиональный период деятельности, активное долголетие. Перейдя в статус пенсионеров, они могут быть востребованными на рынке труда и владеть современными (цифровыми, финансовыми, административными) навыками и умениями [21, с. 69]. Так, Т. И. Касьянова и А. И. Воронина приходят к выводу о том,

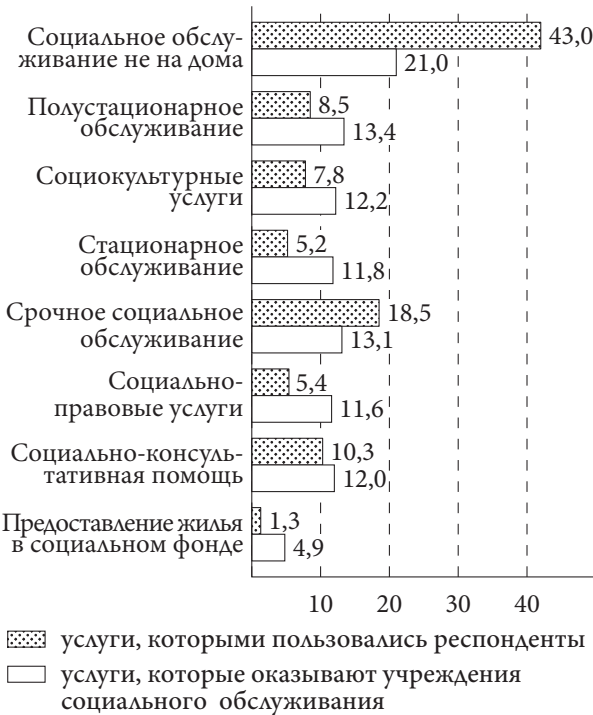

Рис. 2. Услуги, которые оказывают учреждения социального обслуживания и которыми пользуются пожилые граждане (в %)

Fig. 2. Services provided by social service institutions and used by senior citizens (in %)

что для получения положительного результата обучения необходимы не только правовые и организационные условия, созданные государством, но и наличие образовательной стратегии у самих пожилых граждан, элементом которой является освоение информационных и цифровых технологий [22, с. 13]. Заметим, что мотивацией к повышению финансовой грамотности является желание улучшить как доход, так и уровень комфорта своей жизни.

Многие пожилые граждане не знают о возможностях обучения по программам финансовой грамотности. Надежда на прямую связь между уровнем доходов и финансовой грамотности пока остается, но в долгосрочной перспективе. Для решения выявленных проблем авторами статьи предлагаются некоторые рекомендации в адрес одного из участников реализации Стратегии, а именно комплексных центров социального обслуживания населения Свердловской области.

Во-первых, ежегодно проводить информационные кампании по освещению деятельности Школ пожилого возраста, акцентируя внимание

на обучении финансовой и компьютерной грамотности, использовать для этого различные информационные каналы (телевидение, радио, электронные СМИ, информационные панели, стойки, официальные сайты участников реализации программы, специальные тематические сайты, социальные сети).

Во-вторых, руководителям комплексных центров социального обслуживания при поддержке регионального Министерства социальной политики целесообразно применять опыт других субъектов РФ, которые активно привлекают волонтеров из числа студентов, обучающихся по экономическим и юридическим направлениям подготовки.

В-третьих, учитывая высокую степень удовлетворенности респондентов качеством предоставления услуг в учреждениях социального обслуживания, продолжать поддерживать и расширять социально-правовые услуги, включая экономико-юридическое консультирование, а также обучение финансовой грамотности. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Зборовский Г. Е.** Социальная общность людей «третьего возраста»: понятие, структура, функции // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2019. № 2 (59). С. 9-20. EDN **NQJWZH**.
2. **Амбарова П. А.** Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории // *Социологические исследования*. 2022. № 1. С. 41-51. EDN **ZQSCCU**.
3. **Чернышкова Е. В.** Статусные характеристики пожилых людей: экономический аспект // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2008. № 32. С. 175-181. EDN **MVDNRN**.
4. **Фролова Е. А., Маланина В. А., Клемашева Е. И., Кашапова Э. Р., Дукарт С. А., Касати Ф.** Оценка масштабов неравенства пожилых людей в России // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2019. № 11 (109). С. 268-275. EDN **EYDCZI**.
5. **Белехова Г. В., Барсуков В. Н.** Финансовая грамотность пенсионеров и предпенсионеров: особенности и проблема доверия (на примере регионов Северо-Западного федерального округа) // *Социальное пространство*. 2020. Т. 6, № 4. С. 6. EDN **DNPUKH**.
6. **Подскребалина В. В.** Состояние рынка банковских услуг в России // *Вестник экспертного совета*. 2021. № 2 (25). С. 107-111. EDN **SUERMG**.
7. **Касьянова Т. И., Воронина Л. И., Резер Т. М.** Образовательный потенциал российских граждан пожилого возраста // *Образование и наука*. 2020. Т. 22, № 2. С. 121-142. EDN **XNTQJN**.
8. **Сенченков Н. П., Цыганкова А. Н.** К вопросу о трактовке понятия «финансовая грамотность» // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2021. № 3 (102). С. 211-219. EDN **OEYDRM**.
9. **Хромов М., Худько Е.** Актуальные подходы к повышению уровня в мировой практике // *Экономическое развитие России*. 2017. Т. 24, № 8. С. 35-40. EDN **ZDPKKV**.
10. **Синельников М. В.** Финансовая грамотность населения как основа оптимизации финансового поведения в условиях глобализации // *Дискуссия*. 2018. № 3 (88). С. 77-84. EDN **XZOFMD**.
11. **Пастушенко Е. Н., Малыхина Е. А., Земцова Л. Н.** Повышение финансовой грамотности как функция Центрального Банка Российской Федерации в условиях цифровой экономики // *Вестник Саратовской государственной юри-*

дической академии. 2021. № 5 (142). С. 227-233. EDN OМGMTE.

12. Худько Е. Региональные аспекты реализации программ повышения финансовой грамотности в РФ // *Экономическое развитие России*. 2018. Т. 25, № 2. С. 78-88. DOI 10.24411/2072-5833-2020-10021.

13. Симакова Е. Ю., Смирнова О. В. Механизмы реализации государственной политики в области повышения финансовой грамотности населения в России // *Вестник Университета Российской академии образования*. 2020. № 2. С. 97-106. EDN OVAGNW.

14. Калмыков Н. Н., Сычева Е. В., Мошкова Т. Г., Немыкин А. В., Иванова Т. Б. Опыт и перспективы повышения финансовой грамотности граждан в современных социально-экономических условиях // *Государственный советник*. 2017. № 4 (20). С. 15-23. EDN YLSDGG.

15. Воронина А. И., Зайцева Е. В., Касьянова Т. И. Государственная стратегия по поддержке активного долголетия и физической активности пожилых граждан // *Социально-политические науки*. 2022. Т. 12, № 4. С. 195-207. EDN IDWFTT.

16. Мнацаканян А. Г., Евстафьев К. А. Методические подходы к оценке эффективности программ финансовой грамотности населения // *Социально-экономические явления и процессы*. 2017. Т. 12, № 1. С. 65-71. EDN YHIAOL.

17. Терещенко Е. А., Иванченко Е. А. К вопросу о необходимости обучения финансовой гра-

мотности лиц пожилого возраста // *Kant*. 2019. № 3 (32). С. 360-364. EDN AUEVVO.

18. Воронина А. И., Касьянова Т. И., Радченко Т. Е., Резер Т. М., Синякова М. Г., Владыко А. В., Невский Г. А. Педагогика взрослых: организация профессионального обучения граждан старшего возраста : монография. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2020. 248 с. EDN UYSSKD.

19. Потехина И. П., Чижов Д. В. Потенциал старшего поколения как составляющая национального человеческого капитала (по материалам исследования в регионах ЦФО) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2016. № 2 (132). С. 3-23. EDN VVXTAF.

20. Шуклина Е. А., Широкова Е. А. Управление образовательными практиками работников серебряного возраста в организации: исследовательские подходы и актуальные стратегии // *Вопросы управления*. 2021. № 3 (70). С. 121-134. EDN TWSRWQ.

21. Черных Е. А., Тонких Н. В., Клейменов М. В. Готовность общества и работодателей к обучению сотрудников предпенсионного возраста // *Вопросы управления*. 2022. № 4 (77). С. 61-73. EDN SINYPD.

22. Касьянова, Т. И., Воронина, А. И. Занятость и готовность к обучению граждан пожилого возраста в условиях цифровизации: состояние, проблемы, перспективы // *Социум и власть*. 2020. № 6 (86). С. 7-16. EDN KPNNNN.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Воронина Людмила Ивановна – кандидат социологических наук, доцент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); voronina_612@outlook.com. AuthorID РИНЦ: 291208, ORCID: 0000-0002-2538-5627.

Зайцева Екатерина Васильевна – кандидат социологических наук, доцент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); katia_zai@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 639685, ORCID: 0000-0003-2112-3029, ScopusID: 57210639499, ResearcherID: AAD-7875-2019.

Статья получена: 01.02.2023. Заключение рецензента: 03.02.2023. Принята к печати: 06.02.2023.

IMPROVING THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL STRATEGY OF SENIOR CITIZENS' FINANCIAL AWARENESS: REGIONAL ASPECT

Voronina L. I.^a, Zaitseva E. V.^a

^a Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

The purpose of the article is to study implementation directions of the national strategy of the senior citizens' financial capability in the Russian Federation and the Sverdlovsk region.

Methods. The research methodology employed by the authors of the article is based on the theory of social status, social role and social community. The actions of the elderly citizens, their relations to financial awareness and the choice of ways to increase its level reveal the characteristics of the role. To confirm theoretical conclusions, statistical data was analyzed and a secondary analysis of data obtained through a sociological research ($n = 5$ thousand) was used. The authors also used the results of their own representative survey of elderly citizens ($n = 417$) residing in the Sverdlovsk region were interviewed.

Results and conclusions. The economic characteristics of elderly citizens include financial awareness as a combination of reader, mathematical and digital capability in such subject areas as money and operations with them; personal finance planning and management; risks and rewards; financial environment. In the Russian Federation a Strategy for increasing financial awareness with the participation of state authorities and local self-government bodies, banks and their associations, universities, state and municipal institutions is implemented. As part of the strategy, conditions are created to increase financial awareness of different age categories, including elderly citizens. To inform senior citizens, there are financial literacy centers and "My Finance" Internet portal. In the regions, there are schools for senior citizens and third age universities. However, despite the organizational efforts and the resources spent, quite few elderly citizens trace the dependence of their income on their financial awareness level. An advanced level of financial awareness, which allows receiving additional income, takes a long time to form. At the same time, many elderly Russians are at a very basic level of financial awareness, their involvement in training is minimal. The authors provide specific recommendations to address the problems revealed.

KEYWORDS: financial awareness, strategy, participants, directions, ways of improving financial capability.

FOR CITATION: Voronina, L. I., & Zaitseva, E. V. (2023). Improving the implementation of the national strategy of senior citizens' financial awareness: regional aspect. *Management Issues*, 17(1), 45–59. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-1-45-59>.

REFERENCES

1. ZBOROVSKIY, G. E. (2019). Social community of the "third age" people: concept, structure, functions. *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, (2), 9-20. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2019.59.2.001>.
2. AMBAROVA, P. A. (2022). Social fragmentation of communities in modern Russia: in search of a sociological theory. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (1), 41-51. <https://doi.org/10.31857/S013216250017229-4>.
3. CHERNYSHKOVA, E. V. (2008). Status characteristics of older people: economic aspect. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, (32), 175-181. <https://elibrary.ru/mvdnrn>.
4. FROLOVA, E. A., MALANINA, V. A., KLEMASHEVA, E. I., KASHAPOVA, E. R., DUKART, S. A., & CASATI, F. (2019). assessing the extent of inequality among older people in Russia. *Regional Problems of Economic Transformation*, (11), 268-275. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2019-11-268-275>.
5. BELEHOVA, G. V., & BARSUKOV, V. N. (2020). Financial literacy of pensioners and pre-pensioners: features and the problem of trust (the case of the

regions of the Northwestern Federal District). *Social Area*, 6(4), Article 6. <https://doi.org/10.15838/sa.2020.4.26.6>.

6. PODSKREBALINA, V. V. (2021). State of the market of banking services in Russia. *Bulletin of the Expert Council*, (2), 107-111. <https://elibrary.ru/suermg>.

7. KASYANOVA, T. I., VORONINA, L. I., & REZER, T. M. (2020). Educational potential of Russian senior citizens. *Education and Science Journal*, 22(2), 121-142. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-2-121-142>.

8. SENCHENKOV, N. P., & TSYGANKOVA, A. N. (2021). To the interpretation of the “financial literacy” concept. *Cherepovets State University Bulletin*, (3), 211-219. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-3-102-17>.

9. HROMOV, M., & KHUDKO, E. (2017). World best practices in developing approaches to financial literacy education. *Russian Economic Developments*, 24(8), 35-40. <https://elibrary.ru/zdppkv>.

10. SINELNIKOV, M. V. (2018). Population financial literacy as a basis for financial behavior optimization in globalization conditions. *Discussion*, (3), 77-84. <https://elibrary.ru/xzofmd>.

11. PASTUSHENKO, E. N., MALYKHINA, E. A., & ZEMTSOVA, L. N. (2021). Improving financial literacy as a function of the Central Bank of the Russian Federation in the digital economy. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, (5), 227-233. <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2021-5-227-233>.

12. KHUDKO, E. (2018). Regional aspects of implementing financial literacy promotion programs in the Russian Federation. *Russian Economic Developments*, 25(2), 78-88. <https://doi.org/10.24411/2072-5833-2020-10021>.

13. SIMAKOVA, E. YU., & SMIRNOVA, O. V. (2020). Mechanisms for the implementation of public policy in the field of increasing financial literacy populations in Russia. *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, (2), 97-106. <https://doi.org/10.24411/2072-5833-2020-10021>.

14. KALMYKOV, N. N., SYCHEVA, E. V., MOSHKOVA, T. G., NEMYKIN, A. V., & IVANOVA, T. B. (2017). Experience and prospects of increasing the financial lit-

eracy of citizens in modern socioeconomic conditions. *State Councilor*, (4), 15-23. <https://elibrary.ru/ylsdgg>.

15. VORONINA, L. I., ZAITSEVA, E. V., & KASYANOVA, T. I. (2022). State strategy to support active longevity and physical activity of elderly citizens. *Social and Political Sciences*, 12(4), 195-207. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-4-195-207>.

16. MNATSAKANYAN, A. G., & EVSTAFYEV, K. A. (2017). Assessment of efficiency of programs of financial literacy of the population. *Social-Economic Phenomena and Processes*, 12(1), 65-71. <https://doi.org/10.20310/1819-8813-2017-12-1-65-71>.

17. TERESHCHENKO, E. A., & IVANCHENKO, E. A. (2019). To the question about the need for financial literacy training elderly. *Kant*, (3), 360-364. <https://elibrary.ru/aeuvvo>.

18. VORONINA, L. I., KASYANOVA, T. I., RADCHENKO, T. E., REZER, T. M., SINYAKOVA, M. G., VLADYKO, A. V., & NEVSKIY, G. A. (2020). *Adult pedagogy: organization of vocational training for older citizens*. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. <https://elibrary.ru/uysskd>.

19. POTEKHINA, I. P., & CHIZHOV, D. V. (2016). Potential of senior citizens as a component of national social capital (Russian central federal district case study). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (2), 3-23. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.2.01>.

20. SHUKLINA, E. A., & SHIROKOVA, E. A. (2021). Management of educational practices of the “third age” employees in organization: research approaches and strategies. *Management Issues*, (3), 121-134. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-3-121-134>.

21. CHERNYKH, E. A., TONKIKH, N. V., & KLEYMENOV, M. V. (2022). Willingness of society and employers to train employees of pre-retirement age. *Management Issues*, (4), 61-73. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-4-61-73>.

22. KASYANOVA, T. I., & VORONINA, L. I. (2020). Employment and elderly citizens’ readiness for training in the context of digitalization: state, problems, prospects. *Socium i vlast'*, (6), 7-16. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2020-6-07-16>.

AUTHORS' INFORMATION:

Lyudmila I. Voronina – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); voronina_612@outlook.com. RSCI AuthorID: 291208, ORCID: 0000-0002-2538-5627.

Ekaterina V. Zaitseva – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); katia_zai@mail.ru. RSCI AuthorID: 639685, ORCID: 0000-0003-2112-3029, ScopusID: 57210639499, ResearcherID: AAD-7875-2019.

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

CORPORATE MANAGEMENT

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Мортиков В. В.^а

^а Луганский государственный университет имени Владимира Даля

АННОТАЦИЯ:

Актуальность. Принятие решений руководством организации в области занятости и оплаты труда, основанное на анализе макроэкономической информации, позволяет руководству организации адекватно реагировать на различные внешние потрясения.

Материалы и методы исследования. Фактологической основой публикации служат данные Росстата 2019-2020 годов. В статье используется инструментарий игр с природой и прогнозных оценок.

Научные результаты и дискуссия. Результатом исследования является разработка алгоритма реагирования занятости и оплаты труда на изменения макроэкономической ситуации в организации, занятой в гостиничном бизнесе, общественном питании. Сопоставляются производственно-финансовые и трудовые макроэкономические показатели в целом и по отраслям в период пандемии. На этой основе производится группировка отраслей в зависимости от реакции данных показателей на экономический спад 2020 года. Анализируется использование макроэкономических показателей в принятии кадровых решений. Обращается внимание на надежность, взаимозаменяемость различной макроэкономической информации при принятии таких решений. Предлагается методический материал для принятия адекватных решений в управлении персоналом организации, занятой в сфере общественного питания, оказания гостиничных услуг.

Социально-трудовая сфера испытывает воздействие макроэкономической среды через издержки и выручку организации. Осуществлено разделение показателей, фиксируемых Федеральной службой государственной статистики РФ, на 2 группы в зависимости от того, влияют ли они преимущественно на выручку или на выручку и расходы организаций.

В статье представлен анализ влияния рентабельности деятельности организации на ее кадровую политику. В зависимости от показателя рентабельности организации, занятой предоставлением гостиничных услуг, функционирующей в сфере общественного питания, выделяются различные зоны ее риска по кадровой политике.

Выводы. Занятость, оплата труда в организации являются объектом прямого и косвенного воздействия различных макроэкономических факторов, влияющих на спрос на ее услуги, а также соотношение цен на реализуемые услуги и цен на используемые производственные ресурсы. Влияние экономической динамики, безработицы, процентной ставки, валютного курса, международной торговли на социально-трудовую ситуацию в организации в сферах гостиничного бизнеса и общественного питания является системным, требующим глубокого осмысления ее менеджментом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: организация, макроэкономическая ситуация, рынок труда, гостиничный бизнес и общественное питание, макроэкономические показатели.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мортиков В. В. Макроэкономические аспекты принятия решений в области управления персоналом // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 1. С. 61-73. EDN OZKTHF.

■ АКТУАЛЬНОСТЬ И АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Макроэкономическая ситуация в стране оказывает существенное влияние на управление персоналом в организациях. Сокращение поставок угля, нефти, газа, металла из РФ в страны Западной Европы, уход западных сервисных компаний из нефтедобычи, другие события, с которыми столкнулись предприятия в 2022 году, ставят ряд вопросов перед экономической, управленческой наукой. Среди них: каким образом организации необходимо реагировать на данные вызовы в социально-трудовой сфере? Для ответа на этот вопрос управленцам целесообразно научиться разбираться в многообразной макроэкономической информации.

В современной литературе вопросам анализа макроэкономической информации при принятии решений в области управления в организациях, в целом, [1] и в области управления персоналом, в частности¹, уделяется определенное внимание. Макроэкономика – сфера, испытывающая сильное влияние политического курса страны. В одной из последних работ анализируется влияние политики правового популизма на практику управления персоналом [2]. Обращается внимание и на поведение управленцев в условиях кризисов: финансовых [3], связанного с эпидемией COVID-19 [4, 5, 6].

В ряде работ говорится о связи событий в области макроэкономики и особенностями заключения трудовых соглашений. С помощью теории имплицитных трудовых контрактов американские ученые А. Окэн, С. Азариadis, С. Гроссман, О. Харт² пытались объяснить следующий феномен: почему циклические изменения в выпуске сопровождаются в экономически развитых странах значительными изменениями в занятости и небольшими изменениями в ставках оплаты? Объяснение, которое попытались дать авторы, такое: склонные к риску или нейтральные к нему фирмы пытаются предложить избегающим риска работникам более или менее стабильную оплату. В связи с этим основную нагрузку по приспособле-

нию к внешним шокам «принимают на себя» рабочие места: именно они в периоды циклических спадов сокращаются, что дает возможность не снижать оплату труда.

В России, наоборот, макроэкономические спады сопровождаются не безработицей, а сокращением оплаты труда за счет уменьшения различных дополнительных выплат [7, 8].

Вместе с тем ответ на вопрос, что сокращать – оплату или занятость, каждая организация дает себе сама под влиянием многих факторов: своего положения на рынке продаваемой ею продукции и производственно-финансовых возможностей, ситуации на рынке труда, законодательства по защите занятости и др.

Работодатель, его представители, соискатели рабочих мест, работающие сотрудники постоянно принимают различные решения. Принятие решений в социально-трудовой сфере базируется на получении и анализе различной информации, в том числе и макроэкономической. Вопросы информационного обеспечения принятия решений работодателем, работником кадровой службы, линейным руководством затрагиваются представителями таких научных направлений, как менеджмент, информационные технологии, управление персоналом в организациях и др. В то же время использованию макроэкономической информации при принятии решений в области управления персоналом уделяется, на наш взгляд, недостаточно внимания. Задача автора статьи – попытаться восполнить этот пробел.

Различные сектора национальной экономики отличаются уязвимостью к макроэкономическим шокам. К числу организаций, испытывающих достаточно сильное воздействие этих шоков, относятся те, которые функционируют в сфере гостиничного бизнеса и общественного питания. Пандемия коронавируса COVID-19 внесла существенные изменения в работу субъектов гостиничного бизнеса и общепита, к чему они оказались в значительной степени не готовы. Одна из задач публикации – разработка рекомендаций для данной категории предпринимателей, управленцев.

Для этого предлагаются 2 методики: а) влияния прогноза по динамике спроса на услуги организации на ее политику занятости; б) влияния событий в сфере ценообразования на решения по поводу количества используемого труда. Использование

¹ Mitchell, D. & Zaidi, M. (1990). Macroeconomic Conditions and HRM-IR Practice. *Industrial Relations*, 29(2), 164–188.

² Okun, A. (1981). *Prices and Quantities: A Macroeconomic Analysis* (pp. 49–50). Brookings Institution.

Azariadis, C. (1975). Implicit Contracts and Underemployment Equilibria. *Journal of Political Economy*, 83(6), 1183–1202.

Grossman, S., Hart, O. (1981). Implicit Contracts, Moral Hazard and Unemployment. *American Economic Review*, 71(2), 301–307.

обеих методик предполагает анализ различных макроэкономических индикаторов, которые следует принимать во внимание при принятии кадровых решений организации в ее текущей деятельности.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование базируется на материалах Росстата, отечественных и зарубежных публикаций, посвященных проблемам влияния макроэкономических шоков на занятость и оплату труда, реакции управления персоналом на изменения макроэкономических показателей. Особое внимание уделяется анализу статистики по макроэкономическому шоку, который испытала Россия в 2020 году в связи с пандемией COVID-19. Макроэкономические данные в целом по российской экономике дополняются социально-экономическими показателями по видам экономической деятельности в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД-2). Мы выбрали в качестве объекта исследования организацию, относящуюся к категории «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» (далее – Организация). Этот выбор обусловлен тем, что макроэкономический шок 2020 года, как видно из данных таблицы 2, оказал на этот вид экономической деятельности особенно сильное влияние. Вместе с анализом статистических данных автор использует и произвольные цифры для исследования влияния: а) событий в сфере ценообразования на решения по поводу количества используемого труда; б) прогноза по экономической динамике на политику занятости в Организации.

В статье используется инструментарий игр с природой, прогнозные оценки по вероятным изменениям спроса и их влиянию на стратегии организации в области оплаты и количества используемого труда.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Необходимо заметить, что макроэкономические показатели являются не только ориентиром для принятия управленческих решений, но и результатом данных решений. В таблице 1 общие и трудовые макроэкономические показатели в самый разгар пандемии в 2020 году отражают ситуацию, являющуюся следствием решений огромного числа хозяйствующих субъектов РФ.

Таблица 1 – Макроэкономические показатели в период пандемии 2020 года

Table 1 – Macroeconomic indicators during the 2020 pandemic

Наименование показателя	Значение 2020 г. к 2019 г.
ВВП	97,0
Платные услуги населению	85,2
Инвестиции в основной капитал	98,6
Индекс производительности труда	99,6
Уровень безработицы	126
Уровень участия в составе рабочей силы	99
Уровень занятости	98
Совокупный показатель уровня безработицы и потенциальной рабочей силы	120

Источник: Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 17.12.2022). Часть показателей рассчитана автором.

Сокращение ВВП, инвестиций в основной капитал, платных услуг населению вполне закономерно сопровождалось падением производительности труда, показателей недоиспользования рабочей силы (уровня участия в составе рабочей силы, уровня занятости, безработного населения). Это говорит о том, что решения хозяйствующих субъектов в трудовой, инвестиционной сферах в 2020 году так или иначе откликнулись на события, происходящие в сфере сбыта их продукции, объема оказываемых услуг.

Конечно же, трудовая сфера всех организаций так или иначе откликается на изменения различных макроэкономических индикаторов. Однако все же отраслевая принадлежность организации имеет значение при реагировании на изменения того или иного макроэкономического показателя, особенно в условиях непредсказуемости этих изменений.

Отдельные виды экономической деятельности принимают на себя первый удар негативных шоков. Другие, например, производство и реализация продовольственных товаров первой необходимости, менее болезненно переносят спад спроса. На пандемию 2020 года различные макропоказатели отреагировали с разной чувствительностью. Оборот розничной торговли в 2020 году по отношению к уровню 2019 составил 96,8 %, а платных услуг населению – 85,2 %. Вместе с тем в 2020–2021 гг. наблюдался существенный рост производства и продаж продукции фармацевтической индустрии.

Трудовые показатели в различных видах экономической деятельности в разной степени от-

Таблица 2 – Некоторые социально-экономические показатели РФ за 2020 год по отдельным видам экономической деятельности**Table 2** – Some socio-economic indicators of the Russian Federation for 2020 for certain types of economic activity

Отрасли/показатели	Индексы физического объема произведенного ВВП и валовой добавленной стоимости в постоянных ценах (в % за предыдущий год)	Удельный вес убыточных организаций в 2020 г. (в % от общего числа организаций)	Количество фактически отработанного времени на рабочих местах и работах по производству товаров и услуг (в % за предыдущий год)	Темпы роста (снижения) производительности труда (в % за предыдущий год)	Разница между приемом и выбытием работников (в % от списочной численности)	Численность работников организаций, имевших отпуска без сохранения заработной платы по заявлению работника (в % от списочной численности)
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство		27,7	100,7	99,5	–2,8	8,9
Добыча полезных ископаемых	95,3	42,1	97,9	92,4	–4,3	7,9
Обрабатывающие производства	100,5	28,5	96,3	103,8	–3,1	16,8
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	97,2	48,3	97,1	99,6	–2,2	5,7
Строительство	98	33,3	97	103,1	–3,4	15,3
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	97,4	24,4	95,2	101,5	+2,2	8,0
Транспортировка и хранение	89,2	37,4	98,4	90,9	–1,8	8,0
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	75,3	59,8	91,0	83,0	–6,5	17,8
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	89,4	38,1	90,7	91,2	–0,7	4,6

Источник: Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 17.12.2022). Расчет разницы между приемом и выбытием работников осуществлен автором: знак (–) стоит в случае превышения выбытия работников над их приемом, знак (+) – в случае превышения приема.

реагировали на спад 2020 года (см. таблицу 2). Мы разделили виды экономической деятельности на группы по степени реакции их производственно-финансовых и трудовых показателей на спад. В первую группу вошли менее восприимчивые к спаду:

- сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство (здесь фактически не поменялись объемы производства, отработанного времени, производительности труда, а количество убыточных предприятий выглядело достаточно скромным на фоне некоторых других отраслей);
- обрабатывающие производства, строительство (за исключением показателя «численность работников организаций, имевших отпуска без сохранения заработной платы» изменение остальных индикаторов было весьма умеренным; падение показателя «Количество фактически отработанного времени» (96,3 %) в обрабатывающих производствах уравнивается ростом производительности труда (103,8 %);
- обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха (отрасль хотя и имела ощутимую отрицательную динамику по объему деятельности (97,2 %), достаточно большой удельный вес убыточных пред-

приятий (48,3 %), ухудшение трудовых показателей было незначительным).

Во вторую группу вошли такие виды экономической деятельности: транспортировка и хранение; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений с достаточно ощутимым падением объема выпуска, производительности и/или количества фактически отработанного времени.

В значительной степени на спад 2020 года отреагировала деятельность гостиниц и предприятий общественного питания – вид деятельности, который мы отнесли к третьей группе. Здесь самые высокие показатели падения объемов деятельности; удельного веса убыточных организаций; разницы между приемом и выбытием работников; численности работников, имевших отпуска без сохранения заработной платы.

Характерно, что все отмеченные нами отрасли, в том числе и более или менее стабильные, показали отрицательную разницу между приемом и выбытием работников. Лишь в торговле разница между приемом и выбытием работников составила положительную величину (+2,2), в частности, вследствие увеличения услуг по доставке товаров на дом.

Как видим, высокие показатели уменьшения объема деятельности и доли убыточных предприятий вполне предсказуемо соседствовали с падением отработанного времени и производительности; сокращениями персонала; численности работников, имевших отпуска без сохранения зарплаты. При этом трудовая сфера каждой из выделенных нами отраслей отреагировала на спад 2020 года с определенной спецификой.

Учитывая, что трудовые показатели организаций, принадлежащих к виду «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания», оказались наиболее уязвимыми к макроэкономическому шоку 2020 года, проанализируем, какие макроэкономические факторы оказывают влияние на деятельность таких организаций.

Среди всех решений Организации решения о количестве занятых в ней и их оплате являются ключевыми. Принимая данные решения, Организация ориентируется на ожидаемую динамику спроса на свои услуги и на изменения цен на рынках этих услуг и цен на приобретаемые ею производственные ресурсы. Оценка ожидаемой динамики спроса и ценовой ситуации может базироваться на макроэкономических показателях, фиксируемых Федеральной службой государственной статистики РФ.

Мы разделили эти показатели на 2 группы в зависимости от того, влияют ли они преимущественно на спрос и цены реализуемых Организацией услуг, а также на расходы Организации. Среди макроэкономических показателей, изменение которых оказывает влияние на финансовое положение Организаций преимущественно через спрос и цены на ее услуги, находятся такие индикаторы, регистрируемые Росстатом:

- численность населения, среднегодовая численность занятых, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, численность пенсионеров;
- среднедушевые денежные доходы населения в месяц, средний размер назначенных пенсий, располагаемый доход домашних хозяйств;
- реальные денежные доходы населения, реальный размер назначенных пенсий;
- расходы на конечное потребление, фактическое конечное потребление домашних хозяйств;
- индекс текущего личного материального положения, мнение населения о благоприятности условий для крупных покупок, индекс уверенности потребителя;

- внешнеторговый оборот (в том числе экспорт, импорт);

- расходы консолидированного бюджета.

К макроэкономическим показателям, оказывающим влияние на финансовое положение Организации одновременно через спрос на ее услуги, цены на них и расходы на приобретаемые производственные ресурсы, относятся:

- объем ВВП;
- МРОТ, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, реальная начисленная заработная плата работников организаций, просроченная задолженность по заработной плате;
- индекс потребительских цен, мнение населения об ожидаемом в течение года изменении цен;
- численность безработных, зарегистрированных в органах службы занятости населения, численность безработных (по методологии МОТ);
- ключевая ставка ЦБ РФ.

Изменение значительной части макроэкономических показателей, оказывает влияние и на издержки, и на выручку Организации, а также отражает их влияние. Скажем, данные по ВВП могут свидетельствовать не только об изменении продаж услуг гостиниц, но и о росте затрат в гостиничном бизнесе.

Менеджментом Организации может быть составлена таблица, в которой будут указываться, с одной стороны, вероятные изменения в динамике спроса на ее услуги, а с другой – ее действия в отношении величины используемого труда и его оплаты. В ячейках таблицы 3 находятся конкретные варианты данных действий: без изменений, увольнение, перевод на неполное рабочее время и т.д. Данные по изменению спроса произвольны, однако близки к современным российским реалиям по динамике ВВП, данные по стратегиям изменения численности персонала близки к деятельности малого предприятия со штатом сотрудников от 15 человек. Стратегии в области оплаты и количества используемого труда принимаются Организацией в зависимости от ее финансового положения и ситуации в целевых сегментах рынка труда. Следует отметить, что возможности перевода на тариф, оплачиваемые отпуска в организациях гостиничного бизнеса, общепита весьма ограничены.

Одним из факторов, влияющим на производственно-финансовую ситуацию в Органи-

Таблица 3 – Влияние прогноза динамики спроса на услуги Организации на ее политику занятости**Table 3** – The impact of the forecast on the dynamics of demand for the Organization's services on its employment policy

Вероятные изменения спроса на услуги организации/ стратегии организации в области оплаты и количества используемого труда	Рост спроса от 0 до 2 %	Падение спроса от -1 до -5 %	Падение спроса ниже -5 %
1. Изменение количества используемого труда	Без изменений	Перевод трех сотрудников на неполное рабочее время	Сокращение двух сотрудников, перевод одного сотрудника на неполное рабочее время
2. Изменения фонда зарплаты	Без изменений	Ограничение оплаты труда пяти сотрудников тарифной частью	Предоставление пяти сотрудникам отпусков без содержания

Источник: составлено автором.

Таблица 4 – Влияние событий в сфере ценообразования на решения по поводу количества используемого труда**Table 4** – Influence of pricing events on decisions about the amount of labor

	П ₁ < -2 %	П ₂ -2 – 2 %	П ₃ 2–4 %	П ₄ > 4 %
A ₁ . Сохранение численности персонала и времени его работы неизменными	-5	-1	+1	+2
A ₂ . Сокращение численности персонала/времени работы на величину < 2 %	-1	0	-0,5	-1
A ₃ . Сокращение численности персонала/времени работы на величину 2–5 %	+1	0	-1	-1,5
A ₄ . Увеличение численности персонала/времени работы на величину 1–3 %	-4	-1	+2	+3

Источник: составлено автором с ориентацией на существующие в РФ характеристики малого предприятия по численности работников и годовому доходу.

зации и на возможности ее кадровой политики, выступает изменение цен в экономике.

В каждый период формируется определенное соотношение цен на производственные ресурсы и предоставляемые Организацией услуги, что определяет рациональность использования работников, капитала, технологий обслуживания. Изменение соотношения цен на закупаемые сырье, продукты, оплату труда управленческого персонала, поваров, кондитеров, официантов, аренду и цен реализуемых блюд, кулинарной продукции может сделать целесообразным переход к другой структуре последних, использованию иных технологий приготовления блюд с использованием другого персонала.

Изменения цен в экономике не всегда предсказуемы. Для управленцев в гостиничном бизнесе, сфере общепита имеет смысл использовать инструментальный подход к природе в условиях непредсказуемости поведения цен.

Пусть P_i (P_1, P_2, P_3, P_4) – различные прогнозируемые соотношения между ценами реализуемых услуг и ценами на используемые производственные ресурсы в процентах к выручке скажем, на ближайшие 3 года. A_j (A_1, A_2, A_3, A_4) – различные стратегии Организации в отношении количества используемых сотрудников, времени их работы. Организация должна принять одно из четырех решений A_1 – A_4 , зная, что при наступлении одного из событий P_1 – P_4 она по-

несет потери или выиграет. В ячейках матрицы находятся выигрыши (+) / проигрыши (–) (в млн. руб.) Организации, в случаях если реакция (A_i) совпала / не совпала с событием (P_j). Все данные таблицы 4 произвольны, однако близки к деятельности малого предприятия со штатом сотрудников от 15 до 100 человек и годовым доходом от 120 до 800 млн. руб. Допущения:

1. Размеры потерь и выигрышей известны заранее.

2. Все четыре события P_1 – P_4 равновероятны. Это, конечно, упрощение, но оно сделано для лучшего восприятия матрицы выигрышей.

3. Принимая одно решение по количеству используемого труда, Организация не может изменить его, поскольку это либо вообще невозможно, либо повлечет за собой весьма высокие издержки. Данное допущение близко к реальности: вернуть уволенного работника обратно оказывается в ряде случаев невозможным, поскольку он уже трудоустроился на новое место. Восстановление работы подразделения, переданного на аутсорсинг, потребует значительных затрат. Возвращение из аутстаффинга к использованию своего персонала также чревато сложностями.

Изменение численности или/и времени работы персонала требует времени на подготовку, оценку затрат на адаптацию. Если Организация «угадывает» / «не угадывает» характер

изменений в макроэкономической ситуации и влияние их на соотношение цен P_i , она верно / неверно планирует изменение используемого труда и выигрывает / проигрывает.

Для каждого состояния у Организации существует наиболее благоприятная стратегия поведения. Однако поскольку Организация находится в относительном неведении в отношении возникновения тех или иных состояний природы, определить оптимальную стратегию со «сто-процентным попаданием» не представляется возможным. Именно здесь и необходим анализ всех факторов, которые могли бы повлиять на P_i . Например, если руководство организации правильно определило это соотношение и оно составляет P_4 , то оно выбирает стратегию A_4 «Увеличение численности персонала / времени работы на величину от 1 % до 3 %». Выигрыш при таком выборе составит 3 млн. рублей.

Если же организация допустила ошибку в своих расчетах P_i и использовала стратегию A_3 «Сокращение численности персонала / времени работы на величину от 2 % до 5 %» при возникновении соотношения цен P_4 , она понесет потери в 1,5 млн. руб.

Описанная выше методика разработана автором и может использоваться Организацией в прогнозных оценках количества необходимого труда. Инфляционный рост цен неравномерно распределяется среди различных товаров и услуг: работодатель-владелец кафе может меньше выигрывать от повышения цен на реализуемые блюда, нежели терять от повышения цен на покупаемые продукты. Поскольку инфляция обесценивает зарплату, это дает возможность нашему работодателю экономить на трудовых издержках, если при индексации размеры последней отстают от масштабов инфляции.

Для использования методик, описанных выше (таблицы 3, 4), каждая организация для себя:

- выбирает временной интервал, на протяжении которого ею ожидаются изменения в спросе, соотношении цен на предоставляемые услуги и производственные ресурсы; это может быть полгода, год и т.д.;
- определяет перечень значимых для нее производственных ресурсов и события, которые могут повлиять на изменения их цен;
- определяет перечень значимых для нее событий, факторов, влияющих на изменение спроса и цен на реализуемые ею услуги;

- определяет экспертным путем вероятность наступления событий, факторов, оказывающих воздействие на цены и спрос.

К числу значимых затрат, динамику которых имеет смысл прогнозировать в любом случае, относятся расходы на оплату труда, материалы и сырье, аренду.

Руководству Организации необходимо быть готовым к таким вариантам разворачивания событий: а) существенное изменение выручки без серьезных изменений затрат; б) выручка существенно не меняется, но ожидается значительное изменение расходов; в) выручка и затраты не меняются либо меняются в одном направлении и в одинаковом объеме. В случаях а) и б) кадровая политика объективно должна меняться, а в случае в) – нет.

Для Организации целесообразно определить у себя зоны риска по кадровой политике в зависимости от соотношения выручки и затрат, показателя рентабельности (данные по этому показателю произвольны, каждая Организация устанавливает их, исходя из своего положения на рынке, финансовой устойчивости). Возможны следующие варианты:

- безрисковая зона (скажем, норма рентабельности не ниже 15 %): Организация выполняет все взятые на себя обязательства: по зарплате (включая запланированную индексацию) и незарплатным элементам трудовой компенсации; обучение персонала проходит в соответствии с планом;
- зона невысокого риска (норма рентабельности 5–15 %): зарплата индексируется, но на меньший процент, чем зафиксировано в плане; наблюдается повышенная текучесть персонала среди работников, замену которым хотя и с трудом, но можно найти; обучение ряда категорий специалистов в случае необходимости наталкивается на финансовые ограничения;
- зона критического риска (норма ниже 5 %): зарплата не индексируется, организация прекращает все программы обучения персонала, ключевые сотрудники, которым трудно найти замену, покидают организацию;
- зона катастрофического риска (отрицательная норма рентабельности): остаются лишь ключевые сотрудники, от которых зависит поддержание жизнедеятельности организации; есть возможность финансирования лишь тарифной части их оплаты.

Новизна представленных в таблицах 3, 4 методик реагирования занятости и оплаты труда в Организации на динамику спроса и ценовую ситуацию заключается в использовании близких к современным российским реалиям данных по возможным изменениям спроса, а также в простоте ее применения на предприятиях малого бизнеса, то есть предприятий, которым относятся большинство организаций вида деятельности «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания».

Использование данных методик во многом зависит от оценки руководством Организации ситуации на рынке труда, динамики ВВП в бюджетно-финансовой, кредитно-денежной сферах, внешнеэкономической сферах.

Состояние национального рынка труда является важной макроэкономической реальностью, с которой вынуждены считаться работодатели и работники Организации.

Ситуация с занятостью в экономике влияет на ее кадровую политику:

- непосредственно, то есть через наличие / отсутствие соответствующих работников для заполнения ими вакансий;
- опосредованно, то есть через возможности удерживать уже занятых в организации специалистов;
- опосредованно, то есть через зарплату и незарплатные формы трудовой компенсации.

Состояние рынка труда в каждый момент может характеризоваться полной занятостью всех трудоспособных граждан, неполной занятостью и существованием циклической безработицы, а также дефицитом кадров. Циклическая безработица – это источник свободной рабочей силы, использование которой может планировать Организация. Необходимо, однако, заметить, что каждая Организация принимает во внимание, прежде всего, ситуацию в сегментах рынка труда, с которыми она взаимодействует: ситуация может отличаться от макроэкономической в целом.

Если целевой для Организации рынок труда находится в равновесии, но ожидаемо движется в сторону возникновения излишка рабочей силы, организации можно оставить ставки оплаты на прежнем уровне и не планировать роста трудовых издержек в ближайшее время. Требования наемных работников к оплате труда, его условиям становятся скромнее, если работник

осведомлен о ситуации с безработицей в стране, регионе, его профессиональной нише [9].

С приближением уровня экономики к состоянию полной занятости у Организации могут возникнуть трудности в найме специалистов, их привлечение может потребовать увеличения ставок оплаты. Выручка может не позволить этого сделать.

В РФ показатель безработицы, регистрируемой службой занятости, может не отражать реальной ситуации с соотношением спроса и предложения на рынке труда. Далеко не все безработные регистрируются в службе занятости из-за незначительной суммы пособия. Но и показатель безработицы, исчисляемой по методологии МОТ, не является эффективным для ориентации руководителей при принятии ими управленческих решений: увольнения всячески сдерживаются административными методами.

Более или менее достоверную картину в отношении кадрового дефицита дает показатель «Удельный вес потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест в общем числе рабочих мест по соответствующей профессиональной группе», фиксируемый Росстатом. Влияние значений этого показателя на управленческие решения организаций нами было рассмотрено ранее [10].

Кадровая ситуация в Организации испытывает влияние политики доходов: минимальной, средней оплаты, социальных выплат. Изменение оплаты труда в реальном выражении влияет на возможности управления персоналом в Организации непосредственно и опосредованно, через ее трудовые издержки и совокупный спрос, спрос на ее продукцию [11]. Повышение минимума зарплаты нередко сопровождается сужением спроса работодателей на работников невысокой квалификации, молодежь [12, 13]. Одной из проблем организаций в Европе являются определенные трудности в найме работников, когда существует достаточно обширная социальная поддержка безработных (их достаточно много среди молодежи), пенсионеров (в условиях старения они становятся одним из важных источников закрытия вакансий) [14].

Показатели экономической динамики: ВВП и др. имеют важное значение для прогнозирования спроса на услуги Организации [15]. От этой динамики зависят и бюджетные ограни-

чения организации: в период спадов происходит переход на режим жесткой экономии в расходах на рабочую силу; во время подъемов бюджеты расходов на оплату труда, обучение, улучшение условий труда увеличиваются [16].

Динамика спроса на услуги Организации во многом зависит от поведения рынков, на которые организация выходит со своими услугами. Важное значение для оценки того, каким будет спрос на услуги Организаций на краткосрочную перспективу, имеют фиксируемые Росстатом частные индексы потребительских ожиданий населения. Так, во 2–4 кварталах 2020 года значительно большая часть населения, чем в 2019 году, посчитала, что условия для крупных покупок неблагоприятны³, что отрицательно сказалось на работе турагенств, гостиниц, занятости в них.

Для анализа влияния макроэкономических изменений на занятость и оплату труда в Организации важно учитывать цепочки создания стоимости, в которые она вовлечена. В 2022 году некоторые рестораны РФ столкнулись с проблемой прекращения зарубежных поставок необходимых ингредиентов к блюдам, что имело следствием сокращение их ассортимента в организациях общепита и падение выручки. В ряде случаев это сказалось на сокращении использования труда. Вместе с тем в связи с разрывом связей с традиционными поставщиками в ряде Организаций стали активно менять логистику, возникла острая потребность в специалистах соответствующего профиля.

Особое значение для принятия управленческих решений имеют события, происходящие в бюджетно-финансовой сфере экономики. Одним из каналов влияния макроэкономической ситуации на занятость и оплату труда является налогообложение. Люди мигрируют из страны в ответ на ужесточение налогообложения личных доходов [17]. Этот факт необходимо учитывать работодателям, у которых заняты потенциальные мигранты.

Однако возможности финансировать Организации зависят от состояния государственного бюджета, государственного долга. Ограниченные налоговые поступления, высокие значения дефицитов госбюджетов различных уровней, долга могут создавать трудности в выполнении

государством обязательств по различным направлениям финансовой поддержки бизнеса.

Дефицитным консолидированный бюджет в РФ был в 2010, 2015, 2016 гг. вследствие кризисов. Дефицит консолидированного бюджета в 2020 году составил 4 % к ВВП в связи с сокращением налоговых поступлений и увеличением госрасходов из-за локдауна. Уже с сентября 2020 года государство сократило размеры господдержки бизнеса, безработных. Эти обстоятельства учитывались после первой волны пандемии организациями в планах по изменению численности персонала, трудовой компенсации; кроме того, учитывались и физическими лицами.

Кредитно-денежная сфера экономики оказывает существенное влияние на макроэкономическую ситуацию и через нее – на производственно-финансовые и трудовые показатели организаций⁴. Предложение кредитных ресурсов воздействует на экономическую активность Организаций через спрос предпринимательского сектора, государства, домохозяйств [18]. Процентные ставки могут влиять на кадровую политику Организации через изменение уровня безработицы [19].

Государство использует ключевую процентную ставку ЦБ РФ, чтобы влиять на финансовую и социально-трудовую ситуацию в организациях. Для того чтобы поддержать бизнес и занятость в самый разгар пандемии ЦБ снизил ключевую ставку летом 2020 года до 4,25–4,5 (в 2019 она была 6,25–7,75)⁵.

Движение ключевой ставки влияет на финансовую и трудовую ситуацию организаций, которые активно пользуются кредитами, хранящими средства на депозитных счетах. Даже если Организация слабо зависит от заемных средств, процентная ставка оказывает влияние на ее инвестиционную активность: при относительно высокой ставке можно не заниматься бизнесом в реальном секторе, а выступать кредитором. Часть работников хранит сбережения на депозитных счетах, и доходы, получаемые в результате этого, выступают дополнением к зарплате. Если эти доходы сопоставимы с величиной зарплаты, работник может предпо-

⁴ Mortikov, V. V., Volonkin, V. M. (1999). Money, Credit, and Employment in a Transition Economy. *Russian & East European Finance and Trade*, 35(2), 83–92.

⁵ Ключевая ставка ЦБ РФ // Юриус. URL: <https://www.yurius.net/uchetnaya-procentnaya-stavka-refinansirovaniya-utverzhennaya-cb-rf-segodnya/> (дата обращения: 17.12.2022).

³ Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 17.12.2022).

честь неполную занятость, будет меньше стремиться к подработкам различного рода.

Для успешного функционирования Организаций их управленцам необходимо располагать информацией о мнении населения по поводу благоприятности условий для формирования сбережений: соответствующий показатель отслеживается Росстатом. Информация о приоритетности целей сбережений позволяет строить прогнозы организациям, занятым продажей путешествий, предоставлением услуг по размещению приехавших. Среди таких приоритетов сбережений россияне выделяют лечение (более трети всех сбережений направляется на это), отдых⁶.

Макроэкономическая среда, безусловно, оказывает серьезное влияние на практику управления персоналом организаций через международные торговлю, инвестиции [20], движение рабочей силы. Организации, оперирующие в других странах, использующие иностранную рабочую силу сталкиваются с повышенными неопределенностью, рисками [21].

Определенное воздействие на кадровую ситуацию в Организациях РФ оказывают и санкции зарубежных стран в отношении РФ, контрсанкции 2014–2022 годов [22], внешнеэкономические шоки [23].

Одним из факторов, влияющих на спрос Организации и соотношение цен на используемые ей ресурсы и реализуемые услуги, является

⁶ Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 17.12.2022).

ся изменение валютных курсов. В литературе анализируется влияние валютных курсов на выручку организаций через экспорт [24, 25]. Знание тенденций движения валютных курсов имеет, в частности, значение для найма и удержания профессионалов из других стран. Так, в 2014–2015 годы после падения курса рубля произошел болезненный для некоторых Организаций отъезд зарубежных рестораторов из России. Прогнозирование поведения валютного курса рубля на сегодня имеет важное значение для Организаций, которые трудоустраивают работников из ближнего зарубежья, в частности, Средней Азии, а также в штате которых есть работники, обладающие высокой межстрановой мобильностью, к примеру, IT-специалисты.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, макроэкономическая ситуация в стране и за ее пределами оказывает влияние на решения в области занятости и оплаты труда в организациях, занятых в общественном питании и гостиничном бизнесе.

В статье разработан алгоритм реакции таких организаций на изменения спроса, соотношения цен на реализуемые услуги и приобретаемые производственные ресурсы. Для этого имеет смысл отслеживать фиксируемые Росстатом макроэкономические индикаторы, влияющие на кадровую политику организаций, через их выручку и расходы. При этом для разных организаций ключевыми могут быть различные показатели. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. EVANS, M. K. (2004). *Macroeconomics for managers*. <https://doi.org/10.1002/9780470752784>.
2. CUMMING, D. J., WOOD, G., & ZAHRA, S. A. (2020). Human resource management practices in the context of rising right-wing populism. *Human Resource Management Journal*, 30(4), 525–536. <https://doi.org/10.1111/1748-8583.12269>.
3. ZAGELMEYER, S., HECKMANN, M., & KETNER, A. (2012). Management responses to the global financial crisis in Germany: adjustment mechanisms at establishment level. *The International Journal of Human Resource Management*, 23(16), 3355–3374. <https://doi.org/10.1080/09585192.2012.689162>.
4. FORSYTHE, E., KAHN, L. B., LANGE, F., & WICZER, D. (2020). Labor demand in the time of COVID-19: Evidence from vacancy postings and UI claims. *Journal of Public Economics*, 189, Article 104238. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104238>.
5. YOON, Y. H. (2021). The macroeconomic implications of the COVID-19 economic crisis: The case of South Korea. *Investigación Económica*, 80(316), 5–31. <https://doi.org/10.22201/fe.01851667p.2021.316.78971>.
6. HERZOG-STEIN, A., NÜSS, P., PEEDE, L., & STEIN, U. (2022). Germany and the United States in coronavirus distress: internal versus external labour market flexibility. *Journal for Labour Market Research*, 56(1), Article 11. <https://doi.org/10.1186/s12651-022-00316-5>.
7. ROZHKOVA, K. V., ROSHCIN, S. YU., & SOLN-

tsev, S. A. (2020). Wage adjustment practices in Russian firms. *Russian Management Journal*, 18(2), 217–234. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2020.204>.

8. ROSHCHIN, S. YU., SIDOROVA, A. S., & SOLN-TSEV, S. A. (2018). Wage structure and HR management in Russian companies. *Russian Management Journal*, 16(4), 481–498. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2018.401>.

9. КОЛЕННИКОВА О. А. Длительность поиска работы и зарплатные ожидания безработных // *Народонаселение*. 2020. Т. 23, № 3. С. 169–181. EDN WBAVGT.

10. МОРТИКОВ В. В. Управление персоналом в условиях дефицита кадров // *Вопросы управления*. 2022. № 1. С. 73–86. EDN RWUORM.

11. ВИНОКУРОВ Е. Ф. Динамика заработной платы и экономический рост: российские реалии // *Экономическая наука современной России*. 2021. № 4. С. 68–77. EDN GDTTPR.

12. MURAVYEV, A., & OSHCHERKOV, A. (2016). The effect of doubling the minimum wage on employment: Evidence from Russia. *IZA Journal of Labor & Development*, 5(1), Article 6. <https://doi.org/10.1186/s40175-016-0051-0>.

13. DEL CARPIO, X., NGUYEN, H., PABON, L., & WANG, L. C. (2015). Do minimum wages affect employment? Evidence from the manufacturing sector in Indonesia. *IZA Journal of Labor & Development*, 4(1), Article 17. <https://doi.org/10.1186/s40175-015-0040-8>.

14. GILL, I., KOETTL, J., & PASCARD, T. (2013). Full employment: A distant dream for Europe. *IZA Journal of European Labor Studies*, 2(1), Article 19. <https://doi.org/10.1186/2193-9012-2-19>.

15. DABROWSKI, M. (2022). Thirty years of economic transition in the former Soviet Union: Macroeconomic dimension. *Russian Journal of Economics*, 8(2), 95–121. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.8.90947>.

16. МОРТИКОВ В. В. Роль бюджетных ограничений в управлении персоналом организации // *Вопросы управления*. 2021. № 3. С. 135–147. EDN HZOZFF.

17. KLEVEN, H., LANDAIS, C., MUÑOZ, M., & STANTCHEVA, S. (2019). *Taxation and migration: Evidence and policy implications*. <https://doi.org/10.3386/w25740>.

18. MIAN, A., & SUFI, A. (2018). Finance and business cycles: The credit-driven household demand channel. *Journal of Economic Perspectives*, 32(3), 31–58. <https://doi.org/10.1257/jep.32.3.31>.

19. PALLEY, T. I. (2018). The natural interest rate fallacy: Why negative interest rate policy may worsen keynesian unemployment. *Investigación Económica*, 77(304), 7–39. <https://doi.org/10.22201/fe.01851667p.2018.304.66398>.

20. SAUCEDO, E., OZUNA, T., & ZAMORA, H. (2020). The effect of FDI on low and high-skilled employment and wages in Mexico: A study for the manufacture and service sectors. *Journal for Labour Market Research*, 54(1), Article 9. <https://doi.org/10.1186/s12651-020-00273-x>.

21. FARNDAL, E., HORAK, S., PHILLIPS, J., & BEAMOND, M. (2019). Facing complexity, crisis, and risk: Opportunities and challenges in international human resource management. *Thunderbird International Business Review*, 61(3), 465–470. <https://doi.org/10.1002/tie.22037>.

22. КОТЫРАО Е. С., НИКУЛИНА Ю. Н., ЗАЙЦЕВ А. А. Долгосрочный тренд снижения занятости в российском сельском хозяйстве и политика контрсанкций: был ли эффект? // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 25, № 4. С. 515–539. EDN XRTSAG.

23. ЛОМОНОСОВ Д. А., ПОЛБИН А. В., ФОКИН Н. Д. Влияние шоков мировой деловой активности, предложения нефти и спекулятивных нефтяных шоков на экономику РФ // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 25, № 2. С. 227–262. EDN AZXNJW.

24. TARASENKO, I. (2021). The impact of exchange rate volatility on trade: The evidence from Russia. *Russian Journal of Economics*, 7(3), 213–232. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.7.57933>.

25. CHEUNG, Y.-W., CHINN, M. D., & QIAN, X. (2015). China-US trade flow behavior: The implications of alternative exchange rate measures and trade classifications. *Review of World Economics*, 152(1), 43–67. <https://doi.org/10.1007/s10290-015-0232-y>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Мортиков Виталий Владимирович – доктор экономических наук, профессор; Луганский государственный университет имени Владимира Даля (91034, Луганск, квартал Молодежный, 20а); mvit2015@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 1068039, ORCID: 0000-0003-4681-2496, ResearcherID: AAL-6967-2020.

Статья получена: 22.12.2022. Заключение рецензента: 24.01.2023. Принята к печати: 05.03.2023.

MACROECONOMIC ASPECTS OF DECISION-MAKING IN THE FIELD OF PERSONNEL MANAGEMENT

Mortikov V. V.^a

^a Lugansk State University named after Volodymyr Dahl

ABSTRACT:

Relevance. Decision-making in the field of employment and remuneration, based on macroeconomic information analysis allows organizations management to adequately address various external shocks.

Materials and research methods. The factual basis of the paper is the 2019-2020 Rosstat data. The article uses the nature games and forecast assessments tools.

Scientific outcomes and discussion. The research result is the development of an algorithm of employment and remuneration response to changes in the macroeconomic situation of an organization engaged in the hotel and catering business. Production, financial and labor macroeconomic indicators in general and in industries during the pandemic period are compared. On this basis, industries are grouped depending on the reaction of these indicators to the 2020 economic decline. The use of macroeconomic indicators in making personnel decisions is analyzed. Reliability and interchangeability of various macroeconomic information while making such decisions are highlighted. Methodical materials are proposed for adequate decision-making in personnel management of organizations in the field of hospitality and catering.

Macroeconomic environment affects social and labor sphere through organization's expenses and revenue. Indicators recorded by the RF Federal State Statistics Service were divided into 2 groups, depending on their influence on mainly revenue or revenue and expenses of organizations.

The paper analyzes the influence of the organization's profitability on its staff policy. Depending on the profitability of an organization, engaged in the provision of hotel services, functioning in the field of catering, various risk zones of its staff policy are identified.

Conclusions. Company employment and remuneration are the objects of direct and indirect impact of various macroeconomic factors affecting the demand for its services, as well as the ratio of prices for the services provided and production resources used. The impact of economic dynamics, unemployment, interest rate, foreign exchange rate, international trade on social and labor situation in hotel and catering businesses is systematic, requiring deep understanding by its management.

KEYWORDS: organization, macroeconomic situation, labour market, hospitality and catering business, macroeconomic indicators.

FOR CITATION: Mortikov, V. V. (2023). Macroeconomic aspects of decision-making in the field of personnel management. *Management Issues*, 17(1), 61–73. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-1-61-73>.

REFERENCES

1. EVANS, M. K. (2004). *Macroeconomics for managers*. <https://doi.org/10.1002/9780470752784>.
2. CUMMING, D. J., WOOD, G., & ZAHRA, S. A. (2020). Human resource management practices in the context of rising right-wing populism. *Human Resource Management Journal*, 30(4), 525–536. <https://doi.org/10.1111/1748-8583.12269>.
3. ZAGELMEYER, S., HECKMANN, M., & KETNER, A. (2012). Management responses to the global financial crisis in Germany: adjustment mechanisms at establishment level. *The International Journal of Human Resource Management*, 23(16), 3355–3374. <https://doi.org/10.1080/09585192.2012.689162>.
4. FORSYTHE, E., KAHN, L. B., LANGE, F., & WICZER, D. (2020). Labor demand in the time of COVID-19: Evidence from vacancy postings and UI claims. *Journal of Public Economics*, 189, Article 104238. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104238>.
5. YOON, Y. H. (2021). The macroeconomic implications of the COVID-19 economic crisis: The case of South Korea. *Investigación Económica*, 80(316), 5–31. <https://doi.org/10.22201/fe.01851667p.2021.316.78971>.
6. HERZOG-STEIN, A., NÜSS, P., PEEDE, L., & STEIN, U. (2022). Germany and the United States in coronavirus distress: internal versus external labour market flexibility. *Journal for Labour Market Research*, 56(1), Article 11. <https://doi.org/10.1186/>

s12651-022-00316-5.

7. ROZHKOVA, K. V., ROSHCHIN, S. YU., & SOLN-TSEV, S. A. (2020). Wage adjustment practices in Russian firms. *Russian Management Journal*, 18(2), 217–234. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2020.204>.

8. ROSHCHIN, S. YU., SIDOROVA, A. S., & SOLN-TSEV, S. A. (2018). Wage structure and HR management in Russian companies. *Russian Management Journal*, 16(4), 481–498. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2018.401>.

9. KOLENNNIKOVA, O. A. (2020). Job search duration and wage expectations of the unemployed. *Population*, 23(3), 169–181. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.15>.

10. MORTIKOV, V. V. (2022). Personnel management under the conditions of staff shortage. *Management Issues*, (1), 73–86. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-1-73-86>.

11. VINOKUROV, E. F. (2021). Wage dynamics and economic growth: Russian realities. *Economics of Contemporary Russia*, (4), 68–77. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-4\(95\)-68-77](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-4(95)-68-77).

12. MURAVYEV, A., & OSHCHEPKOV, A. (2016). The effect of doubling the minimum wage on employment: Evidence from Russia. *IZA Journal of Labor & Development*, 5(1), Article 6. <https://doi.org/10.1186/s40175-016-0051-0>.

13. DEL CARPIO, X., NGUYEN, H., PABON, L., & WANG, L. C. (2015). Do minimum wages affect employment? Evidence from the manufacturing sector in Indonesia. *IZA Journal of Labor & Development*, 4(1), Article 17. <https://doi.org/10.1186/s40175-015-0040-8>.

14. GILL, I., KOETTL, J., & PACKARD, T. (2013). Full employment: A distant dream for Europe. *IZA Journal of European Labor Studies*, 2(1), Article 19. <https://doi.org/10.1186/2193-9012-2-19>.

15. DABROWSKI, M. (2022). Thirty years of economic transition in the former Soviet Union: Macroeconomic dimension. *Russian Journal of Economics*, 8(2), 95–121. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.8.90947>.

16. MORTIKOV, V. V. (2021). The role of budget constraints in human resources management of organization. *Management Issues*, (3), 135–147. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-3-135-147>.

17. KLEVEN, H., LANDAIS, C., MUÑOZ, M.,

& STANTCHEVA, S. (2019). *Taxation and migration: Evidence and policy implications*. <https://doi.org/10.3386/w25740>.

18. MIAN, A., & SUFI, A. (2018). Finance and business cycles: The credit-driven household demand channel. *Journal of Economic Perspectives*, 32(3), 31–58. <https://doi.org/10.1257/jep.32.3.31>.

19. PALLEY, T. I. (2018). The natural interest rate fallacy: Why negative interest rate policy may worsen keynesian unemployment. *Investigación Económica*, 77(304), 7–39. <https://doi.org/10.22201/fe.01851667p.2018.304.66398>.

20. SAUCEDO, E., OZUNA, T., & ZAMORA, H. (2020). The effect of FDI on low and high-skilled employment and wages in Mexico: A study for the manufacture and service sectors. *Journal for Labour Market Research*, 54(1), Article 9. <https://doi.org/10.1186/s12651-020-00273-x>.

21. FARNDAL, E., HORAK, S., PHILLIPS, J., & BEAMOND, M. (2019). Facing complexity, crisis, and risk: Opportunities and challenges in international human resource management. *Thunderbird International Business Review*, 61(3), 465–470. <https://doi.org/10.1002/tie.22037>.

22. KOTYRLO, E. S., NIKULINA, YU. N., & ZAYTSEV, A. A. (2021). Long-term trend employment decline in Russian agriculture and countersanctions policy: Was there any effect?. *Higher School of Economics Economic Journal*, 25(4), 515–539. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2021-25-4-515-539>.

23. LOMONOSOV, D. A., POLBIN, A. V., & FOKIN, N. D. (2021). The impact of global economic activity, oil supply and speculative oil shocks on the Russian economy. *Higher School of Economics Economic Journal*, 25(2), 227–262. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2021-25-2-227-262>.

24. TARASENKO, I. (2021). The impact of exchange rate volatility on trade: The evidence from Russia. *Russian Journal of Economics*, 7(3), 213–232. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.7.57933>.

25. CHEUNG, Y.-W., CHINN, M. D., & QIAN, X. (2015). China-US trade flow behavior: The implications of alternative exchange rate measures and trade classifications. *Review of World Economics*, 152(1), 43–67. <https://doi.org/10.1007/s10290-015-0232-y>.

AUTHORS' INFORMATION:

Vitaliy V. Mortikov – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Lugansk State University named after Volodymyr Dahl (20a, Molodezhny Quarter, Lugansk, 91034); mvit2015@mail.ru. RSCI Author-ID: 1068039, ORCID: 0000-0003-4681-2496, ResearcherID: AAL-6967-2020.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT
and PUBLIC ADMINISTRATION

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИЕЙ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Резер Т.М.^а, Григоренко Я.А.^а

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

Цель. Проанализировать на основе компаративного анализа социально-политическую и историческую ситуации конца XVI – начала XXI вв. в Уральском федеральном округе и выявить факторы и тенденции государственного управления, обусловившие современную демографическую ситуацию с позиции заявленных аспектов.

Методы. В исследовании применен метод компаративного анализа демографической ситуации в Уральском федеральном округе в разные исторические периоды, статические и библиометрические методы исследования исторических источников для определения причин современного демографического кризиса.

Результаты. Установлено, что современные демографические кризисы в современных субъектах РФ Уральского федерального округа обусловлены выявленной исторической особенностью, проявившейся в государственном управлении, – это развитие городов вблизи разработки новых ресурсов и полезных ископаемых. Это обстоятельство повлияло на неравномерность демографического развития населения в Курганской, Свердловской и Челябинской областях.

Научная новизна заключается в теоретическом обосновании классификации государственного управления демографическими процессами в УрФО с конца XVI века по настоящее время, а также в определении с позиции социально-политических и исторических аспектов факторов и тенденций государственного управления, обусловивших современную демографическую ситуацию в Уральском федеральном округе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство, факторы управления, тенденции управления, субъекты РФ, население, демографический кризис, социально-политический аспект, исторический аспект.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Резер Т. М., Григоренко Я. А. Государственное управление демографической ситуацией в Уральском федеральном округе // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 1. С. 75-89. EDN QTGAKS.

■ ВВЕДЕНИЕ

История государственного управления демографическими процессами в Уральском федеральном округе начинается с XVI века, когда Урал вошел в состав Русского государства. С тех пор на протяжении четырехсот лет менялась не только карта Урала, но численность его населения, а также видоизменялись принимаемые государственные решения в сфере народонаселения на осваиваемых территориях.

Первые значительные изменения в развитии демографической ситуации произошли во второй половине XVII в. и в начале XVIII в., когда началось промышленное освоение «Каменного пояса», благодаря чему на уральскую землю стали прибывать люди и осваивать ресурсы, заселять земли. Минует еще одно столетие, когда начнется административная реформа в России и впервые будут обозначены более четкие границы субъектов Уральского федерального

округа (УрФО). А в конце XIX века в России будет проведена перепись населения, давшая первые полноценные и точные сведения о численности населения в стране в целом, и на Урале, в частности.

Основной вехой формирования демографической обстановки в УрФО стал XX век. В этот период произошло не только окончательное формирование границ регионов Уральского федерального округа, но и были заданы тенденции демографического развития каждого субъекта, обусловленные историческими, социально-экономическими и политическими событиями соответствующего периода развития. Собственно, они и обусловили неравномерность демографического развития субъектов Уральского федерального округа, а точнее, депопуляцию населения в Курганской, Свердловской и Челябинской областях.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В основу методологии исследования положена теория развития человеческого потенциала на основе устойчивого развития социально-экономических систем и сохранения политического строя в стране. В исследовании использовался метод компаративного анализа демографической ситуации в Уральском федеральном округе в разные исторические периоды, политические режимы и социально-экономические условия (конец XIX – начало XXI вв.). Статистические и библиометрические методы исследования позволили выявить основания для оценки современного демографического кризиса.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С помощью метода компаративного анализа государственного управления в сфере демографической ситуации были исследованы социально-политический и исторический аспекты с конца XVI до начала XXI вв. в Уральском федеральном округе и выделены факторы и тенденции государственного управления, обусловившие современную демографическую ситуацию в регионе, в частности, демографические кризисы в Курганской, Свердловской и Челябинской областях.

К факторам государственного управления, оказывающим влияние на демографическую ситуацию в регионе, можно отнести следующие положения:

- исторически неравномерное с позиции государственного управления освоение Урала, связанное с географическими, климатическими и природными условиями;
- социально-политическая, историческая и производственная особенности появления населенных пунктов, в которых концентрировалась основная часть населения Урала. Особенности заключались в назначении и построении городов для освоения находящихся вблизи месторождений полезных ископаемых;
- проводимая государством политика исторически была направлена на рост экономической мощи государства в уральском регионе и основывалась на горнодобывающей промышленности и сельскохозяйственном секторе народного хозяйства;
- государственное управление, обусловленное последствиями военных конфликтов, способствовавших увеличению численности населения на Урале за счет миграции в военное время;
- постоянные внешние миграционные процессы, происходившие на Урале и ставшие неотъемлемой частью государственного управления отдельными регионами;
- неоднородность демографических процессов в регионах, которая долгое время развивалась в одном векторе экономической деятельности, что стало следствием тяжелых социально-экономических и политических событий, произошедших в истории страны.

Авторами разработана классификация государственного управления демографическими процессами в УрФО с конца XVI века по XXI вв. с учетом исторических, социально-политических и социально-экономических событий, что представлено на рисунках 1 и 2. Для более полного понимания факторов и тенденций государственного управления демографической ситуацией в Уральском федеральном округе в классификации выделены периоды, этапы и стадии.

Результаты исследования показали, что прослеживаются тенденции в сфере государственного управления демографическими процессами в УрФО и оказывают влияние на демографическую ситуацию в современный исторический период. К ним относятся следующие тенденции:

- освоение государством с конца XVI века новых территорий на Урале;
- военные столкновения и конфликты, повлекшие миграцию населения на территорию Урала;

- государственная поддержка на протяжении всего исторического периода развития промышленного потенциала региона;
- неблагоприятные условия природы, непростые социально-экономические условия для проживания, вспышки голода;
- изменение коэффициента рождаемости на одну женщину в силу социально-политических условий того времени;
- политические репрессии, нестабильность государственного аппарата и политической обстановки в стране, падение рождаемости и рост смертности населения.

Таким образом, выделенные факторы и тенденции государственного управления уже со вре-

мен Российской империи оказывают влияние на демографическую ситуацию в регионе в целом.

Так, в Уральском федеральном округе наблюдается особенность, заключающаяся в неравномерности и противоположности демографических процессов, связанных с естественным движением населения в его субъектах. Например, для Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов характерно стабильное увеличение численности населения. В то же время иная ситуация происходит в Курганской, Свердловской и Челябинской областях, в которых наблюдается длительное сокращение численности населения, что приводит к демографическому кризису.

Рис. 1. Классификация государственного управления демографическими процессами в УрФО с конца XVI в. и по 90-е гг. XIX в.

Fig. 1. Classification of state management of demographic processes in the Ural Federal District from the end of the XVI century to the 90s of the XIX century

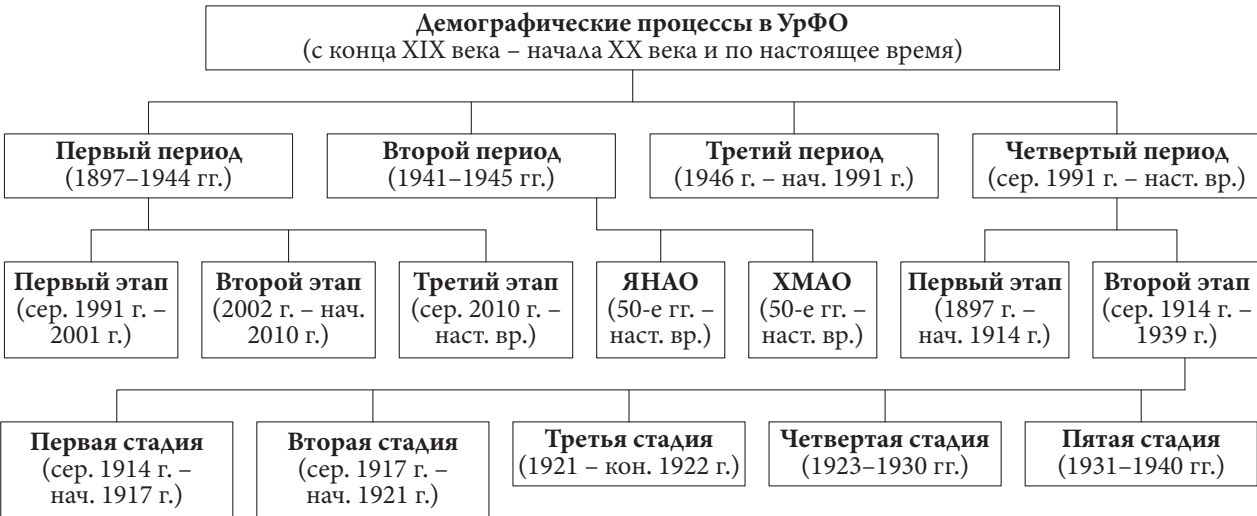

Рис. 2. Классификация государственного управления демографическими процессами в УрФО с конца XIX в. по настоящее время

Fig. 2. Classification of state management of demographic processes in the Ural Federal District from the end of the XIX century to the present

Таблица 1 – Первые русские города на территории современного УрФО
Table 1 – The first Russian cities on the territory of the modern Ural Federal District

Название города	Год основания	Субъекты РФ УрФО	Административный центр
Ханты-Мансийск	1582 г.*	Ханты-Мансийский АО – Югра	Округа
Тюмень	1586 г.	Тюменская область	Области
Тобольск	1587 г.	Тюменская область	Городского округа
Берёзово	1593 г.	Ханты-Мансийский АО – Югра	Района
Пелым	1593 г.	Свердловская область	Городского округа
Сургут	1594 г.	Ханты-Мансийский АО – Югра	Района
Салехард (Обдорск)	1595 г.	Ямало-Ненецкий автономный округ	Округа
Верхотурье	1598 г.	Свердловская область	Городского округа

* Долгое время годом основания Ханты-Мансийска считался 1637 г., когда был основан поселок Самаровский Ям, ставший после села Самарово, на месте которого со временем образовался город Остяко-Вогульск, позже переименованный в Ханты-Мансийск. Последние открытия историков изменили вышеупомянутую точку зрения о дате основания Ханты-Мансийска, поскольку существуют летописи конца XVI века, согласно которым основание города датируется 1582 годом.

Источник: составлено авторами.

Демографический кризис – это резкое, как правило, массовое изменение численности населения на определенной территории, имеющей свои особенности. Под демографическим кризисом может пониматься как убыль населения, так и перенаселение территорий. В первом случае убыль населения обусловлена тем, что в государстве или регионе идет спад рождаемости, находящейся ниже уровня простого воспроизводства населения и уровня смертности населения.

Демографический кризис в Курганской, Челябинской и Свердловской, областях является государственной проблемой, имеющей стратегический характер решения и требующей применения комплексных мер. Ситуация усугубляется тем, что явной тенденции роста населения в данных областях не наблюдается, напротив, отмечается быстрый рост негативных последствий в этой сфере, включая и старение населения.

Целесообразно заметить, что исторические и политические особенности административно-территориального устройства Урала, а также его природно-экономическая составляющая обусловили демографическое развитие. Поэтому обратимся к историческим аспектам, чтобы проанализировать последовательность процессов и опередить их влияние на демографическую ситуацию в Уральском федеральном округе.

■ ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Образование современных пределов границ УрФО и его субъектов началось еще в XVI веке, когда произошло вхождение территорий Урала и Сибири в состав Русского государства. К концу XVI века на территории УрФО были постро-

ены первые русские города, ставшие в то время административными и торгово-промышленными центрами [1; 2]. Многие из них и по сей день сохраняют за собой административный статус в соответствии с территорией, на которой они были расположены первоначально [2; 3]. Годы основания, современная территория расположения как субъекта РФ и административный статус первых русских городов на Урале даны в таблице 1.

Первые города на Урале, построенные в конце XVI века, предопределили дальнейшее административно-территориальное устройство новых земель и определялись проводимой государством политикой на этих территориях. Новые земли обладали обширными запасами природных ресурсов, в число которых вошли полезные ископаемые, древесина, плодородные почвы, реки, являвшиеся не только торговыми путями, но и позже ставшие источником энергии для работы промышленных предприятий [3–5].

С начала XVII века и до его середины государственное управление было направлено по-прежнему на освоение новых плодородных земель, в число которых вошли территории современных Свердловской и Челябинской областей. Спустя почти полвека после начала развития сельского хозяйства произошло становление горнодобывающей и металлургической промышленности в этих регионах УрФО, что в дальнейшем и способствовало образованию на карте Урала новых городов, образованных вокруг заводов, становившихся затем градообразующими предприятиями [6].

В промежутке между 1700 и 1799 гг. на Урале было построено 45 городов, значительная часть

Таблица 2 – Города, основанные в XVIII в. на Урале
Table 2 – Cities founded in the XVIII century in the Urals

Регион	Классификация городов и поселений			
	Города-заводы	Крепости	Острог	Поселения
Курганская область	—	—	Куртамыш (1745)	Щучье (1750), Петухово (1779), Макушино (1797)
Свердловская область	Каменск-Уральский (1701), Невьянск (1701), Верхний Тагил (1718)*, Полевской (1718), Нижний Тагил (1722), Екатеринбург (1723), Первоуральск (1732), Сысерть (1732), Талица (1732), Ревда (1734), Кушва (1735), Верхняя Тура (1737), Нижние Серги (1743), Берёзовский (1748), Нижняя Тура (1754), Красноуральск (1758), Североуральск (1758), Карпинск (1759), Нижняя Салда (1760), Реж (1773), Верхняя Салда (1778)	Красноуфимск (1736)	—	Сухой Лог (1710)
Тюменская область	Заводоуковск (1729)	—	—	—
Челябинская область	Касли (1747)**, Нязепетровск (1747), Златоуст (1754), Катав-Ивановск (1755), Бакал (1757), Кыштым (1757), Сатка (1758), Усть-Катав (1758), Юрюзань (1758), Сим (1759), Верхний Уфалей (1761), Миныйя (1771), Миасс (1773), Куса (1778)	Верхнеуральск (1734), Чебаркуль (1736), Челябинск (1736), Магнитогорск (1743), Троицк (1743)	—	Коркино (1746)

* В 1682 году было построено поселение на месте нынешнего города. ** Основан в 1746 году как поселок Каслинский.

Источник: составлено авторами.

которых была образована вокруг заводов [7; 8]. Однако надо заметить, что в то время строились и крепости, служившие для отражения набегов кочевых племен. В этот же период активно обосновывались поселения на территориях с землями, пригодными для ведения сельского хозяйства [9]. В дальнейшем строительство крепостей и поселений стало общей тенденцией в сфере государственного управления уральским регионом, а затем и определили историческую и социально-экономическую специфику Урала, так как каждый город становился промышленным центром, опираясь на особенности ресурсов и производств, расположенных на территории [10–12]. Перечень и классификация городов по административному статусу: город-завод, крепость, острог, поселение, построенных на Урале в XVIII веке представлены в таблице 2.

Исходя из данных таблицы 2 следует, что из 45 городов, построенных на Урале в XVIII веке 40 были возведены на землях Свердловской (23 города) и Челябинской (17 городов) областей. Развитие промышленности и сельского хозяйства на этих территориях способствовало росту числа городов и формированию административно-территориальное устройство будущих регионов, а также и сопутствовало увеличению численности населения [12].

В конце XVIII века Екатериной II повсеместно проводились административные реформы, благодаря которым появились современные границы регионов Уральского федерального округа. Спустя еще столетие будет проведена первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года [13]. Важно подчеркнуть, что в XIX веке происходил активный рост увеличения численности населения в пределах современных субъектов РФ УрФО, входивших тогда в составе Оренбургской, Пермской и Тобольской губерний [14]. Результаты первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по волостям, округам и уездам на территории современного УрФО показаны в таблице 3.

В XX веке произошло не только окончательное формирование границ регионов Уральского федерального округа, но и произошло формирование будущих тенденций развития демографических процессов, повлиявших на демографическую ситуацию в целом по региону. Следует отметить, что данное обстоятельство обуславливается как один из факторов, оказывавший влияние на государственное управление в сфере демографической политики.

События, последующие после Первой мировой войны, коренным образом повлияли на

Таблица 3 – Численность населения по волостям, округам и уездам на территории современного Уральского федерального округа по итогам всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.**Table 3** – Population by volosts, districts and counties in the territory of the modern Ural Federal District according to the results of the general population census of the Russian Empire in 1897

Субъект УрФО	Состав субъекта на момент переписи 1897 г.	Территория (верст)	Численность населения (чел.)
Курганская область	Курганский округ	20 281,6	260 095
<i>Подытог:</i>	—	20 281,6	260 095
Свердловская область	Екатеринбургский округ	24 078,1	412 296
	Верхотурский округ	55 812,3	270 866
	Красноуфимский округ	21 514,2	259 165
	Камышловский округ	13 308,2	248 128
	Ирбитский округ	8 888,0	159 068
	Туринский округ	67 008,6	68 719
<i>Подытог:</i>	—	190 609,4	1 418 242
Тюменская область	Ишимский округ	37 604,6	269 031
	Тобольский округ	108 296,0	127 860
	Тюменский округ	15 608,0	121 357
	Ялуторовский округ	18 944,9	188 450
<i>Подытог:</i>	—	180 453,5	706 698
Ханты-Мансийский АО – Югра	Берёзовский округ	604 442,2	11 406*
	Сургутский округ	220 452,4	7 747
<i>Подытог:</i>	—	824 894,6	19 153
Челябинская область	Троицкий уезд	20 551,1	201 231
	Челябинский уезд	28 893,7	413 072
<i>Подытог:</i>	—	49 444,8	614 303
Ямало-Ненецкий АО	Куноватская волость	604 442,2**	10 005
	Обдорская волость		
	Самоедская волость		
<i>Подытог:</i>	—	—	10 005
Итого:		1 265 683,9	3 028 496

* По данным проведенной переписи, следует, что в Берёзовском округе проживало 21 411 чел. При этом в его состав входила значительная часть земель ЯНАО, а именно три волости: Куноватская, Обдорская и Самоедская. На землях трех волостей жили 10 005 чел., следовательно, жители трех волостей вошли в общую цифру по округу, но для более точной подачи данных они были обособлены.

** Значительная часть территории Ямало-Ненецкого автономного округа в ту пору входила в состав Берёзовского округа, поэтому это осложняет возможность дать точную цифру территориальной протяженности ЯНАО в конце XIX века.

Источник: составлено авторами.

демографическую ситуацию в УрФО, поэтому для проведения анализа надо было принять во внимание довоенную обстановку численности населения. На основании данных статистических ежегодников Российской Империи, издаваемых с 1904 по 1916 гг., в таблице 4 представлены сведения о численности населения в субъектах УрФО в пределах их современных границ за указанный публикационный период¹.

На основании анализа данных, представленных в таблице 4, следует, что с 1904 по 1916 гг. на Урале происходил рост населения и его суммарная численность к 1916 г. достигла 5 296,4 тыс. человек.

Далее обратимся к рассмотрению демографической ситуации в период Первой мировой войны и последующих за ней социально-поли-

тических событий, оказавших влияние на историю страны, историю и развитие Урала, а также на численность населения.

Первая стадия (середина 1914 г. – начало 1917 г.) второго этапа связана с событиями Первой мировой войны 1914–1918 гг. Военные действия обусловили миграционные потоки беженцев на Урал. Значительная часть мигрантов была с территорий, которые попали под оккупацию Германской империи. По подсчетам экспертов, за время боевых действий «империалистической войны» на Урале осело 2 млн. человек [15].

Вторая стадия (середина 1917 г. – начало 1921 г.) второго этапа связана с Гражданской войной в России в 1917–1922 гг. Жители центральных, восточных и южных регионов расколотой братоубийственной войной страны бежали на Урал подальше от военных действия. В сфере государственного управления произошло следующее: в 1919 г. Екатеринбургский, Челябин-

¹ Статистические ежегодники Российской Империи 1904–1916. URL: <http://xn----ptbafkfgbdujm8krb.xn--p1ai/index.php> (дата обращения: 16.11.2022).

Таблица 4 – Численность населения в субъектах УрФО в пределах их современных границ с 1904 по 1916 гг.**Table 4** – Population in the subjects of the Ural Federal District within their modern borders from 1904 to 1916

Год	Субъекты УрФО (в тыс. чел.)				
	Курганская обл.	Свердловская обл.	Тюменская обл.	ХМАО – Югра*	Челябинская обл.
1904	645,8	1 574,8	781,1	33,5	1 127,0
1905	656,3	1 597,1	788,5	34,1	1 153,2
1906	668,7	1 619,9	800,9	34,8	1 178,5
1907	682,3	1 668,4	813,1	36,0	1 211,1
1908	698,0	1 697,7	827,1	37,2	1 248,1
1909	713,5	1 730,4	855,3	39,0	1 287,1
1910	736,2	1 764,3	876,3	41,2	1 328,8
1911	744,9	1 796,8	894,5	43,2	1 347,0
1912	766,0	1 832,2	918,1	44,2	1 400,0
1913	776,6	1 864,0	943,6	45,4	1 381,6
1914	797,0	1 913,6	956,3	46,7	1 403,5
1915	819,9	1 939,8	970,4	48,3	1 438,5
1916	829,7	1 965,1	982,2	49,8	1 469,6

* Ранее было отмечено, что нынешняя территория ЯНАО входила в состав Берёзовского округа, поэтому все подсчитанное население относилось в окружное, а не делилось по волостям, что в свою очередь осложняет дать оценку его численности.

Источник: составлено авторами.

Таблица 5 – Численность населения субъектов УрФО в пределах их современных границ с 1925 по 1930 гг.**Table 5** – Population of the subjects of the Ural Federal District within their modern borders from 1925 to 1930

Год	Субъекты УрФО (в тыс. чел.)			
	Курганская обл.	Свердловская обл.	Тюменская обл. (с учетом ХМАО и ЯНАО)*	Челябинская обл.
1925	1 126,6	1 379,5	1 078,3	969,3
1926	1 149,8	1 429,1	1 093,2	997,7
1927	1 184,5	1 487,5	1 138,0	1 036,1
1928	1 217,7	1 557,6	1 176,2	1 087,6
1929	1 255,7	1 629,1	1 220,7	1 158,1
1930	1 289,6	1 884,4	1 075,1	1 174,5

* В период проведения переписей земли ХМАО и ЯНАО входили в состав Тюменской области, поэтому при статистическом учете населения не было формального и четкого территориального разделения.

Источник: составлено авторами.

ский уезды были переименованы в губернии. Годом позже на карте Урала появится Тюменская губерния. А еще спустя три года будет создана Уральская область, в состав которой вошли Екатеринбургская, Тюменская и Челябинская губернии, а также Курганский уезд.

Третья стадия (1921 г. – конец 1922 г.) второго этапа обусловлена голодом, который наиболее остро проявился в Курганском, Свердловском и Челябинском уездах, а также эта стадия связана с окончанием Гражданской войны в России.

Четвертая стадия (1923–1930 гг.) второго этапа ведет свое начало с образования Уральской области². На основании статистики того периода и учета административно-территориального деления округов и границ Уральской

области можно установить численность населения субъектов УрФО. В таблицах 5 и 6 представлены статические данные о численности населения в субъектах УрФО в пределах их современных границ с 1925 по 1930 гг. [16;17].

Начиная с середины 20-ых годов XX века наметился рост численности населения в границах современного УрФО, однако он сопровождался всплесками эпидемий, неурожаями, голодными годами и периодическими территориальными изменениями. Так, с 1926 по 1928 гг. на Урале произошел демографический переход, представляющий собой процесс, когда происходит переход от высокого уровня рождаемости и смертности населения к низкому, длящийся вплоть до 1979–1989 гг. В данный временной отрезок случилось стремительное изменение суммарного коэффициента рождаемости

² О введении в действие Положения об Уральской области : Постановление ВЦИК СССР от 03.11.1923 г.

Таблица 6 – Численность населения субъектов УрФО в пределах их современных границ с 1931 по 1932 гг.**Table 6** – Population of the subjects of the Ural Federal District within their modern borders from 1931 to 1932

Год	Субъекты УрФО (в тыс. чел.)					
	Курганск. обл.	Свердлов. обл.	Тюменск. обл.	ХМАО – Югра	Челябинск. обл.	ЯНАО
1931	1 034,7	2 081,3	883,7	92,4	1 362,4	20,4
1932	988,1	2 318,4	938,5	105,5	1 391,1	24,4

Источник: составлено авторами.

сти, связанного непосредственно с положительными политическими и социально-экономическими процессами, происходившими в стране и в Уральском регионе.

К началу 30-х годов суммарный коэффициент рождаемости в рабочих и крестьянских семьях в регионе, входящих на тот момент в состав Уральской губернии, сократился в 4 и 3,6 раза соответственно. Если ранее на одну женщину в рабочей среде приходился показатель в 7,2 детей, то после демографического перехода это значение стало равно 1,8 ребенка на одну женщину. В крестьянских семьях суммарный коэффициент рождаемости сократился с 6,8 до 1,9 детей на одну женщину [18–20].

В следующем десятилетии для Урала и всей страны наступили тяжелые времена, связанные с репрессиями и несколькими вспышками голода.

Завещающая первый период пятая стадия (1931–1940 гг.) второго этапа выпала на голод 1932–1933 гг. и «Большой террор» 1937–1938 гг., унесших жизни сотен тысяч людей и тяжело отразившихся на демографической ситуации в регионах. По подсчетам экспертов, с 1932 по 1933 гг. на Урале от голода умерло от 258 тыс. до 324 тыс. человек. Только за несколько лет голодная смерть унесла жизни 582 тыс. чел.³

Далее государством было принято новое решение, и в 1934 г. Уральская область была упразднена и разделена на три области: Обско-Иртышскую, Челябинскую и Свердловскую⁴. А спустя три года в России начался период, связанный с политическими репрессиями. Касаясь вопроса о жертвах репрессий, можно сделать

опору на открытые списки, которые постепенно пополняются новыми данными и тем самым восстанавливают историческую память о трагичных страницах прошлого. Согласно открытым данным, в Курганской, Свердловской и Челябинской областях были подвергнуты террору 13 945, 32 552 и 37 041 тыс. человек соответственно. В Тюменской области жертвами репрессий стали 7 496 тыс. чел.⁴

Второй период в развитии демографической ситуации в УрФО пришелся на Великую Отечественную войну в 1941–1945 гг. Подобно тому, как менее чем четверть века назад на Урал бежали люди от Гражданской войны, так начались новые массовые эвакуации населения в уральский регион. За годы войны на Урал было эвакуировано 1 666 077 человек, из которых 1 209 008 – в Свердловскую область, 357 069 – в Челябинскую и 100 000 – в Тюменскую область, входившую тогда вместе с ХМАО и ЯНАО в Обско-Иртышскую область [21–22]. Курганская область на тот момент была в составе Челябинской и в 1943 г. была выделена, как самостоятельная административно-территориальная единица⁵. Спустя еще год утвердились современные границы и образовалась Тюменская область в составе с ХМАО и ЯНАО.

Третий период (1946 г. – начало 1991 г.) в развитии демографической ситуации в Уральском федеральном округе начался в послевоенные годы и продлился до распада Советского союза. В Курганской, Свердловской, Тюменской и Челябинской областях население в этот период неуклонно и практически без особых отклонений росло. Для Курганской, Свердловской и Челябинской областей окончание данного периода было пиковым по численности населения, на уровень которого эти регионы не могут выйти до настоящего времени.

³ География голода // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0101/tema03.php> (дата обращения: 16.11.2022)

О разделении Уральской области: Постановление ВЦИК от 17.01.1934 г.

⁴ По некоторым данным число жертв политических репрессий в Тюменской области составило 5 971 чел. В ХМАО и ЯНАО 922 и 381 человек соответственно. И все ранее упомянутые цифры равны 7 274 чел., поэтому указанная цифра в 7 496 чел. может быть общей по трем субъектам.

Список жертв репрессий Курганской области. Данные Управления внутренних дел. URL: https://bessmertnybarak.ru/books/spisok_kurgan/page-1/ (дата обращения: 18.11.2022).

⁵ Книга Памяти (1945–2020): Юбилейное историко-популярное издание / Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. Тюмент, 2020. 228 с.

Таблица 7 – Города, основанные в ХМАО и ЯНАО во второй половине XX в.**Table 7** – Cities founded in KhMAO and YaNAO in the second half of the XX century

Наименование	Города ХМАО		Наименование	Города ЯНАО	
Вид месторождения полезного ископаемого	Название города	Города выросшие за счет добычи	Вид месторождения полезного ископаемого	Название города	Города выросшие за счет добычи
Газ	Югорск (1962), Белоярский (1969)	—	Газ	Новый Уренгой (1975)	Лабытнанги, Надым
Нефть	Нефтеюганск (1961), Нягань (1965), Пыть-Ях (1969), Когалым (1975), Лангепас (1980), Покачи (1984)	Лянтор, Мегион, Урай	Нефть	Муравленко (1984), Губкинский (1986)	Тарко-Сале
Газ/Нефть	Радужный (1973)	Сургут	Газ/Нефть	—	Ноябрьск (1975)

Источник: составлено авторами.

Следует отметить, что в этот период исторического развития другие два субъекта Уральского федерального округа, а именно ХМАО и ЯНАО имели положительную демографическую динамику. Именно в них в это время произошел значительный прирост численности населения. Опираясь на данные переписи населения, проведенные в 1959 и 1991 гг., необходимо сделать следующий вывод, что население ХМАО и ЯНАО выросло в 10,3 и 7,9 раз соответственно⁶. Прирост населения произошел с 123 926 человек до 1 280 139 в ХМАО, с 62 334 человек до 488 577 человек в ЯНАО. Значительный прирост населения стал следствием открытия нефти и газа в этих регионах. Следует отметить определившуюся особенность в государственном управлении основания городов в ХМАО и ЯНАО, которая оказалась аналогичной той, что существовала в XVIII веке, когда на Урале возводились города рядом с месторождением тех или иных полезных ископаемых [23; 24].

Из данных таблицы 7 очевидно, что из 12 городов, основанных в связи с добычей нефти и газа в ХМАО и ЯНАО, значительная часть была основана на местах нефтяных месторождений. Из таких городов шесть основано в ХМАО и 2 в ЯНАО. Добыча нефти и газа способствовала не только социально-экономическому развитию двух округов, но и демографическому росту в них, что можно связать с эффективностью государственного управления.

С распадом Советского союза начался четвертый период в демографическом развитии Уральского федерального округа, происходя-

щий и в современных социально-экономических условиях.

Первый этап (1991–2001 гг.) четвертого периода совпал с началом новейшей истории России. Тяжелейшая экономическая ситуация, развернувшийся на ее фоне социальный кризис, а также политическая обстановка и нестабильность функционирования государственного аппарата способствовали ухудшению демографической ситуации в стране и, в частности, на территории УрФО. Именно с тех пор депопуляция населения стала неотъемлемой частью демографической ситуации для Курганской, Свердловской и Челябинской областей, а следовательно, и проблемой для государственного управления на территории этих субъектов РФ.

С 1991 по 2001 гг. население Курганской, Свердловской и Челябинской областей сократилось на 57 903 человек, 220 307 человек и 62 424 человек соответственно⁷. В каждой из областей региона демографический кризис был вызван различными причинами. Сложная социально-экономическая ситуация привела к оттоку населения из Курганской области. Так, в 1990 г. этот регион покинуло 53 774 человек. В 1995 г. миграционный отток населения сократился на 33 %, а спустя ещё пять лет на 53 % в сравнении с 1990 г.⁸ Справедливости ради надо отметить, что в начале этого столетия миграция населения в Курганской области сократилась по сравнению с 90-и годами, но отрицательный миграционный поток остался неиз-

⁶ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.12.2022).

⁸ Статистический ежегодник Курганской области : Стат. сб. / Курганстат. Курган, 2014. 275 с. ISBN 978-5-9904227-7-3. URL: [https://sverdl.gks.ru/storage/mediabank/2014\(10\).pdf](https://sverdl.gks.ru/storage/mediabank/2014(10).pdf) (дата обращения: 12.12.2022).

менным показателем в демографической ситуации этого субъекта РФ Уральского федерального округа.

Из вышеприведенных данных очевидно, что наиболее остро демографический кризис проявился в Свердловской области. Основным неблагоприятным фактором, способствующим развитию депопуляции населения в области, стала низкая рождаемость на фоне высокого уровня смертности. Так, на 670 тыс. умерших пришлось 418 тыс. родившихся, в 90-ые годы прошлого столетия смертность по России в 1,5 раза превышала рождаемость, а в Свердловской области и вовсе в 1,6 раза [25–27].

Что касается Челябинской области, то в ней произошла ситуация, аналогичная Свердловской области. В 1990 г. в области было 48 599 новорожденных и 38 367 умерших. В 1995 и 2000 гг. рождаемость сократилась на 32 и 33 %, а смертность увеличилась на 30 % и 32 % по отношению к 1990 году. Отрицательные колебания коснулись Тюменской области, а также ХМАО и ЯНАО, но они не стали постоянным явлением в демографическом развитии у этих субъектов РФ [28; 29].

Второй этап (2002–2010 гг.) четвертого периода демографической ситуации в УрФО можно охарактеризовать как стабилизацию демографической ситуации в Уральском федеральном округе. К концу указанного периода наметилась положительная тенденция, заключающаяся в росте населения в целом в УрФО. Данная тенденция стала возможна благодаря принятым решениям государством и проводимой государственной политике в этой сфере. Изменение и улучшение демографической ситуации произошло в Свердловской и Челябинской областях.

Нельзя не выделить стабильную положительную динамику роста населения в Тюменской области, ХМАО и ЯНАО [30]. Относительно Свердловской и Челябинской областей, с начала 2000-ых в них началось снижение смертности и увеличение рождаемости, позволившее изменить в положительную сторону не только демографическую ситуацию в Уральском федеральном округе. В 2005 году рождаемость в Свердловской и Челябинской областях увеличилась на 16 % и 12 % к 2000 году. В Свердловской об-

ласти за аналогичный промежуток сократилась смертность на 3 %. К 2010 г. рождаемость в Свердловской и Челябинской областях выросла на 33 % и 30 % соответственно, а смертность в них сократилась на 18 % и 11 % по отношению к началу нулевых годов этого столетия. В Курганской области отрицательная динамика усугубилась значительным ростом миграций из региона.

Третий этап четвертого периода развития демографической ситуации в Уральском федеральном округе с 2010 г. по настоящее время, как ранее уже отмечено, был наполнен первыми положительными динамиками в демографическом развитии округа и, в частности, Свердловской и Челябинской областях. С 2012 г. по 2016 и 2017 гг. в обоих регионах наблюдался положительный прирост численности населения [31]. Положительная динамика демографического развития в регионах отчасти стала благодаря эффективности государственного управления и сохранению социально-ценностных ориентаций у молодежи в современных социально-экономических и культурных условиях [32; 33].

В целом, по Уральскому федеральному округу с 2011 г. по 2018 г. происходила положительная динамика роста населения. Однако в последующие годы, за исключением 2020 г., в Уральском федеральном округе начала наблюдаться опять некоторая депопуляция населения.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Демографическая ситуация в Уральском федеральном округе на протяжении своего четырехсотлетнего развития была тесно связана с событиями, происходившими в истории страны. Урал стал местом, где ковалась не только экономическая мощь, но и оружие победы России во многих войнах. Во многих событиях, которые сполна описывают величие и мощь России Уральский федеральный округ сыграл не последнюю роль, служив надежной опорой отечеству. Однако главную роль здесь сыграли люди, которые в разные периоды осваивали территории, осуществляли экономический подъем, укрепляли обороноспособность страны и по сегодняшний день строят будущее регионов, округа и страны. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Анимица Е. Г.** Города Среднего Урала. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1975. 304 с.
2. **Оборин В. А.** Некоторые особенности формирования и развития городов на окраинах Русского государства в XV–XVII вв. (на примере Урала) // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв. : сборник статей. Томск : Издательство Томского университета, 1978. С. 121–143.
3. **Оборин В. А.** Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII вв. Иркутск : Издательство Иркутского университета, 1990. 169 с.
4. **Зубков К. И.** Ранняя колонизация восточных регионов России: политэкономический аспект // **Уральский исторический вестник**. 2020. № 1 (66). С. 130–139. EDN **VRJHEU**.
5. **Солодкин Я. Г.** К предыстории основания первых русских городов и острогов в Сибири // **Вестник «Альянс-Архео»**. 2018. № 24. С. 45–56.
6. **Побережников И. В.** Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // **Россия реформирующаяся**. 2013. № 12. С. 246–274. EDN **SCBVZR**.
7. **Коноплева А. А., Стожко К. П.** Исторический опыт начального промышленного освоения Урала // **Наука, образование, культура** : межвузовский сборник научных статей / под ред. К. П. Стожко. Т. 3. Екатеринбург : ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2021. С. 106–120. EDN **UUUYMF**.
8. **Лотарёва Р. М.** Города-заводы России: XVIII – первая половина XIX века. М. : Сократ, 2011. 288 с.
9. **Антропов Д. Н.** Образ горнозаводского Урала XVIII в. в иллюстрациях «Описания Уральских и Сибирских заводов» Г. В. де Геннина // **Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки**. 2013. № 4 (120). С. 86–97. EDN **RXALWL**.
10. **Тургель И. Д., Власова Н. Ю.** «Вторые» города Урала: от города-завода – к многофункциональным центрам // **Региональные исследования**. 2016. № 2 (52). С. 43–54. EDN **WHTRGD**.
11. **Гун Г. Е.** Исторические города-заводы как феномен культурного наследия (на материале Южно-уральских городов) // **Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**. 2017. № 5 (79). С. 51–55. EDN **YMSECT**.
12. **Десятов А. В., Бурганов А. Д.** Специфика архитектурно-градостроительной реорганизации действующих промышленных территорий в городах-заводах Урала // **Архитектон: известия вузов**. 2022. № 2 (78). С. 4. EDN **WBRCBK**.
13. **Тройницкий Н. А.** Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. М. : Издательство Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905.
14. **Михалев Н. А.** Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: из истории организации и проведения на Ямале // **Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв.** : сборник статей / под ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2012. С. 114–124. EDN **YOLKMP**.
15. **Баранов Е. Ю.** Миграции населения на Урале в XX в.: проблемы современной историографии // **Genesis: исторические исследования**. 2019. № 11. С. 11–28. EDN **OZWTWD**.
16. **Младов С., Колупаева Е. А., Вилесова А. И., Смелтер К. А., Голубева А. М.** Уральское хозяйство в цифрах. Вып. 1: Социальная статистика : краткий статистический справочник. М. : Издание Статсектора Уралплана, 1930. 223 с.
17. **Фукс М. И.** Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. : краткий статистический справочник. Екатеринбург : Издание УралУНХУ, 1933. С. 388.
18. **Кузьмин А. И.** Демографическая ситуация на Среднем Урале: применима ли модель третьего демографического перехода к Свердловской области // **Бюллетень Оренбургского научного центра Уро РАН**. 2011. № 3. С. 1–6.
19. **Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г., Корнилов Г. Е., Голикова С. В., Алферова Е. Ю.** Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1996. 212 с. EDN **RZXEWN**.
20. **Корнилов Г. Е.** Трансформация демографических структур в городских поселениях (на материалах Уральской области в 1923–1934 годах) // **Исторический курьер**. 2021. № 4 (18). С. 121–132. EDN **PMFRRA**.
21. **Корнилов Г. Е.** Структурные изменения населения Урала в условиях Великой Отечественной войны // **Великая Победа в реалиях современной эпохи: историческая память и национальная безопасность** : сборник научных статей /

под ред. А. В. Сперанского. Екатеринбург : Издательский дом «Сократ», 2020. С. 141-145. EDN [ZPMVVK](#).

22. **Антипин Н. А.** Эвакуация населения в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны: социально-демографические характеристики вынужденной миграции // **Труд во имя Победы: трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны** : сборник научных статей / под ред. Н. А. Антипина, И. В. Сибирякова. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2021. С. 244-258. EDN [JBQXJH](#).

23. **Прищепа А. И.** Городское строительство в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (к. 1950-х – сер. 1990-х гг.). Петрозаводск : МЦНП «Новая наука», 2021. 221 с. EDN [RXLTEL](#).

24. **Соколов С. Н.** Фронтирный цикл освоения Нижневартовского района Югры // **Природа и общество: в поисках гармонии**. 2020. № 6. С. 126-137. EDN [EFYNM](#).

25. **Т. М. Резер, Я. А. Григоренко.** Демографические кризисы в Свердловской области: социально-экономические аспекты // **Региональная экономика и управление: электронный научный журнал**. 2022. № 3 (71). С. 9. EDN [VVOPXV](#).

26. **Резер Т. М., Григоренко Я. А.** Институт семьи как социальная ценность государства в условиях демографического кризиса // **Вопросы управления**. 2020. № 5 (66). С. 121-131. EDN [DKSKRH](#).

27. **Оруджиева А. Г.** Развитие городов Свердловской области в XX - начале XXI веков (краткий исторический экскурс) // **Муниципалитет: экономика и управление**. 2014. № 4 (9). С. 59-72. EDN [TJXPTJ](#).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Резер Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); tmrezer@mail.ru. AuthorID РИНЦ: [420086](#), ORCID: [0000-0002-4793-9918](#), ScopusID: [57215964054](#).

Григоренко Ярослав Александрович – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); yaroslav-grigorenko@bk.ru. AuthorID РИНЦ: [1083295](#).

28. **KUCHMAEVA, O. V.** (2021). Specifics and prospects of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug labour market in the context of economic and demographic development trends. *Population and Economics*, 5(1), 49-71. <https://doi.org/10.3897/popecon.5.e65258>.

29. **ARKHANGELSKY, V. N.** (2021). Fertility in the Yamal-Nenets Autonomous Okrug. *Population and Economics*, 5(1), 72-89. <https://doi.org/10.3897/popecon.5.e65207>.

30. **LOGINOV, V. G.** (2022). Characteristics of population reproduction in the Ural North. *Economy of Region*, 18(3), 699-713. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-6>.

31. **Вишневский С. Ю., Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю., Чевтаева Н. Г.** Анализ демографических процессов и научное обоснование региональной молодежной политики // **Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты** : материалы V Тюменского международного социологического форума (Тюмень, 5–6 октября 2017 г.). Тюмень : Тюменский государственный университет, 2017. С. 94-100. EDN [YRECUB](#).

32. **Баннных Г. А., Воронина А. И., Зайцева Е. В., Костина С. Н., Чевтаева Н. Г.** Институт публичной службы: социокультурное измерение : монография. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2019. 124 с. EDN [QUYEUR](#).

33. **Резер Т. М.** Социальные ценности студентов в условиях цифровизации образования и COVID-19 // **Интеграция образования**. 2021. Т. 25, № 2 (103). С. 226-243. EDN [SVSJLA](#).

Статья получена: 07.02.2023. Заключение рецензента: 27.02.2023. Принята к печати: 27.02.2023.

PUBLIC ADMINISTRATION OF DEMOGRAPHICS IN THE URAL FEDERAL DISTRICT

Rezer T.M.^a, Grigorenko Ya.A.^a

^a Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

Purpose. Based on a comparative analysis, to analyze socio-political and historical situations of the late XVI – early XXI centuries in the Ural Federal District and identify factors and trends in public administration, which caused modern demographic situation from the perspective of declared aspects.

Methods. The method of comparative analysis of the demographic situation in the Ural Federal District in different historical periods, static and bibliometric methods for studying historical sources to determine the causes of a modern demographic crisis were used in the research.

Results. The current demographic crises in the modern RF constituent entities of the Ural Federal District are revealed to be due to the identified historical specific feature of public administration - development of cities around the resources and mining areas, which affected the uneven demographic development in the Kurgan, Sverdlovsk and Chelyabinsk regions.

Scientific novelty lies in theoretical justification of the classification of public administration of demographic processes in the Urals Federal District from the late XVIth century to the present day and in identification from the perspective of socio-political and historical aspects of factors and trends in public administration, which were the reasons for the current demographics in the Ural Federal District.

KEYWORDS: state, management factors, management trends, RF constituent entities, population, demographic crisis, socio-political aspect, historical aspect.

FOR CITATION: Rezer, T. M., & Grigorenko, Ya. A. (2023). Public administration of demographics in the Ural Federal District. *Management Issues*, 17(1), 75–89. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-1-75-89>.

REFERENCES

1. ANIMITSA, E. G. (1975). *Cities of the Middle Urals*. Middle Ural book publishing house.
2. OBOVIN, V. A. (1978). Some features of the formation and development of cities on the outskirts of the Russian state in the 15–17th centuries (on the example of the Urals). In (pp. 121-143). Tomsk University publishing house.
3. OBOVIN, V. A. (1990). *Settlement and development of the Urals at the end of the 11th – beginning of the 17th centuries*. Irkutsk University publishing house.
4. ZUBKOV, K. I. (2020). Early colonization of the eastern regions of Russia: political economic aspect. *Ural Historical Journal*, (1), 130-139. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-1\(66\)-130-139](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-1(66)-130-139).
5. SOLODKIN, YA. G. (2018). On the prehistory of the founding of the first Russian cities and prisons in Siberia. *Alliance-Archeo*, (24), 45-56.
6. POBEREZHNIKOV, I. V. (2013). Frontier modernization as a Russian civilizational phenomenon. *Russia in Reform*, (12), 246-274. <https://elibrary.ru/scbvzr>.
7. KONOPLEVA, L. A., & STOZHKO, K. P. (2021). Historical experience of the initial industrial development of the Urals. In K. P. Stozhko (Ed.), *Science, Education, Culture* (pp. 106-120). UMC UPI Publishing house. <https://elibrary.ru/uuuymf>.
8. LOTARYOVA, R. M. (2011). *Cities-factories of Russia: 18th – first half of the 19th century*. Sokrat.
9. ANTROPOV, D. N. (2013). The image of the mining Urals in the illustrations of a description of Ural and Siberian plants by G. W. de Gennin. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, (4), 86-97. <https://elibrary.ru/rxalwl>.
10. TURGEL, I. D., & VLASOVA, N. YU. (2016). The second Urals cities: from the city-pant to the multi-functional centers. *Regional Studies*, (2), 43-54. <https://elibrary.ru/whtrgd>.
11. GUN, G. E. (2017). Historic towns-plants as a

phenomenon of cultural heritage (by the material of South Ural towns). *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of art. Issues of Theory and Practice*, (5), 51-55. <https://elibrary.ru/ymsect>.

12. DESYATOV, L. V., & BURGANOV, A. D. (2022). Architectural and planning reorganization of functioning industrial sites in the Ural plant towns. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, (2), Article 4. [https://doi.org/10.47055/1990-4126-2022-2\(78\)-4](https://doi.org/10.47055/1990-4126-2022-2(78)-4).

13. TROYNITSKIY, N. A. (1905). *The first general census of the population of the Russian Empire in 1897*. Publishing House of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.

14. MIKHALEV, N. A. (2012). The first general census of the population of the Russian Empire in 1897: from the history of organization and conduct in Yamal. In V. V. Alekseev (Ed.), *Modernization in the context of the development of the eastern regions of Russia in the XVIII–XX centuries* (pp. 114-124). Cultural Information Bank. <https://elibrary.ru/yolkmp>.

15. BARANOV, E. YU. (2019). Migration of population in Ural in the XX century: problems of modern historiography. *Genesis: Historical Research*, (11), 11-28. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.1.131467>.

16. MLADOV, S., KOLUPAEVA, E. A., VILESOVA, A. I., SMELTER, K. A., & GOLUBEVA, A. M. (1930). *Ural economy in numbers. Issue 1: Social statistics*. Publishing House of the StatSector of UralPlan.

17. FUKS, M. I., KAZANSKIY, F. M., KOGAN, I. S., & GOLUBYKH, M. (1933). *Ural economy in figures, 1931–1932*. UralUNKhU Publishing House.

18. KUZMIN, A. I. (2011). The demographic situation in the Middle Urals: is the model of the third demographic transition applicable to the Sverdlovsk region. *Bulletin of the Orenburg Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, (3), 1-6.

19. KUZMIN, A. I., ORUDZHIEVA, A. G., KORNILOV, G. E., GOLIKOVA, S. V., & ALFEROVA, E. YU. (1996). Publishing House “Ekaterinburg”. <https://elibrary.ru/rzxewn>.

20. KORNILOV, G. E. (2021). Transformation of demographic structures into urban settlements (based on the materials of the Ural region in 1923-1934). *Historical Courier*, (4), 121-132. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-4-11>.

21. KORNILOV, G. E. (2020). Structural changes in the population of the Urals in the conditions of the Great Patriotic War. In A. V. Speranskiy (Ed.), *The Great Victory in the realities of the modern era:*

historical memory and national security (pp. 141-145). Publishing House «Sokrat». <https://elibrary.ru/zpmvkvk>.

22. ANTIPIN, N. A. (2021). Evacuation of the population to the Chelyabinsk region during the Great Patriotic War: socio-demographic characteristics of forced migration. In N. A. Antipin, & I. V. Sibirya-kov (Eds.), *Labor in the name of Victory: labor resources and the economy of the Urals and Central Asia during the Great Patriotic War* (pp. 244-258). Publishing Center of South-Ural State University. <https://elibrary.ru/jbqxjh>.

23. PRISHCHEPA, A. I. (2021). *Urban construction in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra (late 1950s – mid-1990s)*. MCNP “Novaya nauka”. <https://elibrary.ru/rxltel>.

24. SOKOLOV, S. N. (2020). Frontier development cycle of Nizhnevartovsk region of Yugra. *Nature and Society: Searching Harmony*, (6), 126-137. <https://elibrary.ru/efynnm>.

25. REZER, T. M., & GRIGORENKO, YA. A. (2022). Demographic crises in the Sverdlovsk region: social and economic aspects. *Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal*, (3), Article 9. <https://doi.org/10.24412/1999-2645-2022-371-9>.

26. REZER, T. M., & GRIGORENKO, YA. A. (2020). The institution of the family as a social value of the state within the context of the demographic crisis. *Management Issues*, (5), 121-131. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2020-5-121-131>.

27. ORUDZHIEVA, A. G. (2014). Urban development Sverdlovsk region in the XX - XXI centuries (a brief history). *Municipality: Economics and Management*, (4), 59-72. <https://elibrary.ru/tjxptj>.

28. KUCHMAEVA, O. V. (2021). Specifics and prospects of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug labour market in the context of economic and demographic development trends. *Population and Economics*, 5(1), 49-71. <https://doi.org/10.3897/popec on.5.e65258>.

29. ARKHANGELSKY, V. N. (2021). Fertility in the Yamal-Nenets Autonomous Okrug. *Population and Economics*, 5(1), 72-89. <https://doi.org/10.3897/popecon.5.e65207>.

30. LOGINOV, V. G. (2022). Characteristics of population reproduction in the Ural North. *Economy of Region*, 18(3), 699-713. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-6>.

31. VISHNEVSKIY, S. YU., VISHNEVSKIY, YU. R., NARKHOV, D. YU., & CHEVTAEVA, N. G. (2017). Analysis of demographic processes and scientific

substantiation of regional youth policy. In *Dynamics of social transformation of Russian society: regional aspects* (pp. 94-100). Tyumen State University. <https://elibrary.ru/yrecub>.

32. BANNYKH, G. A., VORONINA, L. I., ZAYTSEVA, E. V., KOSTINA, S. N., & CHEVTAEVA, N. G. (2019). *Public service institute: socio-cultural dimension*.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. <https://elibrary.ru/quyeur>.

33. REZER, T. M. (2021). Social values of students in conditions of digitalization of education and COVID-19. *Integration of Education*, 25(2), 226-243. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.103.025.202102.226-243>.

AUTHORS' INFORMATION:

Tatiana M. Rezer – Advanced Doctor in Pedagogic Sciences, Full Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); tmrezer@mail.ru. RSCI AuthorID: 420086, ORCID: 0000-0002-4793-9918, ScopusID: 57215964054.

Yaroslav A. Grigorenko – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); yaroslav-grigorenko@bk.ru. RSCI AuthorID: 1083295.

Информация для авторов

Статьи принимаются постоянно в течение года и включаются в план печати по порядку поступления материалов. Автор представляет статью в электронном варианте на электронную почту редакции management-ui@ranepa.ru. Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

Представляемая статья должна соответствовать структуре IMRAD и включать разделы:

- **введение** (должно быть достаточно коротким и не содержать лишних сведений. В этом разделе уместно указывать, почему это исследование было проведено, какова предыстория и контекст изучаемого вопроса, какие термины и аббревиатуры будут использоваться в статье);
- **материалы и методы** (что именно было предпринято для сбора сведений, как именно они были проанализированы и представлены. Здесь же необходимо перечислить методы, которые применялись для исследования. Если для работ был создан новый метод, его нужно подробно описать);
- **результаты** (представление новых данных, которые стали доступны благодаря проведенному исследованию. Предыдущие разделы должны описывать причины и средства, которые привели авторов к определенным результатам. Ценность статьи зависит именно от содержания этого раздела. В нем же чаще всего представляются иллюстративные материалы: таблицы, графики и рисунки и пр.);
- **обсуждение** (основная цель раздела – показать, чем полученные результаты важны, и убедить читателя, что проведенные работы имеют ценность. Тезисы из введения и обсуждения должны соответствовать друг другу).

В случае необходимости допустимо включать раздел «Обзор литературы».

Объем статьи должен составлять 30–40 тыс. знаков с пробелами. Тексты рукописей с заимствованием более 15 % и (или) уровнем оригинальности текста менее 70 % не могут быть опубликованы в журнале.

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название (на русском и английском языке). Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения.

Ссылки оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по списку и страниц, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Список источников должен содержать не менее 20 единиц, из которых не менее 10 должны быть датированы не менее чем 3 годами ранее момента публикации и из которых не менее 3 источников должны индексироваться международными базами цитирования (*Web of Science* или *Scopus*). Допускается не более 10 % самоцитирования.

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Библиографический список может включать в себя следующие типы источников: монография, статья в рецензируемом научном журнале, диссертация или автореферат к ней, статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции. Иные источники должны оформляться в виде постраничных сносок либо, по мере возможности и удобочитаемости, упоминаться непосредственно в тексте.

Обязательным требованием является наличие кодов DOI или EDN в каждом русскоязычном источнике. Для англоязычных источников обязательно наличие только кода DOI. Код EDN можно обнаружить на странице описания публикации в научной электронной библиотеке eLibrary. При отсутствии этих кодов источник следует указывать в виде постраничной сноски.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках:**

а) аннотация

Порядок изложения информации должен соответствовать структуре статьи и включать разделы: введение; материалы и методы; результаты; обсуждение.

Объем аннотации должен составлять от 2 до 2,5 тыс. знаков. Её текст не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

б) ключевые слова и словосочетания

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже. Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) пристатейный библиографический список.

г) сведения об авторах в следующей последовательности:

- ФИО (полностью);
- идентификационные номера: AuthorID (РИНЦ) – обязательно; ORCID, ScopusID, ResearcherID (Web of Science) – при наличии;
- место работы (учебы) и занимаемая должность;
- ученая степень, ученое звание;
- почтовый адрес (указывается в последовательности: почтовый индекс, страна, город, улица, дом);
- адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГРНТИ (<http://grnti.ru/>) и код ВАК (возможно указание 1-2 кодов).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

***Не принимаются статьи, направленные в редакцию
без выполнения требований настоящих условий публикации.***

Научное издание

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»**
119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 84

Издатель:

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес редакции:

620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
<https://journal-management.com/>

Компьютерная вёрстка: Д. И. Трушков

Корректura: С. А. Кокорин

Перевод: Э. Э. Недоросткова

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна.

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012

Дата выхода в свет: 10.03.2023. Формат 60 × 84 1/8.

Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 11,50. Уч.-изд. л. 9,67. Тираж 999.

Цена свободная.

Отпечатано в ООО Универсальная Типография «Альфа Принт».
Адрес: 620049, г. Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. Заказ № ____.